

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 2 (5), 2021

Научный журнал

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2021**

UDC 281.93(066)+94(495)

The Edition is recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church
IS R21-119-0454

Recommended for publication
by the Scientific Council of St. Petersburg Theological Academy
of the Russian Orthodox Church
Protocol No. 6 from October 12, 2021.

Editor-in-Chief

Igor Borisovich Gavrilov,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theology
at the St. Petersburg Theological Academy

Russian-Byzantine Herald: scientific journal / St. Petersburg Theological Academy. —
SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 — .
№ 2 (5). — 2021. — 188 p.

ISSN 2588-0276 (Print)
ISSN 2687-0819 (Online)

© Article authors, 2021
© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2021

УДК 281.93(066)+94(495)
ББК 86.372.24я5+63.3(0)4
Р89

**Издание осуществлено при поддержке прихода
Храма Святой Живоначальной Троицы в г. Павловске**

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-119-0454

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви
Протокол № 6 от 12.10.2021 года

Главный редактор

Игорь Борисович Гаврилов,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры богословия
Санкт-Петербургской духовной академии

Р89 Русско-Византийский вестник : научный журнал / Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018 — .
№ 2 (5). — 2021. — 188 с.

УДК 281.93(066)+94(495)
ББК 86.372.24я5+63.3(0)4

ISSN 2588-0276 (Print)
ISSN 2687-0819 (Online)

© Авторы статей, 2021
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2021

EDITORIAL BOARD

Bishop Siluan of Peterhof (Nikitin Sergey Sergeyeich) – Candidate of Theology, Rector of the St. Petersburg Theological Academy.

Elena Ivanovna Annenkova – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department at the Herzen State Pedagogical University.

Valery Aleksandrovich Fateyev – Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of the “Rostok” Publishing House.

Priest Igor Anatolyevich Ivanov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Associate Professor of the Theology Department at the St. Petersburg Theological Academy, Head of the “Byzantine Cabinet” Project.

Alexander Arkadyevich Korolkov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy of the Human Philosophy Institute at the Herzen State Pedagogical University of Russia; Academician of the Russian Academy of Education.

Vladimir Alekseevich Kotelnikov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Russian Literature Institute at the Russian Academy of Sciences, Member of the Expert Council of the Patriarchal Prize.

Dmitry Igorevich Makarov – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor and Head of the Department of General Humanitarian Disciplines at the Mussorgsky Urals State Conservatory.

Priest Ilya Vladimirovich Makarov – Candidate of Theology, Associate Professor at the St. Petersburg Theological Academy, Chairman of the Council for Culture of the St. Petersburg Diocese.

Aleksandr Vasilyevich Markidonov – Candidate of Theology, Associate Professor of the Theology Department at the St. Petersburg Theological Academy.

Arkady Yuryevich Minakov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Faculty and Director of the Zonal Scientific Library of the Voronezh State University, Lecturer at the Voronezh Theological Seminary.

Nun Teresa (Obolevitch Teresa Semenovna) – Habilitated Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian and Byzantine Philosophy at the John Paul II Pontifical University (Krakow, Poland).

Alexander Yurievich Polunov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Management in the Field of Inter-Ethnic and Interfaith Relations of the Public Administration Faculty and Deputy Dean for Research at the Lomonosov Moscow State University.

Olga Borisovna Sokurova – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Arts, Associate Professor of the Department of Western European and Russian Culture History of the History Institute at the St. Petersburg State University.

Artem Pavlovich Solovev – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Religious Studies Department of the Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications at Kazan (Povolzhye) Federal University.

Dmitry Mikhailovich Volodikhin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Source Studies Department of the History Faculty at the Lomonosov Moscow State University, Head of the Cultural Heritage Department at the Moscow State Institute of Culture.

Vladimir Alekseevich Voropaev – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Literature History at the Lomonosov Moscow State University, Member of the Writers’ Union of Russia, Chairman of the Gogol Commission of the Scientific Council “History of World Culture” at the Russian Academy of Sciences.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич) — кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Елена Ивановна Анненкова — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Дмитрий Михайлович Володихин — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой культурного наследия Московского государственного института культуры.

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член Союза писателей России, председатель Гоголевской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» Российской академии наук.

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургской духовной академии, руководитель проекта «Византийский кабинет».

Александр Аркадьевич Корольков — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования.

Владимир Алексеевич Котельников — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы Российской академии наук, член экспертного совета Патриаршей литературной премии.

Дмитрий Игоревич Макаров — доктор философских наук, доцент, профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского.

Священник Илия Владимирович Макаров — кандидат богословия, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии, ответственный секретарь совета по культуре Санкт-Петербургской епархии.

Александр Васильевич Маркидонов — кандидат богословия, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

Аркадий Юрьевич Минаков — доктор исторических наук, профессор исторического факультета и директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета, преподаватель Воронежской духовной семинарии.

Сестра Тереза (Оболевич) — хабilitированный доктор философии, профессор, заведующая кафедрой русской и византийской философии Папского университета им. Иоанна Павла II в Кракове (Польша).

Александр Юрьевич Полунов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления и заместитель декана по научной работе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Ольга Борисовна Сокурова — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Артем Павлович Соловьев — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Поволжского) федерального университета.

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редакционной коллегии издательства «Росток» (Санкт-Петербург).

CONTENTS

From the Editorial Board

Igor B. Gavrilov. Bringing Back a Great Legacy..... 8

Memorable Dates of Russia. Dedicated to the 220th Anniversary of the Birth of M. P. Pogodin (1800–1875)

Valery A. Fateyev. The “State-Oriented” Historian Mikhail Pogodin and Alexander Pypin’s Pseudo-Scientific Theory of “Official Nationality” 10

Vladimir A. Kotelnikov. M. P. Pogodin and Slavophiles..... 43

Elena I. Annenkova. Letters and notes by M. P. Pogodin about the Crimean War: political or confessional prose? 58

Nina N. Vikhrova. “To live in Russian...”: Historiosophical views of M. P. Pogodin in the assessment of I. S. Aksakov 75

Olga L. Fetisenko. Pogodin is blessing, Pogodin is grateful: “Moscow Nestor” in correspondence with Nadezhda Sokhanskaya 92

Dmitrii A. Badalian. *The Moscow Observer* journal, S. S. Uvarov and Moscow censorship: to the history of struggle in the Russian periodicals of the 1830s..... 106

Svetlana M. Telegina. M. Y. Lermontov in the Criticism of the “Moskvityanin” Journal 130

Philosophy of Russian Conservatism

Nadezhda N. Lupareva. The problem of national identity in the works of Russian conservatives of the first quarter of XIX century 166

Book Reviews and Reflections

Andrey A. Teslya. Conservatism with many faces. Reflections on the Book: Kotov A. E. Russian political Premodern: forgotten “conservatives” of the second half of the XIX century. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. 285 p. 183

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

И. Б. Гаврилов. Возвращая великое наследие 8

Памятные даты России. К 220-летию со дня рождения М. П. Погодина (1800–1875)

В. А. Фатеев. «Державный» историк М. П. Погодин
и псевдонаучная теория «официальной народности» А. Н. Пыпина 10

В. А. Котельников. М. П. Погодин и славянофилы 43

Е. И. Анненкова. Письма и записки М. П. Погодина
о Крымской войне: политическая или исповедальная проза? 58

Н. Н. Вихрова. «Жить по-русски...»:
историософские воззрения М. П. Погодина
в оценке И. С. Аксакова 75

О. Л. Фетисенко. Погодин благословляющий, Погодин благодаримый:
«Московский Нестор» в переписке с Надеждой Соханской 92

Д. А. Бадалян. Журнал «Московский наблюдатель»,
С. С. Уваров и московская цензура: к истории борьбы
в русской периодической печати 1830-х гг. 106

С. М. Телегина. М. Ю. Лермонтов
в критике журнала «Москвитянин» 130

Философия русского консерватизма

Н. Н. Лунарева. Проблема национальной самобытности
в трудах российских консерваторов
первой четверти XIX в. 166

Отзывы и размышления над книгами

А. А. Тесля. Многоликий консерватизм. Размышления над книгой:
Котов А. Э. Русский политический предмодерн:
забытые «консерваторы» второй половины XIX века.
СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с. 183

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

Возвращая великое наследие

Дорогой читатель!

Вы держите в руках пятый номер «Русско-Византийского вестника». Наш журнал издается с 2018 г. под эгидой научно-просветительского проекта «Византийский кабинет» при Книжной гостиной Издательства СПбДА, а с 2021 г. является изданием кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. С 2020 г. он специализируется на исследованиях в области истории русской религиозной философии.

Центральное место в номере занимает рубрика «Памятные даты России», содержащая семь статей, приуроченных к 220-летию со дня рождения одного из самых ярких деятелей православной культуры, отечественной науки, образования и журналистики XIX столетия — М. П. Погодина.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, публицист, журналист, переводчик, издатель, драматург, прозаик, археолог, коллекционер, собиратель уникальной коллекции предметов русской старины «Древлехранилище», первый профессор кафедры российской истории Московского университета, современник и друг таких выдающихся фигур, как А. С. Пушкин, С. П. Шевырев, Д. В. Веневитинов, князь В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, семейство Аксаковых и др. В своей более чем 50-летней научной, публицистической и издательской деятельности этот человек всегда оставался убежденным русским консерватором, православным христианином и патриотом Святой Руси. Погодин отвергал бездумные заимствования с Запада, стремился постигнуть самобытный исторический путь России в его прошлом, настоящем и будущем и раскрывал в своих трудах идеал славянского культурного единства с позиций национального православно-русского мировоззрения¹. Один из его учеников, историк К. Н. Бестужев-Рюмин писал: «Я вполне уверен в том, что значение Погодина как чисто русского человека, послужившего своей стране добросовестно и честно, как человека, который постоянно искал истины и не считал себя ее полным, исключительным обладателем, <...> будет расти, а не уменьшаться, чем ближе мы с ним будем знакомиться»².

В. А. Фатеев в статье «„Державный“ историк М. П. Погодин и псевдонаучная теория „официальной народности“ А. Н. Пыпина» убедительно показывает, что Погодин был оригинальным и самостоятельным мыслителем. Кроме того, автор убежден, что термин «официальная народность» является не научным понятием,

¹ Гаврилов И. Б. К вопросу о характеристике религиозно-философского мировоззрения М. П. Погодина // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 3 (7). С. 106.

² Бестужев-Рюмин К. Н. Михаил Петрович Погодин (1800–1875) // Его же. Биографии и характеристики. М., 1997. С. 214.

а либеральным идеологическим ярлыком, созданным для борьбы с писателями консервативного направления.

В. А. Котельников в статье «М. П. Погодин и славянофилы» рассматривает контакты знаменитого историка с ведущими представителями славянофильства — И. В. и П. В. Киреевскими, А. С. Хомяковым, К. С. и И. С. Аксаковыми, Ю. Ф. Самариним.

В статье Е. И. Анненковой «Письма и записки М. П. Погодина о Крымской войне: политическая или исповедальная проза?» историко-политические письма Погодина периода Крымской войны анализируются в качестве образца политической прозы в широком историко-культурном контексте русской мысли и, в частности, философии славянофильства.

Н. Н. Вихрова в статье «„Жить по-русски...“: историософские воззрения М. П. Погодина в оценке И. С. Аксакова» обращается к сущности славянского вопроса и проблематике генезиса российской государственности.

Статья О. Л. Фетисенко «Погодин благословляющий, Погодин благодаримый: „Московский Нестор“ в переписке с Надеждой Соханской» посвящена малоизученным отношениям Погодина с писательницей славянофильского направления Кохановской (Н. С. Соханской). Публикуются ранее неизвестные письма и архивные материалы.

Д. А. Бадалян в статье «Журнал „Московский наблюдатель“, С. С. Уваров и московская цензура: к истории борьбы в русской периодической печати 1830-х гг.», рассматривая различное отношение к журналу органов цензуры в Москве и в Санкт-Петербурге, показывает развернувшуюся в обществе борьбу «национальных» и «космополитических» сил.

С. М. Телегина в обширном исследовании «М. Ю. Лермонтов в критике журнала „Москвитянин“» проводит детальный анализ критических оценок произведений Лермонтова, содержащихся в рецензиях С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, А. А. Григорьева и других авторов, опубликованных в крупнейшем российском журнале православно-русского направления середины XIX в., который издавал М. П. Погодин.

Продолжает номер статья Н. Н. Лупаревой «Проблема национальной самобытности в трудах российских консерваторов первой четверти XIX в.», представленная в рубрике «Философия русского консерватизма». Автор показывает, что такие мыслители, как А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка и Н. М. Карамзин, впервые стали популяризовать идеи необходимости создания системы национального воспитания, основанного на изучении русского языка, отечественной истории, на ценностях православной религии и незыблемости национальной политической системы — самодержавия.

Ставший уже традиционным раздел «Отзывы и размышления над книгами» развивает тему научного исследования философии русского консерватизма публикацией рецензии А. А. Тесли на книгу А. Э. Котова «Русский политический предмодерн: забытые „консерваторы“ второй половины XIX века».

«Русско-Византийский вестник» приглашает к сотрудничеству всех, кому дорого и интересно великое и богатейшее наследие отечественной мысли, культуры и истории, и ждет предложений, пожеланий и замечаний со стороны своих авторов и читателей.

*Игорь Борисович Гаврилов,
главный редактор научного журнала
«Русско-Византийский вестник»*

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

В. А. Фатеев

«Державный» историк М. П. Погодин и псевдонаучная теория «официальной народности» А. Н. Пыпина

УДК 1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_10

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о роли историка, писателя и публициста М. П. Погодина (1800–1875) в русской культуре и влиянии на его оценку общественным мнением теории «официальной народности» либерального публициста А. Н. Пыпина. Творческое наследие Погодина долгие годы пребывало в забвении, и он незаслуженно воспринимался как охранитель-реакционер, отражавший в своих взглядах официальную позицию властей. Немалую роль в такой искаженной репутации видного деятеля отечественной словесности сыграло утвердившееся в обществе мнение о Погодине как типичном представителе «официальной народности» в культуре. В данной статье показано, что Погодин был оригинальным и самостоятельным мыслителем. Также доказывается, что термин «официальная народность» является не научным понятием, а лишь полемическим приемом, либеральным идеологическим ярлыком, созданным в целях идейной борьбы с писателями консервативного направления. В современной исторической и литературно-философской науке все чаще раздаются критические суждения о лишенном объективности термине Пыпина и предложения отказаться от использования этого тенденциозного понятия по отношению к деятелям культуры.

Ключевые слова: консерватизм, Православие, Самодержавие, Народность, официальная народность, славянофильство, М. П. Погодин, А. Н. Пыпин, Н. М. Карамзин, С. С. Уваров.

Об авторе: Валерий Александрович Фатеев

Кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Росток».

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Для цитирования: Фатеев В. А. «Державный» историк М. П. Погодин и псевдонаучная теория «официальной народности» А. Н. Пыпина // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 10–42.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Valery A. Fateyev

The “State-Oriented” Historian Mikhail Pogodin and Alexander Pypin’s Pseudo-Scientific Theory of “Official Nationality”

UDC 1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_10

Abstract: This article deals with the role of the historian, prose writer and journalist Mikhail Pogodin (1800–1875) in Russian culture and an influence of the theory of “Official Nationality” introduced by the liberal journalist Alexander Pypin on Pogodin’s reputation. For many years Pogodin’s creative work remained in oblivion and he was undeservedly treated as a reactionary and obscurant who based his opinions on the precepts recommended by the ruling tsarist power. This distorted reputation of the eminent public figure was largely based on the statement accepted by society that he was a typical representative of the “Official Nationality” trend in Russian culture. The present article proves that Pogodin was an original and independent thinker. It also asserts that the “Official Nationality” is just a liberal polemic device or label created for ideological struggle against writers of the conservative trend rather than a scientific notion. Critical judgements on Pypin’s term devoid of objectivity grow more prominent in the present-day historical, literary and philosophical studies and suggestions are recurrently made to reject the use of this tendentious notion with regard to cultural figures.

Keywords: Conservatism, Orthodox Faith, Autocracy, Nationality, Official Nationality, Slavophile Trend, Mikhail Pogodin, Alexander Pypin, Nikolay Karamzin, Sergey Uvarov.

About the Author: **Valery Alexandrovich Fateyev**

Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of the Rodnik Publishers, St. Petersburg.

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

For citation: Fateyev V. A. The “State-Oriented” Historian Mikhail Pogodin and Alexander Pypin’s Pseudo-Scientific Theory of “Official Nationality”. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 10–42.

Если подавляющее большинство дореволюционных русских писателей и философов, чьи сочинения были в советское время изъяты из обращения по причине их «реакционности», довольно давно вернулось к читателям, то среди отечественных историков до сих пор есть имена, крайне медленно обретающие то место, которое объективно принадлежит им в истории отечественной культуры. Одним из таких консервативных историков является Михаил Петрович Погодин (1800–1875), в произведениях которого без всякого лукавства провозглашается верность Православию, Самодержавию и Народности.

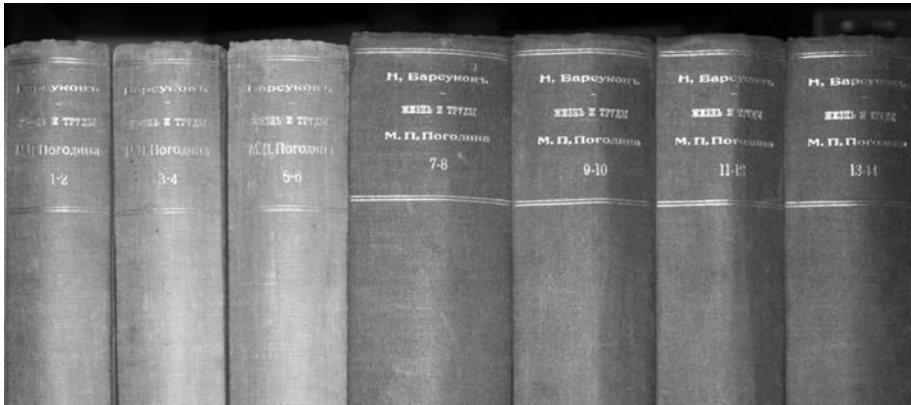
Само имя Погодина известно, правда, довольно широко, да и как его не знать, если с историком переписывались и тесно общались Пушкин и Гоголь, Аксаковы и главные славянофилы. Кроме того, до сих пор почти в самом центре Москвы, на Девичьем поле в Хамовниках, обращает на себя внимание знаменитая «Погодинская изба» в народном духе, бывшая когда-то флигелем усадебного дома историка, где по определенным дням собирались, согласно многочисленным отзывам, видные представители русской науки и литературы. К тому же и улица, на которой находится историческая «Изба», носит название Погодинской.

Достопримечательная «Погодинская изба» служила при жизни Погодина «Древлехранилищем» огромного собрания рукописных книг и манускриптов, которые были по указанию Царя приобретены Императорской публичной библиотекой в Петербурге. Основная московская библиотека также обогатилась многочисленными трудами, собранными или написанными этим единственным в своем роде энтузиастом.

Чего стоит огромный Погодинский архив с обилием дневников, записных книжек и писем, можно судить по уникальному 22-томному обзорному исследованию Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (1888–1910), созданному на основе архивного собрания Погодина. Второго подобного случая не было в нашей историографии — никто даже из величайших гениев не удостоился такого огромного жизнеописания. Более того, Барсуков так и покинул этот бранный мир, доведя свое



«Погодинская изба». Фото 1890-х гг.



Тома труда Н. П. Барсукова

эпическое по масштабам повествование лишь до 1860 г., т. е. неохваченными остались еще целых пятнадцать плодотворных лет жизни Погодина.

Казалось бы, наличие такого уникального обобщающего исследования, каким является созданное Барсуковым жизнеописание историка на основании его огромного архива, не позволяет говорить о недооценке значения Погодина. Однако, во-первых, прекрасный многотомный труд Н. П. Барсукова относится к далекому прошлому, он не переиздан и мало знаком современному читателю (хотя теперь доступен в интернете). Кроме того, даже ученые, часто обращаясь к погодинскому жизнеописанию и находя в этом бесценном «тезаурусе» всей русской культуры русского общества XIX в. нужную конкретную информацию по своей теме, не могут, конечно, прочитывать том за томом *весь* справочный, по сути дела, труд из-за огромного объема и дробности этой своеобразной «мозаики».

Погодин был яркой, заметной личностью, участником многих важных общественных и культурных событий своего времени. Исследователь истории русской литературы Л. Н. Майков объяснял причину обширности труда Барсукова прежде всего тем, что «Погодин был очень отзывчив на все, что происходило вокруг него»¹. К тому же Барсуков дополнил жизнеописание М. П. Погодина, кропотливо составленное на основании неопубликованных материалов из бесценного архива историка, некоторыми опубликованными материалами, превратив свой многотомный труд из частной биографии в единственную в своем роде хронику культурной жизни России XIX в. Но этот уникальный свод сведений по истории русской культуры периода ее расцвета остается все же малоизвестным и недооцененным.

Хотя в 1999–2011 гг., впервые после более чем 100-летнего перерыва, и были напечатаны большой исторический труд Погодина и два одготомных собрания его сочинений (если не считать изданного в советское время сборника его художественной прозы)², их выход в свет прошел как-то незаметно. Разносторонняя творческая деятельность Погодина до сих пор не привлекает к себе того внимания, какое она заслуживает. В общественном сознании он остается второстепенной, архаической фигурой из былых времен, историком второго ряда, интересным только специалистам.

Не самым лучшим образом сложившуюся репутацию Погодина можно в некоторой степени объяснить тем, что значительное влияние оказали отрицательные отзывы

¹ Майков Л. Н. Погодин в последний год своего профессорства // *Его же*. Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 292.

² Погодин М. П. Повести. Драма. М.: Советская Россия, 1984; *Его же*. Древняя русская история до монгольского ига: В 2 т. М.: Терра, 1999; *Его же*. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010 («Библиотека отечественной общественной мысли»); *Его же*. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

его авторитетных современников, в том числе историков С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и даже, к сожалению, Н. В. Гоголя, близкого Погодину человека. Приняв на себя, под влиянием мистического настроения, миссию духовного учителя общества, Гоголь в своей известной книге «Выбранные места из переписки друзьями» в назидательных целях открыто описал недостатки своего друга, дав при этом и двусмысленную оценку его взглядов. Но если казус с братской «оплеухой» великого писателя получился нечаянно, то маститый либеральный историк литературы А. Н. Пыпин в 1870-е гг. вознамерился сознательно нанести сокрушительный удар по репутации Погодина как видного представителя консерватизма. Более того, амбициозный западник задумал единым махом расправиться не только с Погодиным, но и со всеми прочими «обскурантами» и сторонниками «квасного патриотизма».

И, надо сказать, ему это в значительной степени удалось, прежде всего потому, что в общественном мнении в тот период господствовали оппозиционные взгляды. Внедренный Пыпиным ярлык «официальной народности» прочно приклеился тогда к консервативному историку, принимая его научный авторитет. Произведения Погодина долгое время не переиздавались и, соответственно, не читались, а этот ярлык представителя «официальной народности», или реакционера, с которым он вошел во многие справочники, до сих пор остается чуть ли не единственным, что всплывает в памяти обычного, мало и даже средне образованного человека при упоминании имени историка.

Хотя Кавелин — тоже либерал и западник, он несколько более объективный историк, нежели Пыпин. Однако его разбор исторического труда Погодина также содержит множество критических замечаний, и, по существу, он вообще отказывает Погодину в праве считаться историком. Кавелин писал о Погодине: «У него есть светлые мысли, но нет ясной системы; есть научные приемы, довольно удачные, но совершенно нет методы. <...> У него есть страсть, общая всем специалистам, — возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет»³. Такой строгий вывод можно объяснить прежде всего идейным неприятием взглядов Погодина.

Но странно другое. Погодин происходил из бывших крепостных, и, хотя он окончил гимназию, а потом Московский университет и стал профессором истории, был избран в Академию наук, знал иностранные языки и писал серьезные труды, получавшие признание многих ученых, в отзывах о нем современников очень часто содержались высокомерные насмешки над его низким происхождением, отсутствием манер и простецкой внешностью.

Больше других отличился историк С. М. Соловьев, нашедший возможным заявить в своих опубликованных посмертно «Записках» о том, как «много вреда приносила Погодину его наружность, имевшая в себе, кроме дурного, еще неблагоприятное, отталкивающее»⁴.

Более того, Соловьев создал из описания своего бывшего коллеги по профессорскому цеху некий собирательный образ чуть ли не всех отрицательных человеческих качеств: «...он славился своею грубостью, цинизмом, самолюбием и особенно корыстолюбием. Есть много людей, которые так же самолюбивы и корыстолюбивы, как Погодин, но не слывут такими именно потому, что у Погодина душа нараспашку...»⁵. Находит мемуарист у Погодина, правда, и одно достоинство — смелость, но характеризует его своеобразно — как «качество первобытного, простого русского человека»⁶. Именно эта «первобытная» смелость, по словам Соловьева, позволяла Погодину обращаться с письмами к Царю, чего не смел даже митрополит Филарет.

³ Кавелин К. Д. Исторические труды М. П. Погодина // *Его же*. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. С. 102.

⁴ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Его же*. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 255.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 264.

Много нехорошего можно прочитать о Погодине в «Записках» С. М. Соловьева, только у этих воспоминаний настолько дурная репутация, что даже дети историка были убеждены: из-за крайней резкости и необъективности суждений «Записки» не стоило бы печатать. Заметки в большей степени характеризуют самого автора, чем негативно описанных им персонажей. Не лишним будет напомнить здесь читателям, что именно Погодин открыл талантливому студенту Соловьеву, его ученику, путь на кафедру русской истории после своего ухода.

Дальше Соловьева в оскорблениях Погодина зашел разве что только «неистовый Виссарион», не стеснявшийся, как известно, в бранных выражениях, цинично ругая в письмах своих идейных противников. Белинский написал как-то в 1847 г. В. П. Боткину: «...трижды гнусный Погодин, вечно воняющий»⁷.

Нечего и говорить, что «портрет» Погодина, начертанный старческой рукой его коллеги историка Соловьева, был груб и несправедлив. Но вот что, например, думал об этой характеристике В. В. Розанов, который еще застал студентом профессора С. М. Соловьева на университетской кафедре и не нашел тогда в его лекциях ничего вдохновляющего. А с трудами и личностью Погодина Розанов был хорошо знаком как автор нескольких статей о посвященной историку 22-томной хронике Н. П. Барсукова. Розанов писал в одной из рецензий на очередной вышедший том жизнеописания, опровергая мнение Соловьева: «Да не смущается, однако, сердце его (жертвователя на издание книг Барсукова. — В. Ф.) этим отзывом о бывшем и его друге. М. П. Погодин был человек истинно замечательный; нет (по всему вероятно) ложного в показаниях Соловьева, есть ужасная ошибка односторонности, непонимания; все принимая в этих показаниях (хотя они голословны, т. е. не опираются на факты), сохраняешь, однако, полную свободу сказать, что Погодин был натура гораздо более замечательная, несравненно более богатая, обильнее наделенная дарами ума и сердца, чем сам покойный Соловьев. И вот доказательство: Соловьев не оставил после себя, несмотря на 30-летнее преподавание, ни одного истинно замечательного ученика, т. е. в своих лекциях он не умел передать понимания, не успел зародить любви к родной истории ни в одном ученике; Погодин — именно он — дал всю плеяду светил нашей исторической науки: самого С. М. Соловьева, незабвенного Калачева и Кавелина, Беляева, Бычкова, косвенным образом — Бестужева-Рюмина. Это уже не обвиняющее мнение, это — непоколебимый факт»⁸.

Метко, образно и остроумно пишет о профессиональных недостатках Погодина историк В. О. Ключевский в неопубликованных при жизни фрагментарных набросках⁹. Но даже Ключевский обращает особое внимание на то, что Погодин был «профессором из крестьян» и жалеет, что Погодин так и остался «мужиковатым человеком»¹⁰. По мнению Ключевского, этот порок много повредил талантам, которыми Погодин был одарен далеко не скудно. Он обнаруживался «в недостаточной опрятности костюма и прически, дисциплины, отделки мысли и слова». Дался, однако, им этот его костюм!

В тезисах Ключевского содержится немало метких критических суждений о Погодине, но для объективной картины явно не хватает положительных качеств. Впрочем, будем объективны: завершая свою скорее нелицеприятную характеристику нестандартной личности Погодина как ученого и человека, Ключевский вдруг заявляет о его стиле нечто подобное тому, что говорил когда-то Пушкин: «Люблю его бойкое перо, из-под которого так часто блещет ум и талант»¹¹.

Пожалуй, К. Н. Бестужев-Рюмин был едва ли не единственным среди крупных историков XIX в., кто целиком положительно оценил творческое наследие Погодина.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В XIII т. Т. XII. М., 1956. С. 421.

⁸ Розанов В. В. Еще доброе дело на Руси // *Его же*. Эстетическое понимание истории. М., 2000. С. 460.

⁹ Ключевский В. О. М. П. Погодин // *Его же*. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 138–152.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Там же.

В своей книге «Воспоминания и портреты» Бестужев-Рюмин так характеризует взаимоотношения Погодина со славянофилами: «Погодин был одним из немногих упорно ограждавших себя от такой ограниченности, сходясь более чем с кем-нибудь с славянофилами. Погодин никогда не был славянофилом; следя за всеми движениями мысли, принимая в них деятельное и живое участие, он — представитель здравого смысла русского народа — любил преимущественно простого русского человека, ценил русских самородков»¹². Бестужев отмечает, что Погодин старался не просто передать знания своим слушателям, а стремился воодушевить их своими идеями: «Воззрения его были не философскою системою, а верою, потребностью его духа...»¹³

* * *

Если не вдаваться в подробности обсуждения достоинств и недостатков Погодина как исследователя истории, из отрицательных отзывов о нем можно понять, что он представлял собой какой-то другой тип ученого, отличный от западников Соловьева, Кавелина, Пыпина и им подобных историков-рационалистов. Погодин смотрит на историю не отстраненным взглядом ученого-созерцателя, а взглядом заинтересованного, активного участника исторического процесса. Недаром Кавелин отмечал, что Погодин часто путает историю с политикой. Погодиным как историком движет не столько жажда рационального познания, сколько религиозное одушевление от ощущения величественной роли Провидения в истории и чувство восторга от любви к Отечеству и ощущения сопричастности к ее прошлому и будущему.

Кавелин подробно остановился на этой особой мистической настроенности Погодина. Рассуждая о книге Погодина «Исторические афоризмы», Кавелин заявлял, что вместо теорий у него — восклицания, выражающие благоговение перед событием: «Не будучи в состоянии ни совершенно отказаться от теоретического воззрения, ни основать его на твердых, ясных началах, г. Погодин впал в исторический мистицизм — иначе мы не можем назвать его историческое воззрение...»¹⁴

Своего рода «исторический мистицизм», вера в Провидение действительно является характерной чертой творческого метода Погодина. Русская история представляется ему цепью счастливых и взаимосвязанных событий.

Гоголь еще ранее очень верно подметил восторженное отношение Погодина к Истории, которую он всегда пишет с прописной буквы: «Везде видишь человека, обладаемого величием своего предмета. Это благоговейное изумление дышит на каждой странице»¹⁵. В этом, может быть, главное отличие Погодина как мыслителя и историка от ученых, отстраненно, рационально и методично анализирующих факты истории. Погодин — менее всего холодный, трезвый аналитик, он активный участник исследуемых им событий; его отношение всегда выражается эмоционально, прямо и недвусмысленно. Из-за своей эмоциональности Погодин бывал в спорах груб, и это стало одной из причин, почему он имел так много противников. Беспристрастность, уклончивость и деликатность — не его свойства. Важно, однако, что споры, в которых Погодин активно участвовал, не были беспочвенны и носили принципиальный, идейный характер.

Образ Погодина как человека и историка наводит прежде на мысли о Н. М. Карамзине, которого он воспринимал как своего предшественника и как образец бескорыстного религиозного и гражданского служения России. Погодин развивал то «органическое понимание истории»¹⁶, которое он унаследовал от Карамзина, высоко ценимого им еще с гимназических времен.

¹² Бестужев-Рюмин К. Н. Михаил Петрович Погодин (1800–1875) // *Его же*. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 233–234.

¹³ Там же. С. 242.

¹⁴ Кавелин К. Д. Исторические труды М. П. Погодина. С. 106.

¹⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. VIII. С. 194.

¹⁶ Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. С. 774.

Следуя заветам Карамзина, Погодин стремится не ломать историю в соответствии с теоретическими схемами, а брать ее в натуральном виде: он представляет историю как процесс естественного раскрытия задатков национального развития. У Погодина заметно выделяются две главные идеи. Во-первых, как верующий человек, он опирается на роль Промысла Божия в истории народов и считает принцип Православия, Самодержавия и Народности основным ориентиром государственного строительства России. Он утверждает, что всякий народ осуществляет цель, указанную ему благим Провидением. Во-вторых, он подчеркивает особенность истории развития России как государства. Христианство, отмечал Погодин, было введено у нас мирно, с крестом, а не с мечом, как на Западе. Тезис о том, что христианство в России утвердилось мирным путем, а не путем завоевания, столь популярный среди славянофилов, скорее всего, восходит именно к Погодину. Взгляды Погодина опирались прежде всего на отстаивание им самобытности России и на утверждение различных путей развития России и Запада.

Погодин писал: «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как Российская. Воображая события, ее составляющие, сравнивая их неприметные начала с далекими, огромными следствиями, удивительную связь их между собою, невольно думаешь, что перст Божий ведет нас, как будто древле Иудеев, к какой-то высокой цели»¹⁷.

Погодин был не только и не столько историком или мыслителем, сколько деятелем, причем деятелем разносторонним, пытливым и увлеченным. Пафос его увлечений передавался его читателям и слушателям лучше, чем отвлеченные мысли. К тому же он увлекался всем таинственным и непознанным, и отблеск этого неподдельного переживания непостижимости тайны бытия лежит на таких его пока малоизвестных и несколько эклектичных, но очень оригинальных книгах, как «Простая речь о мудреных вещах» (1873) и «Сборник, служащий дополнением к „Простой речи о мудреных вещах“» (1875). Непредвзятый читатель среди «разноцветных и разношерстных лоскутков» этих двух его книг, «сшитых на живую нитку», увидит любопытные наблюдения и метко схваченные мысли. Немало оригинальных и глубоких мыслей об истории можно найти и в книге Погодина «Исторические афоризмы» (1836).

* * *

Не следует забывать, что Погодин был также писателем, художником слова, и это его качество сказалось на своеобразном стиле его связанных с историей сочинений. Как отметил Ключевский, Погодин как историк напоминал художника-монументалиста: он «рисовал картины яркими красками, в преувеличенных размерах»¹⁸.

Эмоциональной и увлекающейся натуре Погодина соответствовал его своеобразный стиль, над которым шутили язвительные современники вроде А. И. Герцена. Но можно без всякого снисхождения признать, что Погодин и в этом отношении был очень оригинальным писателем. Хотя внешне погодинский стиль казался неряшливым и «неправильным», в нем есть та свобода, которую отметил не кто-нибудь, а сам Пушкин. В одном из писем к Погодину Пушкин пишет о стилистических недостатках его сочинения: «Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. <...> Ошибок грамматических, прогивных духу его усечений, сокращений — тьма»¹⁹. Казалось бы, это приговор. Но от осуждения погрешностей погодинского стиля Пушкин переходит вдруг к признанию его никем тогда не оцененных достоинств: «Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность»²⁰. Эти пушкинские слова очень важны. Да, речь

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ключевский В. О. М. П. Погодин. С. 150.

¹⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М., 1965. С. 321.

²⁰ Там же.

Погодина страдает недостатками, но в его корявостях и «усечениях» есть свое обаяние: он свободен в своей стилистике, и эта живость выражения все искупает, придавая его сочинениям оттенок несомненной стилистической оригинальности.

Мнение Пушкина, обладавшего изумительным чувством меры, в этом случае крайне важно. Они с Погодиным были практически ровесники, и Пушкин воспринимал его как достойного сверстника, видя в нем тип энергичного практического деятеля, сходный с деятелями петровской поры, личность масштаба помощников Петра.

Именно Пушкин в конце июня 1831 г. подбил Погодина к занятиям историей Петра I и к написанию трагедии о Царе-реформаторе, фигура которого явно и привлекала, и отталкивала историка насильственным характером его преобразований. Пушкин советовал ему: «Пишите „Петра“; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы одним из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем»²¹. Тут обращает на себя внимание тот факт, что Пушкин определяет энергичную натуру самого Погодина как близкую по типу к «птенцам гнезда Петрова».

Очень любопытно и отношение Пушкина к преподавательской деятельности Погодина. Пушкин писал ему про университет, который считал чуждым таланту Погодина: «Жалею, что вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету»²². Как известно, Погодину в 1844 г. пришлось оставить преподавание по семейным обстоятельствам, а мнение, выраженное Пушкиным, показывает, что Погодин к тому же не пришелся в университете ко двору. Комментировать заявление Пушкина относительно состояния Московского университета в 1831 г. оставим специалистам, а вот связывание «учености, деятельности и ума» с именем Погодина стоит много больше, чем суждения о нем Соловьева или Пыпина.

В 1833 г. Пушкин сообщил Погодину, что в беседе с Царем по поводу Петра I «выпросил у Государя вас в сотрудники», открыв тем самым Погодину дорогу в архив. И далее со свойственной ему легкостью поэт вдохновляет историка на архивные труды, суля ему великие творческие успехи: «С вашей вдохновенной деятельностью, с вашей чистой добросовестностью — вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас Бога молить, как за Шлецера и Ломоносова»²³.

* * *

Тема Петра I занимает у Погодина важнейшее место, т.к. он считал, что петровские реформы составляют «ключ и замок к настоящему и будущему положению России»²⁴. Эта тема важна еще и тем, что в ней особенно выпукло проявляется отличие Погодина от славянофилов, которые догматически стояли на теории вредности реформ Петра для России и не соглашались в этом вопросе ни на какие компромиссы.

В 1831 г. Погодин написал по совету Пушкина трагедию «Петр I», которая не была пропущена цензурой, а гораздо позже очень характерную для него статью «Петр Первый и органическое развитие России» (1863). Статья эта носит явно апологетический характер.

На первый взгляд, апологетика Петра у Погодина производит впечатление противоречивости. Но противоречие здесь только внешнее. Погодин не заботится о теориях — систематичность мышления ему чужда как человеку практическому, каковым, кстати, был и сам Петр. На самом деле Погодин — никак не западник, а ближе к пушкинскому взгляду на Петра: он рассматривает Царя-реформатора с точки зрения пользы его преобразований для России, не забывая и о кровавых пятнах в истории реформ.

²¹ Там же. С. 361.

²² Там же. С. 414.

²³ Там же. С. 429.

²⁴ Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. С. 777.

В своей статье Погодин ярко, конкретно и убедительно показывает: все, что нас окружает в современной бытовой жизни — от календаря и одежды до аптек и почты, — суть памятники неутомимой деятельности Петра, и поэтому мы никак не можем отрицать, что его реформы были для России необходимы.

К тому же одновременно с похвальным словом Петру Погодин вел изыскания о Царевиче Алексее, показывая, что хорошо знает и осознает всю мрачную сторону петровского правления. Погодин нарочито, в присутствии ему эмоциональном стиле, не с похвал начинает свое слово: «Точно — есть ужасные страницы в *Истории Петра Великого!* Я сам исследовал одну, и волосы часто становились у меня дыбом, кровь прилиwała к сердцу при чтении жестоких, беспрерывных, в продолжение месяцев, розысков, например, по делу Царевича Алексея, по делу Царицы Евдокии, по делу стрельцов...»²⁵

Но историк находит оправдание Петра в его «великих подвигах» созидательности: «Точно, по делам Тайной Канцелярии Петр является часто лицом, возбуждающим ужас и отвращение, — но разве всю свою жизнь поводит он в селе Преображенском и Петропавловской крепости? Не угодно ли безусловным его обвинителям прогуляться по России? И в Архангельске, Воронеже, Кронштадте, Переяславле, Астрахани, Нарве, Азове, Дербенте, Полтаве, на всяком почти шагу в России, бросятся им в глаза следы Петровой деятельности другого рода»²⁶.

Однако и в речи по поводу Карамзина, в связи с его знаменитой «Запиской», Погодин подробно останавливается на указанных Карамзиным о Петре «вредных по последствиям его деяниях»²⁷. Он выделяет в первую очередь чрезмерную страсть Петра I к новым обычаям, в результате чего в русском народе развилась подражательность. Во-вторых, вменяет ему в вину отделение высшего сословия от народа одеждою и наружностью, нарушившее братское народное единодушие. Ошибкой, пусть и «блестящею», назвал Карамзин и основание столицы в Петербурге. Погодин не пускается здесь в обсуждение этих почти «славянофильских» тезисов о вредных последствиях петровских реформ, но несомненно то, что он их вполне разделяет.

Тем не менее он не сомневается, что сами реформы были устремлены «к спасению Отечества»²⁸, и воспринимает их как меры, необходимые для выживания России. И вот итог: «Период Петров заканчивается: главнейшая цель его достигнута, т. е. северные враги наши смиренны, Россия заняла почетное место в политической системе государств европейских...»²⁹



Петр I сажает дуб.
Худ. В. П. Худояров, 1860-е гг.

²⁵ Там же. С. 698.

²⁶ Там же. С. 698–699.

²⁷ Там же. С. 777–778.

²⁸ Там же. С. 715.

²⁹ Там же. С. 723.

И Погодин вновь заговорил славянофильским языком: «Мы должны явиться на европейской сцене <...> своеобразными индивидуумами, а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы каких-то западных идеалов. Своим голосом мы должны произнести наше имя, своим языком должны мы сказать наше дело, а не на чуждом жаргоне...»³⁰

Он не так категоричен, как славянофилы, в отрицании порожденного реформами Петербурга, но зато более их убежден теперь, когда петербургская система, по его мнению, отжила свой век, а «время безусловного поклонения Западу миновалось»³¹, что началась новая эра. А условия для этого создал тот же Петр, привив «противоядие» против западничества — «средства к образованию и самосознанию»³².

Вывод Погодина вполне разумен: «...удерживая из Петровской реформы все дельное и доброе, мы должны присоединить к тому, восстановить все годное из народной жизни древней, средней и новой, сколько ее сохранилось»³³.

Очень важна погодинская поправка к идеологии прогресса любой ценой во избежание нигилизма: «...крайности никуда не годятся; с западной ли стороны упасть в пропасть нигилизма или с восточной — все равно: прямая дорога посередине»³⁴. Теперь, по мнению Погодина, наступил новый, «национальный» период: «Занимается заря новой эры: русские начинают припоминать себя и уразумевать требования своего времени...»³⁵

Но посмотрите, однако, как такой разумный, взвешенный подход беспокоит западника Пыпина, который видит здесь происки «официальной народности»! Он сетует, что не только славянофилы, но и западники пришли к выводу, что время петровских реформ и подражательства Западу кончилось. Сам Пыпин считает, что такой взгляд «был до крайности ошибочен и не приложим к массе общества...»³⁶

Нет, Погодин — совсем не западник, но и не радикал от охранительства, не льстец властям, каким его изображает Пыпин: он выбирает для России царский или, можно сказать, пушкинский путь разумного, сбалансированного и органичного развития.

Словно отвечая на обвинения таких, как Пыпин, оппонентов, Погодин заявляет прямо: «Напрасно взводят на нас клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старине. Нет, неподвижность старины нам противна столько же, как и бессмысленное шатание новизны. Нет, не неподвижность, а вечное начало, русский дух, веющий нам из заветных недр этой старины, мы чтим богобоязненно и усердно молимся, чтобы он никогда не покидал святой Руси, ибо только на этом краеугольном камне она могла стоять прежде и пройти все опасности, поддерживается теперь и будет стоять долго, если Богу угодно ее бытие»³⁷. Этот «русский дух» беспокоил Пыпина, когда он писал о Карамзине, особенно возмущаясь тем, что наш историк устремлял свою программу в будущее. Теми же соображениями вызваны повторяющиеся обвинения Погодина в лести самодержавию. Но подобные строки не исходят от черствого, лстивого сердца, такие строки могут быть написаны только от души, полной любви к Святой Руси как к родной почве.

Программа Погодина органична и взвешена: «Вообще, поступать должно не с голоса, не произвольно, не насильственно, как делалось часто прежде, осторожнее, скромнее, тише, наконец, разумнее, соответственно с историей, с народным духом и характером, обычаем, языком, преданием, почтительнее к прошедшему, т. е., удерживая из петровой реформы все дельное и доброе, мы должны присоединить к тому,

³⁰ Там же. С. 724.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 719.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 727.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 726.

восстановить все годное из народной жизни древней, средней и новой, сколько ее осталось или сохранилось»³⁸.

Очевидно, что это не голос ретрограда или радикала охранительства, а голос здравого разума, выражение народного взгляда на преобразования. А что только не писали о Погодине как историке и публицисте!

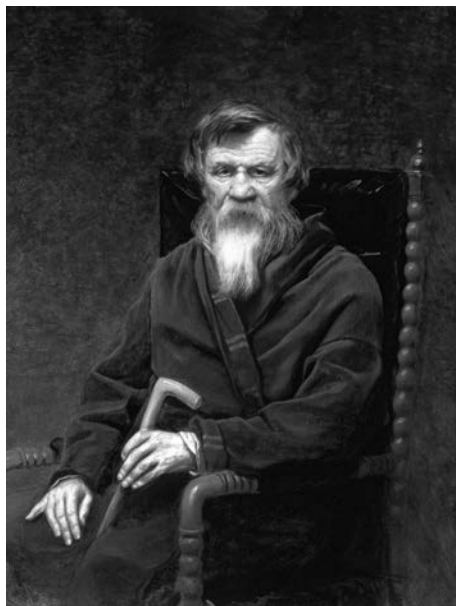
* * *

Когда читаешь самого Погодина и наиболее конкретные заметки о нем, в которых описаны его черты, вызывающие недоумения и критику, то начинаешь понимать, что в большинстве случаев это не недостатки, а своеобразные особенности оригинальной личности. Критерии, по которым судят Погодина, не вполне подходят для него. Погодин целиком погружен в деятельность и не слишком обращает внимание на форму, внешнее, а людская молва, оказывается, больше судит о внешнем, а не о внутреннем человеке.

Но даже отрицательные отзывы привлекают внимание к этой необычной персоне. Сколько было сказано слов о небрежной внешности Погодина, о мужичком виде этого «профессора из крестьян»! И невольно хочется увидеть, как же на самом деле он выглядел.

На имеющихся изображениях историка, в том числе на портрете работы художника В. Перова (1872), у Погодина вполне пристойное, даже интересное, неординарное лицо. В его облике, конечно, отсутствуют черты аристократической утонченности, которые бросаются в глаза, скажем, на известном гравированном портрете П. Я. Чадаева. Лицо Погодина не отличается особой красотой, оно простонародное, но это не лицо простеца. Его согревает теплота переживаний, на нем запечатлелись думы, которыми он был постоянно озабочен, всю жизнь трудясь с невероятной энергией во славу России. В нем виден тот «русский дух», который Погодин старался отразить в своих сочинениях и который сам по себе отражался в них потому, что автор был плоть от плоти русского народа.

Очень характерно в этой связи сопоставление портретов Погодина и... Милля, сделанное В. В. Розановым. Рассматривая среди накупленных в студенчестве фотокарточек изображения Погодина и английского позитивиста Дж. С. Милля, Розанов находит черты русского историка несравненно более яркими: «Сравнивал портреты Д. С. Милля с Погодиным. Какое богатство лица у второго и бедность лица у первого»³⁹. Тут невольно вспоминается другое изречение Розанова, как-то написавшего по поводу «коренного русского лица» Л. Н. Толстого с «чертами исторической многозначности и устойчивости», что благородное лицо нельзя «сделать» перед зеркалом: «...„лицо“ у себя под старость мы „выслуживаем“, как солдаты — „георгия“»⁴⁰. Возможно даже,



Портрет М. П. Погодина.
Худ. В. Г. Перов, 1872 г.

³⁸ Там же. С. 719.

³⁹ Розанов В. В. Листва. М.; СПб., 2010. С. 131.

⁴⁰ Его же. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 336.

что при сопоставлении будто бы «кондового» лица Погодина с лицом «среднего европейца» Милля Розанов мог отталкиваться от оскорбительного отзыва С. М. Соловьева.

Надо прямо признать, что Погодину сильно не повезло с оценкой его неоспоримых заслуг, да и просто с изучением его творческого наследия. До сих пор он предстает в умах наших современников довольно заурадным историком, не обладавшим необходимыми ученому аналитическими способностями и писавшим чуть ли не по заказу властей. В такой незавидной репутации несомненную роль сыграл и обычно ассоциируемый с его личностью и творчеством ярлык «официальной народности», которым его «наградил» Пыпин.

Между тем Погодин — это не только видный ученый, создатель смелых и оригинальных исторических концепций, но и очень своеобразная, яркая и незаурядная личность, не идущая ни в какое сравнение по своим достоинствам со старательно низвергавшим его оппозиционером Пыпиным.

Если довольно безликая, суховатая фигура Пыпина с его умеренным западническим нигилизмом и претензией на благородную «гражданственность» может быть описана в черно-белых или серых тонах, то колоритная личность очень живого, необычного, но в то же время типично русского человека Михаила Погодина нуждается в целой палитре сочных красок. В то время как значение Пыпина почти исчерпывается содержанием его аккуратно изложенных, основательных, но не глубоких трудов, то разносторонняя кипучая деятельность Погодина не уместается в рамки одной профессии — он был не только историком, но и публицистом, и писателем, и издателем журнала, и страстным собирателем древностей.

Незаурядные творческие личности чаще всего укладываются в два типа: одни бывают ладные, благополучные, методичные труженики, размеренно живущие и довольные своей успешно складывающейся биографией, окруженные почетом и славой, другие — нескладные, шероховатые, ершистые, не прихорашивающиеся перед зеркалом, о себе не слишком заботящиеся. У первых все складывается удачно: несмотря на обилие общих и прописных истин в их сочинениях, все их читают, издают большими тиражами и хвалят, пишут о них мемуары и ставят им памятники. Вторых, даже если имя их и на слуху, никто не читает, у них зорко находят и выпячивают одни недостатки, не обращая внимания на несомненный талант и другие достоинства, издают их лишь изредка, как правило, к юбилейным датам. Но когда присмотришься к тому, чего же по существу добились первые и что на самом деле сделали вторые, то иногда за неказистой внешностью последних открываются такие перспективы, которые их благонамеренным соперникам и оппонентам даже и не снились.

Если историк С. М. Соловьев, которого Пыпин противопоставляет Погодину как «направление, впервые твердо ставшее на научной почве в объяснении внутреннего процесса русской истории»⁴¹, — да в какой-то степени и сам автор «Характеристик литературных мнений» — относились к первому типу, то Михаила Петровича Погодина следует, конечно, зачислить во вторую категорию.

Ключевский, обобщая нестандартные черты Погодина как ученого и человека, очень верно сказал о сути его личности: «Оригинальный, своеобразный [русский] ум — в моск[овского] чудака себе на уме»⁴². Действительно, живописнейшая фигура. А сколько в его произведениях содержится неосвоенных пока мыслей, образов, набросков! Замечательно интересный писатель... Верится, что подлинное открытие Погодина еще впереди.

* * *

Мы до сих пор не вполне осознаем, что в XIX и XX столетиях, когда в обществе господствовали сначала либеральные идеи прогресса и освободительного движения,

⁴¹ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. С. 211.

⁴² Там же. С. 151.

а затем, после революции, — теория классовой борьбы и социалистическое учение, система научных исторических концепций находилась под серьезным давлением идеологии. Избавиться от закрепившихся тогда пропагандистских штампов нам во многом не удастся по сей день. Одним из таких укоренившихся заблуждений является сугубо пропагандистское понятие «официальная народность», внедренное либеральным историком литературы и публицистом А. Н. Пыпиным (1833–1904) под видом научного исследования в 1870-х гг.

Термин «официальная народность» Пыпин ввел в своей книге исторических очерков «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов». Она была впервые напечатана частями в 1871–1873 гг. в «Вестнике Европы» — журнале, которому было суждено стать, не без активного участия того же А. Н. Пыпина, мощным рупором западнического либерализма. «Вестник Европы», издававшийся огромными тиражами, имел успех среди интеллигенции и, по отзывам современников, лежал на столе почти каждого профессора. Теория «официальной народности», придуманная и внедренная Пыпиным под видом «объективного» академического исследования, попала на благодатную почву либеральных настроений образованных слоев русского общества и получила широкое распространение. Книга Пыпина «Характеристики литературных мнений» выдержала до революции четыре издания (пятое, последнее, издание вышло в 1918 г.).

Пыпин по образованию был литературоведом, специализировавшимся преимущественно в области славянских литератур, и из названия книги «Характеристики литературных мнений» следует, будто речь в ней пойдет об истории изящной словесности. Однако на самом деле автор книги пишет о «литературных мнениях» прежде всего из-за цензурных соображений: в действительности А. Н. Пыпин — типичный оппозиционный публицист, и его интересы лежали целиком в сфере общественных движений, идеологии и политики. Настоящая цель Пыпина в журналистике — всяческая пропаганда западнических либеральных политических идей. Успешно внедренный им нигилистически окрашенный термин «официальная народность» является наиболее важным творением этого не слишком популярного ныне историка-публициста.

Действительно, имя Пыпина мало известно среди обычных читателей несмотря на то, что эта основательная книга выдержала в свое время четыре издания и явно имела претензии на положение своего рода «корана» либерализма. Она задавала сочувственно настроенным читателям ориентиры восприятия русской литературы и журналистики, а через них, в виде недвусмысленных намеков, — и установки на социальную и политическую борьбу.

Гораздо известнее Пыпина его двоюродный брат по матери — Н. Г. Чернышевский. Двоюродные братья были идейно близки в своей приверженности «гражданским» идеалам освободительного движения и прогресса. Расходились кузены только в одном: Пыпин не принимал революционных методов борьбы с существующим строем и был в этом одним из тех типичных «буржуазных» оппозиционеров, на чьи социальные теории впоследствии опирались идеологи Февральской революции. После



А. Н. Пыпин.
Фото 1860-х гг.

1918 г. книги либерала-западника Пыпина в советской России не переиздавались, хотя его имя с уважением упоминалось в истории освободительного движения. Зато двоюродный брат Пыпина, Исповедник материалистического атеизма и радикальных социалистических чаяний Чернышевский, стал в советское время одной из главных «икон» идеологии победившего социализма.

Несмотря на то, что имя и книги Пыпина находились в забвении, пущенный им в оборот термин «официальная народность», предназначенный для отрицательной маркировки консервативных явлений в различных областях культуры, не только не был забыт, но и органически врос в систему принципов, на которых зиждился социалистический реализм, явившийся мощным орудием идеологической пропаганды.

Казалось бы, сегодня нам уже совсем не интересно все, что связано с методом социалистического реализма, который представляется в наши дни чем-то очень искусственным и давно устаревшим, от нас далеким. Но вот что удивительно: неотъемлемая часть этого псевдохудожественного метода — теория «официальной народности», возникающая как либеральный ярлык для припечатывания «реакционеров» и «охранителей» всех мастей еще в дореволюционную эпоху, — продолжает довольно широко применяться в исследованиях современных литературных критиков, философов и особенно историков. Так, автор статьи в «Большой российской энциклопедии» М. Шевченко констатирует, что теория «официальной народности» является «одной из наиболее распространенных исторических концепций»⁴³. В то же время этот автор приводит мнения современных ученых, которые совершенно справедливо считают теорию «официальной народности» пропагандистским мифом и предлагают отказаться от употребления этого ложного термина.

Нет никаких сомнений в том, что одним из особенно пострадавших от злоупотребления этим ложным термином был историк, писатель и публицист М. П. Погодин. Многие современные историки часто оспаривают соответствие пыпинского термина консервативным историческим концепциям, ссылаясь на замечание самого Погодина, что формула Уварова не была широко распространена, но, тем не менее, сам термин, как ни удивительно, не отрицают. Ученые, по привычке и недалёковидности принимающие термин Пыпина, обычно пишут, что историческая концепция Погодина развивалась в духе так называемой «теории официальной народности» («Православие, Самодержавие, Народность»), т. е. проводя аналогию между термином Пыпина и уваровской «триадой».

Приведем один характерный пример. Автор едва ли не лучшей книги об историке «Русский хранитель. Политический консерватизм М. П. Погодина» (2008) А. А. Ширинянец вполне положительно оценивает Погодина, рассматривая его как «виднейшего представителя национально-консервативного течения русской общественно-политической мысли». Однако он довольно беспечно воспринимает введенный Пыпиным ярлык без должного осознания всей силы его отрицательного воздействия на отечественную культуру. Руководствуясь благими намерениями защиты консерватизма, автор книги сообщает, что «ярлык сторонника „официальной народности“ воспринимался Погодиным абсолютно спокойно»⁴⁴. Сам Ширинянец, похоже, также считает, что этот отрицательный термин, подобно прижившемуся понятию «славянофильство», можно «наполнить позитивным содержанием». Складывается впечатление, будто сам Погодин принимал теорию «официальной народности» Пыпина, не видя ее далеко идущих разрушительных целей. На самом деле ярлык «официальная народность» имел в сфере культуры почти такую же разрушительную идеологическую силу, как в политике понятие «классовой борьбы», под знаменем которого проводились массовые репрессии.

⁴³ Шевченко М. «Официальной народности» теория // Большая российская энциклопедия. Т. 24. М., 2014.

⁴⁴ Ширинянец А. А. «Официальная народность» и М. П. Погодин // *Его же*. Русский хранитель. Политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008. С. 45.

Как отметил А. А. Ширинянец, Погодин действительно заявил в своем ответе на журнальную публикацию книги Пыпина о термине «официальная или казенная народность», что «Пыпин придумал очень хорошее слово»⁴⁵, хотя подчеркнул, что Пыпин не объяснил толком, что под ним разумеет, и употребляет его слишком произвольно. Однако автор монографии не распознал той иронии, которая явно кроется в отношении Погодина к термину Пыпина. Это хорошо видно из его уточняющих вопросов: «Г. Пыпин разумеет, кажется, под господствующей казенной народностью знаменитую формулу Уварова <...>. Спросим его предварительно: у Державина, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина какая была народность — официальная или нет? Кажется, он считает ее официальной, ибо говорит, что органами официальной народности „стали, между прочими, некоторые из лучших наших писателей“»⁴⁶.

* * *

Термин «система официальной народности»⁴⁷, или «официальная система народности»⁴⁸, закрепленный сначала еще и понятием «официально заявленная народность»⁴⁹, с которого Пыпин начинал внедрение своего штампа, — это своего рода «тройанский конь» западнической либеральной идеологии. Негативный смысл этой идеологической диверсии довольно искусно скрыт за видимостью научной объективности. На первый взгляд, само по себе словосочетание «система официальной народности», часто применяемое Пыпиным, представляет собой не более чем констатацию приверженности Николаевской эпохи консервативной идеологии, или параллель уваровской формуле «Православие, Самодержавие, Народность», основанной на идеях «Записки о древней и новой России» Карамзина.

Если в отношении уваровского «триединства» формула «система официальной народности» Пыпина представляется действительно лишь констатацией консерватизма этого направления, то когда Пыпин начинает применять термин «официальная народность» к отдельным лицам, сразу обнажается весь его коварный смысл. В этом случае ярлык «официальной народности» служит не просто для обозначения сторонников официальной уваровской формулы или государственного консерватизма, а предназначен для заведомой дискредитации искренности, честности, порядочности этих консервативных мыслителей, выражающих взгляды, созвучные «державным». Вместе с этим термином на любого из консерваторов, независимо от его нравственных качеств, навешивается ярлык рупора официальной, т. е. казенной, «официозной» идеологии, или, по сути дела, его продажности, полной зависимости от режима. Пыпин недаром внедряет в своей книге словосочетание «панегиристы системы официальной народности»⁵⁰, раз за разом внушая, что взгляды этих консерваторов-«панегиристов» не имеют никакой цены, т. к. это не свободное мнение, а всего лишь набор казенных ангажированных суждений. Одновременно этим термином дискредитируется и «народность» всей формулы, т. е. национальная составляющая консервативной идеологии, заслуга внедрения которой также восходит к Карамзину и Уварову.

Пыпин усиленно пытается дискредитировать понятие народности как проявление обскурантизма: «Таким образом, сама народность была спорным вопросом»⁵¹. Пыпин подает ее как идею «официально заявленной народности» и ассоциирует

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. СПб., 2009. С. 418.

⁴⁷ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. С. 255 и др.

⁴⁸ Там же. С. 119.

⁴⁹ Там же. С. 95.

⁵⁰ Там же. С. 118.

⁵¹ Там же. С. 19.

с пережитками дремучего средневековья. Сторонников идеи народности он многократно называет «доктринерами народности»⁵².

Приверженцам системы «официальной народности» Пыпин противопоставляет «людей нового критического мышления»⁵³. При этом он признает, что «ретроградную» идею поддерживает огромное большинство общества. А «критическая часть», под которой подразумеваются, конечно, «прогрессивные» западники, составляет явное меньшинство. Это навязывание воли меньшинства большинству не смущает сторонника «демократии». Пыпин пишет: «По своим основаниям система официальной народности была не случайною принадлежностью одного известного времени или частным взглядом отдельных лиц, но именно была давно слагавшимся взглядом и выражением мнений огромного большинства общества: в этом период они получили только известную законченность, сведены были в одно целое»⁵⁴. Согласно логике этого реформатора, такие «средневековые представления» должны были неизбежно уступать новым веяниям потому, что «защита их становилась тем, что называется обскурантизмом»⁵⁵.

Ярлыки типа «рьяные реакционеры и обскуранты», «озлобленный обскурантизм», «квасной патриотизм и консервативная нетерпимость»⁵⁶ щедро рассыпаны по объемистому «научному» труду Пыпина.

* * *

Хотя Пыпин налегает на консерватизм и даже реакционность деятельности властей в Николаевскую эпоху под влиянием этой формулы, часто используя выражение «система официальной народности», но существенного воздействия эти его критические рассуждения не имели. Критика консервативной деятельности властей отражала официальный упор этой «казенной» политики на «народность» как элемент национального символа в духе уваровской формулы.

Гораздо важнее было осуществленное впервые Пыпиным приложение идеологически окрашенного термина «официальная народность» не только к системе государственной власти, но и к явлениям культуры. Это позволило либеральному публицисту выделить из общего литературного потока и критически оценить все, что отклонялось в сторону консерватизма от приемлемых для либералов воззрений в литературе, философии, журналистике и искусстве. Кроме того, использование одного и того же термина для обозначения разных явлений — для критики политики «официальной народности» николаевской бюрократии и для обличения «непрогрессивных» явлений культуры как выразителей или приверженцев этой идеологии «официальной народности» — имело свой смысл: нелепость применения в сфере литературы и общественной мысли вульгарно-социологических ярлыков становилась не так заметна.

Тенденциозная формула Пыпина стала одной из важных форм в системе своеобразного «либерального террора», развернувшегося в 1860-е гг., т.к. обличенные в следовании «официальной народности» писатели подвергались идейным преследованиям, бойкоту и прочим нападкам «прогрессивной» общественности. Пыпин в своем труде предложил целый список писателей и других деятелей культуры, составив таким образом своеобразный либеральный донос «передовой общественности», осуществлявшей своеобразную оппозиционную цензуру. К представителям «официальной народности» он отнес романиста М. Н. Загоскина, с неумным патриотическим пафосом описывавшего события из русской истории, и создателя драм на монархические сюжеты Н. В. Кукольника. Само собой, попали в «черный

⁵² Там же. С. 5, 7, 11, 16 и др.

⁵³ Там же. С. 479.

⁵⁴ Там же. С. 478.

⁵⁵ Там же. С. 6.

⁵⁶ Там же. С. 18, 26, 131 и др.

список» «мракобесные» издания — «Северная пчела» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча (которых Пыпин прямо называет «литературными подонками»⁵⁷), «Домашняя беседа» В. И. Аскооченского, без всякого стеснения бичевавшего в своем журнале отступников от Православия и врагов Церкви, и литературный журнал «Маяк», в котором С. А. Бурачек, П. А. Корсаков и другие консервативные авторы громили малейшие проявления западничества и либерализма в обществе и в культуре.

Пыпина не смутило даже и то, что в число «меченых» либеральным знаком отторжения за «квасной патриотизм» попали классики русской литературы А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, а также Н. М. Карамзин, автор «Истории государства Российского», по которой русскую историю познавали тысячи людей.

Пыпин утверждал, например, о Гоголе, что его философия «ограничилась самым обыкновенным пизэтистическим консерватизмом, в роде философии Шевырева...»⁵⁸, а о книге «Выбранные места из переписки с друзьями» прямо заявлял, что «это были мнения, отличавшие систему официальной народности»⁵⁹. И еще: «Гоголь захотел построить систему из идей официальной народности, подложенных мистицизмом и поддержанных консервативными друзьями бывшего пушкинского круга»⁶⁰.

Но особенно хотелось Пыпину заклеить известную своим консерватизмом «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина, которая стала своего рода ориентиром консервативной политики для русских Царей.

А центральное место в списке Пыпина занимали два видных консервативных писателя — историк литературы и критик С. П. Шевырев и писатель и публицист, издатель консервативного журнала «Москвитянин» М. П. Погодин. Создается впечатление, что ради их опорочения прежде всего и затевалась Пыпиным эта идеологическая операция.

* * *

Переходя от критики реакционной политики властей к личностям, Пыпин одним из самых типичных представителей системы «официальной народности» выставляет историка М. П. Погодина. Характеристике Погодина отводится несколько страниц в главе V книги, получившей вполне академическое название «Развитие научных исследований „народности“». Пыпин начинает характеристику с почти объективной информации о трудах историка, но тут же выставляет Погодина типичным представителем придуманной «официальной народности», противопоставляя ему С. М. Соловьева, «впервые твердо ставшего на научной почве в объяснении внутреннего процесса русской истории»⁶¹.

Характеристику Погодина Пыпин начинает со слов, перешедших впоследствии во многие оценки его деятельности: «Погодин есть один из самых характеристических представителей в литературе различных взглядов, отличавших систему официальной народности». Приклеив историку свой ярлык, Пыпин позволяет себе признать некоторые успехи Погодина: «Деятельность его была весьма разнообразна, и во многих отношениях он сделал известные приобретения для русской истории. Он приготавливался к своим трудам в то время, когда в разработке русской истории получили право гражданства и утвердились критика Шлецера, многообразные исследования и указания Карамзина, точные изыскания немецких ученых, <...> вообще когда устанавливалась предварительная частная критика отдельных фактов и происходили приготовительные работы, почти исключительно направлявшиеся на древний период. Погодин

⁵⁷ Там же. С. 427.

⁵⁸ Там же. С. 417.

⁵⁹ Там же. С. 418.

⁶⁰ Там же. С. 423.

⁶¹ Там же. С. 211.

начал свои труды, усвоивши это наследие. Немецкие ученые, как Круг, вообще тогда мало расположенные ожидать многого от русских ученых в серьезной научной критике, отдали справедливость исследованиям Погодина по русской древности»⁶².

После этих строк почти объективной информации начинается огульная критика неугодного историка: «Но напрасно искать у Погодина какого-нибудь цельного взгляда на русскую историю, кроме того, какой мы указывали. Как противник „высших взглядов“ <...>, он и не имеет их; он разбирает иногда остроумно отдельные явления, но не понимает внутреннего хода развития. Поэтому когда он хочет объяснить историческое движение, бросить взгляд на общую судьбу народа, на главные моменты его исторической жизни, его размышления оканчиваются общими местами о русском величии, о громадности империи, о неисповедимых путях и т.п. Русская история представляется ему рядом чудес, перед которыми он изумляется, благоговеет, приходит в священный ужас, наконец, даже прорицает. Его критики еще в сороковых годах заметили эту черту и справедливо называли взгляд Погодина „мистическим созерцанием“⁶³. В научном смысле оно, конечно, не значило ничего; но оно имело другие применения»⁶³. Здесь имеется в виду упомянутое выше критическое исследование К. Д. Кавелина, у которого Пыпин, похоже, позаимствовал немало критических аргументов против Погодина.

Там, где Погодин проявляет свою оригинальность, свою личность ученого и человека, Пыпин тут же накладывает на него штамп «официальной народности», сводя его своеобразные, но неизменно поддерживающие монархический строй идеи «к панегирику настоящего»⁶⁴.

Итоговый вывод Пыпина известен заранее и звучит как навязчивое повторение: «Это была высокопарная лесть существующему порядку... <...> Противники, отдавая справедливость многим чисто специальным работам Погодина, обыкновенно не придавали значения его общим теориям, находя, что он только вторит системе официальной народности...»⁶⁵

Не забывает Пыпин и про Шевырева и даже про славянофилов, которых, впрочем, к «официальной народности» не причисляет: «...и неудивительно также, что это отношение к Погодину и его сотоварищу Шевыреву распространялось в значительной мере на славянофилов, которые не довольно ясно отделяли себя от этих тенденций и этого способа выражения»⁶⁶.

* * *

Однако Пыпин непрерывно колеблется в том, как ему трактовать взаимоотношения Погодина и славянофилов. Основная линия «Характеристик литературных мнений» — проведение идеи «официальной народности» как главного «символа» эпохи и воплощение этой идеи ее «панегиристами» и прежде всего журналом «Москвитянин» с «проникнутыми официальностью» сочинениями его главных участников — Погодина и Шевырева.

Славянофильство, как и западничество, ставилось Пыпиным «вне системы официальной народности»⁶⁷ и представлялось более высокой степенью развития общественной мысли. Однако часто Пыпин, нарушая свою концепцию, указывал на близкую связь славянофилов с «официальной народностью» «Москвитянина» и сходство их идей со взглядами Погодина и Шевырева. Так, он пишет, что «славянофилы были к официальной народности очень близки», а «иной раз даже сливались с нею»⁶⁸.

⁶² Там же. С. 212.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 213–214.

⁶⁶ Там же. С. 214.

⁶⁷ Там же. С. 197.

⁶⁸ Там же.

В результате получалось, что славянофилы, печатаясь в «Москвитянине», тоже становились выразителями «официальной народности»: «Когда на страницах этого журнала появились имена Хомякова, Киреевского, известного тогда славянофильского псевдонима М... З... К..., и проч., рядом с рассуждениями Погодина, Шевырева и проч., и между ними не раз можно было заметить большое согласие, противники славянофильства не могли не отнестись и к нему с тою же враждой, какую внушал им этот журнал, представлявший весьма непривлекательный сбор казенных взглядов официальной народности»⁶⁹.

Пыпин не раз критикует славянофилов за проповедь самобытности, которую он называет «национальным высокомерием»⁷⁰, и за прочие недостатки, которые они, по его мнению, делили с «официальной народностью». Такого рода сближений в книге Пыпина набирается бесчисленное множество. О славянофилах как союзниках «официальной народности» он писал: «Действительно, славянофильский идеал иногда был так двусмыслен в этом отношении (восхваления старины. — В. Ф.), что в них видели иногда просто союзников обскурантизма...»⁷¹

Однако прямо назвать славянофилов представителями «официальной народности» не позволял тот очевидный факт, что они подвергались цензурным преследованиям, а их журналы не раз закрывались и даже либералы приветствовали проскальзывавшие у них критические настроения по отношению к властям. При прямом приложении к славянофилам теории Пыпина она выглядела бы очевидной нелепостью. Получалось, что славянофилов отличали от «официальной народности» не взгляды, близость которых к воззрениям Погодина признавал сам Пыпин, а только «гнет реакции»⁷², на котором держалась вся его шаткая идеологическая конструкция. Пыпин сам констатировал, что «славянофильство, хотя и очень близкое к господствовавшей официальной народности, не пользовалось благосклонностью высших сфер...»⁷³

Погодин, опубликовав в 1873 г. в журнале «Гражданин», когда редактором там был Ф. М. Достоевский, статью «К вопросу о славянофилах» по поводу книги Пыпина, подчеркнул эту непоследовательность либерального автора. Он отметил и еще один аспект темы идейного противостояния: что Пыпин «торжественно заявляет о вражде западников к „Москвитянину“ и что даже к славянофилам «враждовали они преимущественно за их согласие с писателями „Москвитянина“»⁷⁴. Погодин заявлял, что этой враждой он даже гордился — в своем включении в «черную книгу» он видел успех собственного стремления «противодействовать отрицательному направлению»⁷⁵.

Таким образом, признание полного родства «Москвитянина» и славянофилов означало бы, что все лучшее в национальной литературе представляет направление, противоположное пыпинскому. Это было бы западническому либерализму очень невыгодно. Собственно, так и вышло с книгой Пыпина и Спасовича «Обзор славянских литератур» (1865), раскрывший истинные мысли Пыпина и его единомышленников. То же самое получилось и с «разоблачением» консервативного абсолютизма историка Карамзина в книге «Общественное движение в России при Александре I» (1871).

По существу дела, Пыпину не на что было рассчитывать и с книгой «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов». Его западничество и либерализм, как и его одиозные обличительные приемы, были уже всем известны. Эта книга не представляет из себя ничего нового по сравнению с предыдущими, за исключением внедрения нового термина — «официальная народность». Главный вопрос, который попытался решить Пыпин в своей очередной книге, — противопоставить с позиций либерального западничества основной литературный поток,

⁶⁹ Там же. С. 251.

⁷⁰ Там же. С. 198.

⁷¹ Там же. С. 256.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 253.

⁷⁴ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах. С. 422.

⁷⁵ Там же.

включая славянофильское направление, деятельности представителей так называемой «официальной народности», выразившейся главным образом в работе журнала «Москвитин» во главе с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. Тем самым ставилась сугобо идеологическая задача: скомпрометировать консервативное ответвление общественной мысли и вывести за пределы настоящей литературы, отделив его от славянофильства. В то же время Пыпин был вынужден признавать, что часто эти два направления бывали неотличимы.

Пыпин начал решать свою стратегическую задачу издав далеко — с обоснования самого понятия «официальная народность». Он называет третью главу своей книги «Народность официальная» и открывает ее описанием обстановки в России николаевского времени — описанием, конечно, очень тенденциозным. И тут же приступает к дискредитации понятия «народность» как одного из главных притязаний системы. Он подчеркивает консервативный характер этого термина, одного из элементов уваровской формулы «Православие, Самодержавие, Народность».

С одной стороны, Пыпин оценивает употребление понятия «народность» в сочетании с монархическим принципом как «реакционное». С другой, публицист стремится показать, что это понятие в русской истории — не более чем заимствование. Он характеризует народность как проявление романтизма, популярного и в западных странах, и выводит сам консервативный характер этого понятия из европейского романтизма, ставившего национальность на видное место. На этом основании, не вдаваясь в подробный анализ понятия «народность», Пыпин тут же ловко вводит в оборот словосочетание «официальная народность» — для обозначения консервативного строя эпохи Николая I, который также объявляет аналогией западному политическому консерватизму: «Консервативная литература, развившая официальную народность, была в близкой связи с романтизмом»⁷⁶ и получила распространение и в западных странах. Пыпин определяет это направление как «национальную романтику, кончавшуюся бюрократизмом, весьма параллельную европейскому феодальному романтизму времен реставрации, который также кончал реакцией»⁷⁷.

Что касается отечественных истоков «народности», то ее появление Пыпин связывает с Карамзиным и прежде всего с его «Запиской о древней и новой России»: «В теоретическом смысле, как мы замечали, это было развитие или распространение идеала, наследованного от консервативной старины и изложенного Карамзиным <...>. „Народность“ составляла, как мы видели, одно из главных притязаний системы. По Карамзину следовало, что Россия при Александре не стояла на своей настоящей дороге, что власть слишком увлеклась западными нравами и забывала о том, какое должно быть настоящее русское правление, которого „требовал“ Карамзин»⁷⁸. Далее Пыпин вводит термин «официальная народность», используя его для обозначения основных скреп государственной власти, выраженных в уваровской формуле. Сначала это выражение чаще встречается в словосочетании «система официальной народности» как констатация того факта, что народность была признана официальной политикой российских властей.

Но коварный замысел либерального публициста раскрывается, лишь когда Пыпин переходит к применению довольно неуклюжего по смыслу словосочетания к характеристике людей. Ничего не значащее само по себе понятие «официальной народности» используется, естественно, по отношению к консерваторам-охранителям и становится обличительным ярлыком для каждого, кто ревностно служит государственной системе и исповедует уваровскую формулу русских самобытных начал, как Погодин или Шевырев. Кстати, понятие «теория официальной народности», которое широко применяется в наши дни, Пыпиным почти не использовалось.

Взгляды Погодина во многом совпадали с воззрениями Карамзина, да и в его стиле можно обнаружить отчетливое влияние эмоциональной карамзинской прозы.

⁷⁶ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. С. 127.

⁷⁷ Там же. С. 117.

⁷⁸ Там же.

Одно из любимых словосочетаний Пыпина в очерке, посвященном консервативным взглядам автора «Записки о древней и новой России», — «панегиристы Карамзина» — было заведомо наполнено отрицательным смыслом. Так Пыпин называет историков, которые «превозносят государственную мудрость „Записки“»⁷⁹. «Панегиристы Карамзина» придают записке «чрезвычайное значение»: «не только Карамзину дается великая похвала, но из нее делается программа для предбудущих времен»⁸⁰. Пыпина, естественно, не устраивает, что величие России Карамзин связывает исключительно с крепостью самовластия.

Пыпин сначала признает, что Карамзин, резко изменив свои взгляды после Французской революции 1779 г., был искренен в своем обращении к консерватизму, но тут же заявляет, что «Записка» «через меру окрашена тенденциозными красками»⁸¹. Правда, отмечено также, что Карамзин высказывал не только свои взгляды, но «излагал мнения целого консервативного большинства»⁸².

Надо признать, что Пыпин обладает умением четко формулировать и делать обобщения. Либеральный публицист снова и снова подчеркивает, что «основная тема „Записки“ — доказать, что все величие, все судьбы России заключается в развитии и могуществе самодержавия...»⁸³ Сам Пыпин, разумеется, не согласен с резкой критикой Карамзиным петровских реформ.

Либеральный публицист стремится всеми силами развенчать поток «неумеренных юбилейных панегириков», выпущенных к 100-летию рождения Карамзина, и дискредитировать личность историка как представителя «фанатичного консерватизма»⁸⁴, создателя ретроградной теории, которая имеет прямую связь с самыми реакционными тенденциями современности. «Все новое для него дурно, все старое прекрасно...»⁸⁵ Пыпин выставляет историка крепостником, выступающим в крестьянском вопросе против освободительных мер. «Карамзин защищал безусловно патриархальный абсолютизм, не желая замечать его исторического вреда»⁸⁶, упрекает его в проповеди ложного патриотизма и грубого национального самообольщения. Общий вывод публициста безапелляционен: «В конце концов действие подобных воззрений было, конечно, вредное, деморализующее», «наносило и наносит много величайшего вреда нашему общественному развитию»⁸⁷. Карамзин со всей нетерпимостью и ожесточением, какие производила его система, внушал свои идеи людям нового периода и возбуждал в них вражду к либеральным идеям прошлого царствования и либеральным стремлениям общества», рекомендовал «программу застоя и реакции»⁸⁸.

Достаточно открыть «Историческое похвальное слово Карамзину» Погодина, сказанное за двадцать лет до этого сочинения Пыпина, чтобы увидеть, насколько противоположны взгляды Погодина и Пыпина. Вот как объясняет Погодин «консерватизм» Карамзина: «Имея от природы кроткое сердце, которому противна была всякая, даже временная, несправедливость, всякое насилие, всякая крутая мера, он желал улучшения естественных, постепенных, мирных, вытекающих от взаимного согласия, от лучшего направления...»⁸⁹

По поводу подробно разбираемой Пыпиным «Записки о древней и новой России» Погодин подчеркивает, что достоинство этой записки Карамзина заключается не в самих его мыслях, а «в гражданском мужестве произнести, без всякого

⁷⁹ Там же. С. 273.

⁸⁰ Там же. С. 238.

⁸¹ Там же. С. 239.

⁸² Там же. С. 238.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 238.

⁸⁵ Там же. С. 255.

⁸⁶ Там же. С. 279.

⁸⁷ Там же. С. 280–281.

⁸⁸ Там же. С. 281.

⁸⁹ Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. С. 761.

лицеприятия, мнение, которое он по долгу совести и присяги читал справедливым и полезным, какие бы от того ни произошли для него следствия»⁹⁰. Погодин показывает, что «Карамзин не льстил самодержавию, но, изучив русскую историю более всех, зная ее лучше всех, посвятив ей тридцать лет своей жизни, он одобрял самодержавие по внутреннему своему убеждению, считая это правление спасительным для пользы и славы Отечества»⁹¹.

Погодин не стал отвечать Пыпину по поводу Карамзина после его книги «Общественное движение в России при Александре», впервые печатавшейся в «Вестнике Европы» в 1870–1871 гг., однако критика Пыпиным «вреда» Карамзина для России не осталась без ответа. С гневным опровержением этих нападок либерального западника выступил, например, почвенник Н. Н. Страхов. В 1870 г. он подверг идеи Пыпина сокрушительной критике в блестящем очерке «Вздых на гробе Карамзина» («Заря», 1870 г., октябрь). Страхова возмутила характеристика Пыпиным великого историка как неисправимого «реакционера», деятельность которого будто бы была вредна для России.

* * *

Поведа речь о «панегиристах» Карамзина, Пыпин едва ли не первым среди такого рода трудов вспоминает «громоздкую компиляцию г. Погодина, собирающую старательно все, что могло служить для большего обогащения панегирика»⁹², имея в виду свод документальных свидетельств о Карамзине, составленный Погодиным в 1866 г.⁹³



Портрет Н. М. Карамзина.
Худ. Е. И. Гейтман, 1820-е гг.

Пыпин показывает, что после Французской революции во взглядах Карамзина произошли радикальные перемены, которые он, конечно, не одобряет: Карамзин изменил свои «общечеловеческие» мнения на «народные», «очень последовательно придя к консерватизму, вообще самому непривлекательному»⁹⁴. Недоволен Пыпин и его резкими высказываниями о реформах Петра (что Государь России «унижал народный дух» и сердце). Пыпин признает, что Карамзин считал своим долгом говорить монарху одну правду, но эта правда ему была не по душе.

Часть «Записки», посвященная царствованию Александра I, по мнению Пыпина, — «самое решительное отрицание либеральных предприятий первых лет царствования»⁹⁵.

Симпатии самого Пыпина откровенно лежат на стороне «критического меньшинства», в частности, западной деятельности М. Сперанского; мимоходом упоминает он не без симпатии в качестве примера и Радищева, и декабристов.

⁹⁰ Там же. С. 779.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 209.

⁹³ Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. П. Погодина. Ч. 1–2. М., 1866.

⁹⁴ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки. 2-е изд. СПб., 1871. С. 223.

⁹⁵ Там же. С. 250.

Особенно не нравится Пыпину то, что Карамзин проецировал свою программу и на будущее, которое историк связывает с крепостью монархии: «Всегдашняя ошибка фанатичного консерватизма, что Карамзин решал вопрос и за будущее»⁹⁶. А ошибкой Пыпин считает именно укрепление самостоятельности России, о котором так радел не только Карамзин, но и Погодин, и все верные сыны России.

* * *

Хотя Пыпин и считал славянофильство более «прогрессивным» явлением, чем «официальную народность», трудность поставленной задачи была вызвана недостаточной определенностью группировок национально ориентированной литературы. Славянофильство тоже представляло по своей сути враждебное западничеству направление, примыкавшее по многим вопросам к консерваторам, хотя в его идеологии имела и изрядная доля либерализма. По этой причине Пыпин никак не мог определить, отнести ли славянофильство к «прогрессивным» явлениям или же показывать его идейным союзником «официальной народности», т. е. консерваторов. Его позиция все время менялась, он колебался в своих оценках, и это очень сильно подрывало идеологическое значение книги.

То Пыпин отделял славянофилов от реакционного «Москвитянина», то пытался оправдать вражду «передовых сил» к славянофилам как союзникам «официальной народности»: «Вражда к славянофильству была весьма естественна. В то время как лучшие силы литературы стремились пробудить в обществе критическое сознание, возвыситься над той официальной народностью, которую проповедовал бюрократический консерватизм, славянофилы вступали в эту борьбу мнений с такими взглядами, по которым их нередко можно было принять за союзников официальной народности»⁹⁷.

Погодин отметил эти колебания Пыпина в своей уже упомянутой выше статье «К вопросу о славянофилах»: «С „Москвитянином“ г. Пыпин не знает, что делать: ему непременно хочется отделить, так названных им, писателей „Москвитянина“ от славянофилов, и он помыкает ими по усмотрению, а в конце концов оказывается все-таки полное согласие между ними, по собственным его словам...»⁹⁸

Но приписав славянофилам, как подметил Погодин в своей статье, «положение, очень близкое к официальной народности», Пыпин должен, однако же, сознаться, что они не пользовались благосклонностью высших сфер, ибо продолжение „Московских сборников“ было запрещено и сотрудники получили некоторое особое предостережение»⁹⁹.

Погодин заявил, что славянофилы, которые «не пользовались благосклонностью высших сфер» и подвергались преследованиям, не подходят под схему Пыпина.

Пыпин оправдывался тем, что это выделение «Москвитянина» из славянофильства было сделано гораздо ранее его, и притом критиками, сочувствующими славянофильству.

Тем не менее, очевидно, что в книге Пыпина это разделение проводится сумбурно, непоследовательно и автор меняет точку зрения, когда ему это удобно. Например, Пыпин пишет: «...близкий по духу славянофилам „Москвитянин“, особенно устами Шевырева, обличал „разврат мышления“ и „бесстыдство знания“, овладевшие Европой...»¹⁰⁰

Более того, пару раз Пыпин, не мудрствуя лукаво, приравнял лучший журнал того времени «Москвитянин», издававшийся Погодиным, к «Маяку» Бурачка — мол,

⁹⁶ Там же. С. 252.

⁹⁷ *Его же*. Характеристики литературных мнений. С. 267.

⁹⁸ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах. С. 417.

⁹⁹ Там же. С. 419.

¹⁰⁰ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. С. 453.

оба проповедовали «древнее благочестие» и «квасной патриотизм». Репутация страдавшего категорическими заявлениями журнала «Маяк» была совершенно одиозной (в частности, за негативные оценки Жуковского, Пушкина и Лермонтова), и Пыпин постарался убедить неискущенного читателя, будто погодинский «Москвитянин» представлял собой нечто в том же смехотворно-охранительном роде. Однако концепция «духовной эстетики», которую развивали основные авторы «Маяка» С. О. Бурачек и П. А. Корсаков, при всем консерватизме журнала, заслуживала более серьезного отношения. Нельзя не отметить, что идейное направление опиравшегося на православные традиции «Маяка», о «мрачном обскурантизме»¹⁰¹ которого писал Пыпин, исследовано пока явно недостаточно.

Примечательно, что, полностью противореча своей основной концепции, Пыпин находил существенное идейное сходство с преданным остракизму «Маяком» даже у славянофилов: «С „Маяком“ славянофилы имели общего — крайнюю вражду к Западу и теологические свойства их философии. Глава славянофилов, Киреевский, считал возможным говорить о „Маяке“, который был похож на „Домашнюю Беседу“ Аскаченского. Что касается до „Москвитянина“, то с ним славянофилов иногда почти невозможно было отличить»¹⁰².

Находя в деятельности «Москвитянин» и даже славянофилов немало общего с такими еще более «реакционными», по его мнению, изданиями, как «Маяк» и «Домашняя беседа», либеральный обличитель «официальной народности» проявил невольное желание представить все разнообразие консервативных изданий единой группой одиозных литераторов, пишущих по указке властей.

Пыпин приписывал «Москвитянину» поклонение недвижимой старине и прочие «грехи» консерватизма. Между тем в «Москвитянине» печатались лучшие литературные силы того времени. Погодин в опровергающей Пыпина статье приводит длинный список почтенных писателей, которые публиковались в его «реакционном» журнале. И в этом списке такие имена, как П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, В. И. Даль, С. Т. Аксаков, А. Н. Островский, А. А. Фет, не говоря уже «об отделенных г. Пыпиным славянофилах»¹⁰³.

* * *

Либеральная журналистика охотно подхватила пыпинский термин «официальная народность» как бесценную пропагандистскую находку. Теория, созданная Пыпиным, широко использовалась оппозиционными исследователями уже в дореволюционные времена. В редком либеральном историческом труде рубежа XIX и XX вв. не упоминалась «официальная народность» при характеристике Погодина и Шевырева.

Так, Владимир Соловьев, окончательно перейдя к концу 1880-х гг. в лагерь воинствующих либеральных западников «Вестника Европы», в споре со Стреховым не стал даже разьяснять суть своих мнений по национальному вопросу, а сослался для краткости на «Характеристики литературных мнений», заявив, что с оценками и замечаниями Пыпина «в большинстве случаев совершенно согласен»¹⁰⁴.

Одобрив теорию «официальной народности» Пыпина и историк литературы С. А. Венгеров, тоже либерал и западник. Но играя теми же понятиями «квасной патриотизм» и «официальная народность», он был все же дальновиднее: ему хватило ума оттенить свою характеристику Погодина парой положительных черт, упоминая о «ласковой простоте» его обращения, о его доброте и о пламенной любви к просвещению и Отечеству, горячей преданности науке¹⁰⁵.

¹⁰¹ Там же. С. 137.

¹⁰² Там же. С. 267.

¹⁰³ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах. С. 421.

¹⁰⁴ Соловьев В. С. Славянофильство и его вырождение // *Его же. Сочинения*: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 444.

¹⁰⁵ Там же. С. 586–587.



А. Н. Пыпин и В. С. Соловьев играют в шахматы.

Снимок сделан весной 1896 г. сыном Н. Г. Чернышевского М. Н. Чернышевским в квартире дочери А. Н. Пыпина В. Н. Ляцкой, где В. С. Соловьев неоднократно бывал

Понятие «официальной народности», распространенное еще до революции, в советское время закрепились именно в отношении к консервативным явлениям литературы и общественной мысли, прежде всего к Погодину и Шевыреву. Хотя в советский период, когда в ходу были более радикальные идеи двоюродного брата Пыпина Чернышевского, книга «Характеристики литературных мнений» ни разу не переиздавалась, сама теория «официальной народности» пришлось по нраву официальным советским идеологам от истории. В энциклопедиях «теория официальной народности» рассматривалась как четкое и удобное в использовании «научное» определение консервативного спектра общественной мысли.

Очевидно, что слабым местом теории Пыпина является вопрос об отношениях славянофильства и так называемой «официальной народности». То, с чем не вполне справился Пыпин, остается нерешенным вопросом для либеральных западников до сих пор. Историки общественной мысли до наших времен затрудняются в определении — отнести ли ранних славянофилов к либеральному или консервативному направлению русской журналистики. Подобные споры усиливало наличие так называемой «молодой редакции» «Москвитянина» под руководством А. А. Григорьева, будущего почвенника. Аполлон Григорьев возродил одно из двух значений народности, забытое славянофилами, — народность в смысле национальности и даже национализма. Эта группа талантливых литераторов со своими независимыми, но вполне консервативными, суждениями, тоже представляла затруднение для горе-систематизатора Пыпина, пытавшегося разложить историю отечественной словесности по либеральным полочкам. Стихийного Аполлона Григорьева никак уж нельзя было обвинить в сервильности, а он-то состоял с Погодиным в самых тесных творческих отношениях, даже более близких, чем славянофилы.



Портрет А. А. Григорьева.
Худ. А. К. Бруни, 1846 г.

Причина колебаний Пыпина заключалась еще и в том, что он постоянно испытывал соблазн взять тему «реакционеров» в литературе как можно шире — так, в его сочинении приглушенно звучит сдержанная критика ставшего с годами заметно консервативнее Пушкина. Он заявляет, например, о Пушкине в связи с его «запиской о народном воспитании»: «Между тем он входил в свою новую роль — просвещенного консерватизма, который считал тогда существующим и признанным. В записке о „народном воспитании“ (ноябрь, 1826) <...> Пушкин говорит наподобие того, как говорил бы официальный публицист, угадывающий виды правительства»¹⁰⁶. Осуждается Пыпиным за консерватизм и религиозный мистицизм и Гоголь. Но открыто отнести классиков отечественной словесности к представителям «официальной народности» либеральный публицист еще не решается — понимая, что этим дискредитирует саму свою ходкую идею.

Словом, проблем у Пыпина обрелось немало, но как бы то ни было, он свою главную отрицательную задачу успешно выполнил: его термин «официальная народность» получил широкое хождение.

Впрочем, для серьезных писателей и философов Пыпин был одиозной личностью, недостойной серьезной полемики, а его либеральные западнические построения воспринимались как провокационные. Порой возмущенные его идеями писатели и философы едва сдерживали свое негодование.

Так, вспыльчивый Ф. М. Достоевский в записных тетрадях называл Пыпина, не признающего народных начал, то «либеральным барабаном», то «угрюмой тупицей»¹⁰⁷. Даже более сдержанный славянофил И. С. Аксаков, испытывая отвращение отвечать Пыпину, в письме к А. С. Суворину (от 15 августа 1872 г.) за искажение сотрудником «Вестника Европы» представлений о славянофильстве назвал его «борзописцем».

Историк славянства М. О. Коялович, возмущенный взглядами Пыпина и его «литературного брата» В. Д. Спасовича, выраженными в их совместной книге «Обзор истории славянских литератур», написал, что она «производит самое тяжелое впечатление и способна порождать чудовищные понятия...»¹⁰⁸ О книге «Характеристики литературных мнений» и других сочинениях Пыпина Коялович пишет: «Как истый западник, автор здесь отрешается от всяких патриотических чувств...» и стремится «доказать благотворность западноевропейского влияния на Россию». «Осуждение славянофилов» Коялович считает «всегдашним больным местом»¹⁰⁹ Пыпина.

Н. Н. Страхов показал себя энергичным противником либеральных западников, типичным представителем которых был Пыпин, еще в начале 1860-х гг. Так, в 1864 г. он писал о «либералистах» «Современника»: «Не личности нас трогают. Нас занимают не г. Пыпин, не г. Антонович, не г. Щедрин. Нам антипатичны те идеи, которые они поддерживают всякими правдами и неправдами. Противодействовать этим идеям

¹⁰⁶ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений. С. 69–70.

¹⁰⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 195; Т. 21. С. 254.

¹⁰⁸ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск, 1997. С. 42.

¹⁰⁹ Там же. С. 300–302.

мы считаем за долг, за служение истине»¹¹⁰. Пыпин стал для Страхова типичным воплощением нигилизма в отечественной журналистике.

Неприязнь либерального западника к славянофильству и русским национальным традициям отчетливо проявилась в его книге «Обзор истории славянских литератур» (1865), написанной совместно с единомышленником В. Д. Спасовичем. Н. Н. Страхов, возмущенный позицией либерального «литературоведа», показал, что Пыпин нечаянно обнаружил в разных местах своего «Обзора» общий «недостаток» всех русских писателей от Карамзина до Тургенева: они оказались «славянофилами», т.е. подчеркивали национальный характер русской литературы¹¹¹. По мнению Страхова, «Обзор истории славянских литератур» раскрыл враждебную национальной направленности русской литературы сущность либерального западничества: «Если каждый из деятелей, создавших наш язык и нашу литературу, был более или менее славянофилом, то люди, для которых славянофильство — соблазн и безумие, не могут признавать за этой литературой живого содержания и живого развития»¹¹².

Но подлинным шедевром Страхова, в котором он подверг идеи Пыпина сокрушительной критике, стал его очерк «Вздых на гробе Карамзина» (1870). Страхова возмутила характеристика великого историка, автора «Истории государства Российского», в книге Пыпина «Общественное движение в России при Александре I». В этой работе, которая сначала печаталась в «Вестнике Европы», автор представлял Карамзина как неисправимого реакционера, чья деятельность будто бы имела «самое зловерное влияние на судьбы России».

«Вздых на гробе Карамзина» написан восторженным стилем, это своего рода «ода» с имитацией чувствительности сентиментализма, который странен для скептического времени, но автор объясняет, что он был воспитан именно на Карамзине. Страхов погружается в трогательные личные воспоминания о семинарии в захолустном монастыре на Волге (в Костроме), где он предавался чтению и его любимым автором был историк Карамзин.

Но лирический тон воспоминаний и сентиментального объяснения в любви к Карамзину внезапно сменяется гневным разбором казенной прозы обличителя консерватизма. Воспоминания прервал попавшийся на глаза автору номер «Вестника Европы» с главой сочинения Пыпина, посвященной Карамзину, — той самой, «в которой подробно и пространно осуждается деятельность Карамзина и доказывается, что она имела самое зловерное влияние на судьбы России».

«Карамзин вреден!» Возмущению давнего почитателя историка нет предела: «Если Карамзин вреден, то кто же может быть полезен? Если труд души и сердца Карамзина были злом и бедствием, то кто же может льстить себя надеждою, что он трудится во благо? Если Карамзин действовал против интересов России, то кто имеет



Н. Н. Страхов. 1870-е гг.

¹¹⁰ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. СПб., 1890. С. 504–505.

¹¹¹ Страхов Н. Н. Вредный характер нашей литературы // Литературная критика. СПб., 2000. С. 93–94.

¹¹² Там же.

право сказать, что работает для ее пользы? Не господин ли Пыпин? Но что такое господин Пыпин против Карамзина! Я знать не хочу Пыпина!

Казалось бы, русская жизнь должна породить одних Пыпиных, а между тем у нас есть Карамзин! Казалось бы, все наши поэты должны были походить на г. Минаева, а между тем у нас есть Пушкин! Казалось бы, вся наша литература должна состоять из бесчисленных Решетниковых, Щедриных, а между тем у нас есть Лев Толстой. О, я понимаю то великое озлобление, которое царствует в известных кружках против каждого светлого явления в нашем умственном и литературном развитии!

История есть дело таинственное и трудно постижимое, укрепляюсь все больше и больше в той утешительной мысли, что жизнь немножко глубже, чем как понимает ее г. Пыпин»¹¹³.

Главный упрек или, точнее, обвинение Пыпиным Карамзина, за честь которого вступился Страхов, состояло в том, что он «ретроград», а его идеи представляют собой не что иное, как лезть перед властями. Тот же нехитрый прием либерального доноса применяется и по отношению ко всем другим консерваторам, в том числе и Погодину, в книге «Характеристики литературных мнений».

В своем обманчивом, псевдонаучном тоне, имитирующем объективного исследователя, либеральный пропагандист-западник Пыпин безапелляционно утверждает, что Погодин только вторит в своих теориях системе официальной народности. Пыпин, находясь в плену собственных политизированных концепций, во всей патристической творческой деятельности видит исключительно расчеты.

Страхов возражает против подобных приемов: «Лесть! Приторная лесть! Но отчего же лесть, милостивый государь? Какое право имеет г. Пыпин поступать здесь так, как он и везде поступает по отношению к Карамзину, а именно — истолковывать все его слова и действия в дурную сторону? Разве Карамзин подал к этому хотя малейший повод? Не кривит ли умом всякий, кто скажет, что Карамзин кривил душой?»...

«...ничто так разительно не обнаруживает скудости умственной и сердечной, как сомнение в пользе и величии „Истории государства Российского“»¹¹⁴.

Невозможно пересказать это яркое в своем праведном гневе произведение, не оставляющее живого места от обличительного трактата Пыпина о Карамзине, как и от всех его обличительных писаний. Это вдохновенное произведение непременно надо читать!

В книге «Характеристики литературных мнений» Пыпин прошелся, конечно, и по поводу оригинальной сжатости «забавного слога» Погодина, напомнив, что его в свое время высмеял еще А. И. Герцен в статье «Путевые заметки г. Ведрина», а он все продолжает в том же духе. Но кому бы уж смеяться над необычным стилем Погодина, так это не сухому, черствому Пыпину, пишущему казенным стилем официальных донесений чиновников.

Страхов не преминул отметить это свойство стиля исторической публицистики Пыпина в своем «панегирике», говоря по-пыпински, в защиту Карамзина: «Слог у г. Пыпина тощий, неповоротливый, лишенный течения, чуждый разнообразия и меткости, исполненный напыщенности самой прозаической, канцелярской, загроможденной оборотами и выражениями казеннейшими. А между тем ведь слог есть выражение души писателя»¹¹⁵.

* * *

Своеобразное опровержение взглядов Пыпина на взаимоотношения славянофилов и Погодина можно найти даже в статье марксиста Г. В. Плеханова «М. П. Погодин и борьба классов». Хотя Плеханов и опирается на марксистскую классовую теорию

¹¹³ Страхов Н. Вздох на гробе Карамзина // Н. М. Карамзин: pro et contra. СПб., 2006. С. 381.

¹¹⁴ Там же. С. 397.

¹¹⁵ Там же. С. 386.

и формально даже не отказывается от получившего распространение термина «официальная народность», он практически лишает концепцию Пыпина всякого смысла. Плеханов решительно отвергает ходячее представление, подхватившее и разнуженное Пыпиным, будто славянофильство коренным образом отличалось от учения «реакционер» Шевырева и Погодина. «Говорят, что Погодин являлся теоретическим представителем *официального* учения о народности. Пусть будет так. Но далеко ли *расходилось это учение с учением Хомякова и бр. Киреевских?* В этом весь вопрос»¹¹⁶.

По мнению Плеханова, между славянофильством и «официальной народностью» имелись не «существенные разногласия», а это лишь «*простые оттенки* одной и той же мысли, оттенки почему-либо неприятные или неудобные для одной из сторон»¹¹⁷. Плеханов признает «кровное родство»¹¹⁸ этих теорий и трактует споры славянофилов с Погодиным как диалоги единомышленников, несогласных лишь во второстепенных вопросах. В качестве одного из многочисленных аргументов Плеханов приводит реакцию Хомякова на известную статью Шевырева «Взгляд Русского на образование Европы» в первом номере «Москвитянина», где было резко выражено отношение Шевырева и Погодина к Западу. В лагере западников статья была встречена с негодованием, а Хомяков тогда сказал о ней: «...статья славная»¹¹⁹. Вывод Плеханова: «Другими словами: славянофильство А. С. Хомякова могло отличаться от „официальной народности“ Погодина и Шевырева теми или иными *видовыми* признаками, но эти два учения имели одинаковые *родовые* признаки»¹²⁰. Он объясняет эти различия прежде всего тем, что славянофилы — дворяне, а сотрудники «Москвитянина» — разночинцы.

Не удивительно, что Плеханов, как марксист, также заявляет о «реакционности» этих учений, в основе которых лежит отрицание классовой борьбы. Но главное в его статье не это, а утверждение, что в сущности славянофилы и те консерваторы, которых Пыпин стремился записать в особый «черный список» панегиристов «официальной народности», идейно близки: «Славянофильство и теория официальной народности представляют собою по существу одно и то же учение, одинаково дорогое некоторым идеологам двух общественных слоев, но различно понимаемое ими, сообразно различному положению представляемых ими слоев в обществе. Славянофилы — дворяне, а Погодин — разночинец»¹²¹. Но при этом Плеханов утверждает: «Славянофилы всегда были самыми убежденными монархистами». И, подтвердив это на примере, заявляет далее: «Это как раз то, что всегда проповедывал Погодин»¹²².

Таким образом, Плеханов, по сути дела, отрицает коренное различие между «благородными» славянофилами и «обскурантом» Погодиным, на котором зиждется само применение Пыпиным понятия «официальной народности», задуманное в «карательных» целях.

Кстати, Плеханов показывает также, что именно Погодин способствовал выработке будущими славянофилами взгляда на русскую историю как отличную от истории западных народов. Он приводит высказывание Ю. Ф. Самарина о влиянии Погодина на формирование воззрений университетской молодежи: «...мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются, в русской жизни есть какие-то особые, чуждые другим народностям начала; по иным, еще не определенным наукою, законам совершается ее развитие»¹²³. И действительно, ту же идею непохожести России на Запад собирался отстаивать Погодин, прочтя статью Киреевского, хотя не смог это

¹¹⁶ Плеханов Г. В. М. П. Погодин и борьба классов // *Его же. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века.* Пг., 1923. С. 29.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 64.

¹¹⁹ Там же. С. 32.

¹²⁰ Там же. С. 31.

¹²¹ Там же. С. 64.

¹²² Там же. С. 65.

¹²³ Там же. С. 36.

сделать из-за закрытия журнала «Европеец»: «Киреевский мерит Россию на какой-то Европейский аршин, я говорю в смысле историческом, а это — ошибка. <...> Россия есть особый мир, у ней другая земля, кровь, религия, основания, словом, — другая история»¹²⁴.

Плеханов отстаивает и ту точку зрения, что взгляды других славянофилов на Запад также формировались не без влияния Погодина. Он доказывает, что «краеугольным камнем» учения славянофилов был тот же, что и у Погодина, «взгляд на Россию как на страну, в общественном развитии которой отсутствовал элемент внутренней борьбы»¹²⁵.

* * *

Из этого краткого обзора видно, что самые разные мыслители считали теорию «официальной народности» Пыпина несостоятельной. Пыпину так и не удалось полностью разделить славянофильство и консервативную группу писателей во главе с Шевыревым и Погодиным. Применение отрицательно окрашенного пыпинского термина «официальная народность» к отдельным мыслителям чревато заведомо отрицательными выводами еще до изучения вопроса, что не скрылось от проницательных исследователей. Так, В. А. Кошелев справедливо утверждал в 1984 г., что термин «официальная народность» является скорее мифом и что нам следует отказаться от практики оценки прежде изучения. Исследователь тонко подметил, что, согласно термину Пыпина, «мы как бы априорно знаем, что „Погодин был плохой“...»¹²⁶, и предлагал отказаться от этого умозрительного, предшествующего исследованию «знания». Пыпин, внедривший мифологему «официальная народность», является едва ли не главным виновником таких ложных априорных оценок, получивших в советское время авторитет неоспоримой, будто бы поддержанной наукой «истины». Многие ученые справедливо настаивали и настаивают на отказе от дальнейшего употребления термина «официальная народность» на том основании, что этот распространенный термин имеет не научный, а агитационный характер, только запутывающий и искажающий смысл исторических консервативных концепций (Н. Н. Казаков, В. А. Кошелев, Ф. А. Петров, М. М. Шевченко¹²⁷ и др.)

Нам также уже приходилось писать о сомнительной научной ценности термина Пыпина: «Охотно подхваченная советскими идеологами, теория „официальной народности“ до сих пор мешает беспристрастному научному освоению богатого литературного наследия консервативных писателей и публицистов»¹²⁸.

Тем не менее, это идеологизированное понятие по инерции до сих пор продолжает использоваться, оказывая негативное влияние на восприятие творческого наследия целого ряда представителей отечественной культуры. Одним из наиболее пострадавших от пыпинского идеологического «оружия» стал именно Михаил Петрович Погодин — оригинальный историк, литератор и журналист, 220-летие со дня рождения которого мы отмечаем.

¹²⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 9.

¹²⁵ Плеханов Г. В. М. П. Погодин и борьба классов. С. 33.

¹²⁶ Кошелев В. А. Славянофильство и официальная народность. С. 134.

¹²⁷ См.: Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. Литературно-исторические исследования. М., 1989. С. 7–35; Кошелев В. А. Славянофильство и официальная народность. С. 122–135; Петров Ф. А. М. П. Погодин и образование кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995; Шевченко М. М. Официальной народности теория. С. 337–339; Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 255–257; Его же. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 2 (4). С. 133 и др.

¹²⁸ Фатеев В. А. Первая энциклопедия русского консерватизма // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 251–265.

Погодин вполне искренне разделял монархические понятия, высказанные Карамзиным в его «Записке» и оформленные позже С. С. Уваровым в его знаменитой формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Биограф Погодина Н. П. Барсуков, будучи человеком твердых православно-монархических взглядов, подкреплял это мнение собственным утверждением: «В продолжение всей своей жизни Погодин был неизменным служителем и проповедником этих трех коренных начал нашей русской жизни: Православия, Самодержавия и Народности»¹²⁹. Поколебать эти скрепы монархического государства всячески старались идеологи либерализма. Именно с этой целью был изобретен Пыпиным, подхвачен либеральной прессой и внедрен пресловутый термин «официальная народность».

Считать Погодина приверженцем теории «официальной народности» может лишь тот, кто не читал его сочинений, пусть и не свободных от ошибочных мнений, недостатков стиля и налета риторики, но всегда искренних, патриотичных и никогда не имеющих духа казенности и официоза. Странники этого ярлыка не принимают во внимание таких смелых и совершенно противоречащих подобной оценке его поступков, как свободное высказывание собственного мнения в письмах к Царю и его наследнику. Назвать Погодина панегиристом казенного мнения «официальной народности» мог только черствый, бездушный исследователь, плохо знающий биографию и творческое наследие Погодина или сознательно искажающий реальное положение вещей, как это было с создателем рассматриваемой нами вредной теории А. Н. Пыпиным.

Академик Л. Н. Майков, брат известного поэта, дал очень важное и верное свидетельство о Погодине, опровергающее расхожие мнения, которые опираются на недобросовестные суждения Пыпина: «Патриотом он был не по заказу и не по расчету, а по глубокому убеждению и искреннему чувству»¹³⁰.

Заключением к характеристике личности и разнообразных трудов Погодина можно взять слова из карамзинской «Записки», которые сам «державный» историк назвал прекрасными: «Любя Отечество, любя Монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного — с сердцем чистым, моля Всевышнего: да блюдет Царя и Царство Русское!»¹³¹

Погодин выразил те же мысли и чувства уже от себя в одном из писем по поводу Крымской войны: «Разумеется, я мог и могу ошибиться, увлечься и заблуждаться, — не имею притязания на непогрешимость, но смело могу сказать, что говорил свое мнение искренно, по долгу присяги, в желании добра Отечеству, как православный русский человек, верноподданный, служитель науки»¹³².

Источники и литература

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. 450 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В XIII т. Т. XII. Письма 1841–1848. М., 1956. 596 с.
3. Бестужев-Рюмин К. Н. Михаил Петрович Погодин (1800–1875) // Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1882. С. 231–254.
4. Венгеров С. А. Молодая редакция «Москвитянина». Из истории русской журналистики // Вестник Европы. 1886. Февраль. С. 580–612.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. VIII. Статьи. Изд-во АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1952. 816 с.

¹²⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 2.

¹³⁰ Майков Л. Н. Погодин в последний год своего профессорства. С. 294.

¹³¹ Погодин М. П. Вечное начало. Русских дух. С. 779.

¹³² Там же. С. 491.

6. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. С. 91, 488.
7. *Кавелин К. Д.* Исторические труды М. П. Погодина (Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Три тома. Историко-критические отрывки. М., 1846) // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений: В 4 т. СПб.: изд. Н. Глаголева. Т. 1. <1897>. С. 95–252.
8. *Ключевский В. О.* М. П. Погодин // *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 138–152.
9. *Кошелев В. А.* Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность. Сборник статей. М.: Наука, 1994. С. 122–135.
10. *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 4-е. Минск, 1997. 688 с.
11. *Майков Л. Н.* Погодин в последний год своего профессорства // *Майков Л. Н.* Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 292–303.
12. *Плеханов Г. В.* М. П. Погодин и борьба классов // *Плеханов Г. В.* Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Пг., 1923. С. 28–67.
13. *Погодин М. П.* Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 825 с.
14. *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra. Антология / Сост. и коммент. В. А. Фатеева. 2-е изд. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та. 2009. С. 395–423.
15. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М., 1965. 904 с.
16. *Пыпин А. Н.* Карамзин. Записка «о древней и новой России» // *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки. 2-е изд. СПб., 1871. С. 205–282
17. *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. 3-е изд. СПб., 1906. 519, LIV с.
18. *Розанов В. В.* Еще доброе дело на Руси // *Розанов В. В.* Эстетическое понимание истории. М.: Республика, 2000. С. 458–464.
19. *Розанов В. В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 592 с.
20. *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писателях и писательстве. М.: Республика, 1995. 704 с.
21. *Соловьев В. С.* Славянофильство и его вырождение // *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 433–500.
22. *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки / Изд. подг. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 229–350.
23. *Страхов Н. Н.* Вздох на гробе Карамзина // Н. М. Карамзин: pro et contra. СПб: РХГА, 2006. С. 377–400.
24. *Страхов Н. Н.* Вредный характер нашей литературы // *Страхов Н. Н.* Литературная критика. СПб., 2000. С. 91–95.
25. *Страхов Н. Н.* Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб., 1890. XII, 596 с.
26. *Фатеев В. А.* Первая энциклопедия русского консерватизма // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 251–265.
27. *Шевченко М. М.* Официальной народности теория // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 337–339.
28. *Шириняц А. А.* «Официальная народность» и М. П. Погодин // *Шириняц А. А.* Русский хранитель. Политический консерватизм М. М. Погодина. М.: Русский Мир, 2008. С. 42–74.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

В. А. Котельников

М. П. Погодин и славянофилы

УДК 1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_43

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Михаила Петровича Погодина как историка, журналиста и издателя в его отношениях с ведущими представителями раннего и позднего славянофильства, а именно: с И. В. и П. В. Киреевскими, А. С. Хомяковым, К. С. и И. С. Аксаковыми, Ю. Ф. Самариным. Его личность характеризуется также в общении с теми, кто был связан с названными лицами родственными, дружескими и литературными отношениями, это: С. Т. Аксаков, А. П. Елагина и ее окружение, Н. М. Языков, С. П. Шевырев и другие. В данном контексте освещается судьба журнала Погодина «Москвитянин».

Ключевые слова: М. П. Погодин, славянофилы, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, «Московский вестник», «Москвитянин».

Об авторе: **Владимир Алексеевич Котельников**

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

Для цитирования: Котельников В. А. М. П. Погодин и славянофилы // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 43–57.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Vladimir A. Kotelnikov

M. P. Pogodin and Slavophiles

UDC 1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_43

Abstract: The article examines the activities of Mikhail Petrovich Pogodin as a historian, journalist, publisher in his relations with leading representatives of early and late Slavophilism, namely: with I. V. and P. V. Kireevsky, A. S. Khomyakov, K. S. and I. S. Aksakov, Y. F. Samarin. His personality is also characterized in communication with those who have been associated with these persons related, friendly and literary relations. This is S. T. Aksakov, A. P. Elagina and her entourage, N. M. Languages, S. P. Shevyrev and others. In this context, the fate of Pogodin's magazine "Moskvityanin" is highlighted.

Keywords: M. P. Pogodin, Slavophiles, I. V. Kireevsky, P. V. Kireevsky, A. S. Khomyakov, K. S. Aksakov, I. S. Aksakov, Y. F. Samarin, "Moscow Gazette", "Moskvityanin".

About the author: **Vladimir Alekseevich Kotelnikov**

Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of the Russian Literature (Pushkinskij Dom) of The Russian Academy of Sciences.

E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

For citation: Kotelnikov V. A. M. P. Pogodin and Slavophiles. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 43–57.

В своей обширной деятельности М. П. Погодин часто и близко соприкасался со славянофилами, хотя и не был прямым участником ни «славяно-христианского направления» (как верно определял первый период славянофильства И. В. Киреевский¹), ни позднейшего движения под знаменем социально-политических идеалов «славян». В общении именно с этим кругом мыслителей и литераторов он обнаруживал наиболее характерные черты своей личности — как в области идей и убеждений, так в моральном и житейском плане.

«Приверженность к славянам» возникла у Погодина довольно рано и, как он сам признавал, не без влияния А. Л. Шлецера². 6 февраля 1821 г. он записывал в «Дневнике»: «Говорил с Кубаревым³ о соединении всех Славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр, — он найдет другого Суворова, и кончен бал. С 500000 он кончил бы дело. Главное дело — отнять у Австрийцев, Сербии ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши у Пруссиков можно отдать Остзейские губернии. На что нам этих немчуrows. Должно отделить себя от всех, чтоб ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин Русский. Какой бы был праздник»⁴.

Эта «приверженность» Погодина на ранней стадии была не что иное, как *мечтательный панславизм*, к которому впоследствии будут склонны А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы и другие деятели. Погодину (как и им) была дорога *идея* и воображаемая картина родственно-племенного единства славян и доминирование в нем русского этноса и российского государства. В национально-политический характер славянских народов, в их отношения между собой и с Западной Европой, в их действительное отношение к России он не вникал. Погодин вообще во многом оставался мечтателем (что не раз отмечал Барсуков)⁵. Таковым он был в своих интимных чувствах (к Александре Трубецкой, в частности), в представлениях о своей личности и своей судьбе; мечтательность отразилась в его романтической belle-tristique. Таковым был и в некоторых идеологических и издательских проектах, в исторических концепциях. Что, впрочем, не мешало ему быть вполне прагматичным в житейских делах.

Среди тех, кого потом назовут славянофилами, Погодин появился в 1820-е гг. Они и составившие тогда свой кружок «любомудры» были частью того сообщества, которое определяло содержание и стиль культуры той поры⁶. У них в 1824 г. возник замысел журнала «Московский вестник», редактором которого позже стал Погодин. Обед по случаю учреждения этого журнала состоялся 24 октября 1826 г. в московском доме А. С. Хомякова на Кузнецком мосту. Участниками его были Пушкин, А. Мицкевич, Е. А. Боратынский, братья Д. В. и А. В. Веневитиновы, братья И. В. и П. В. Киреевские, С. П. Шевырев, В. П. Титов, Н. М. Рожалин, И. С. Мальцов, С. Е. Раич, В. И. Оболенский, С. А. Соболевский, братья А. С. и Т. С. Хомяковы и Погодин. «Московский вестник» начал выходить с 1827 г. под официальным редакторством Погодина и просуществовал до 1830 г.

¹ В статье «Обозрение современного состояния литературы» (Москвитянин. 1845. № 3. Отдел Критика. С. 30).

² Август Людвиг Шлецер (Schlözer, 1735–1809) — немецкий историк, публицист, статистик. В 1761–1767 гг. работал в России, изучал древнерусские летописи, на основании чего написал пятитомный труд «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные». Первое издание вышло в Геттингене в 1802–1809 гг., в России труд был напечатан в трех частях в 1809–1819 гг. Погодин многое почерпнул из работ немецкого ученого и отчасти разделял его взгляд на «норманское» происхождение ранней русской государственности.

³ Алексей Михайлович Кубарев (1796–1881) — филолог, профессор Московского университета; автор работы «О Патерике Печерском» и др.

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. Пб., 1888–1910. Кн. 1. С. 56. В дальнейшем сокращенно: Барсуков с указанием книги и страницы.

⁵ Там же. С. 146 и др.

⁶ Подробнее об этом см.: Котельников В. А. «Что есть истина?» (Литературные версии критического идеализма). СПб., 2010. С. 314–320.

Около того времени Погодин особенно сблизился с А. С. Хомяковым, чей характер высоко оценил, встречался с ним перед его поступлением на военную службу в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Он устроил дружеский ужин, куда пригласил Хомякова, а также И. В. Киреевского, Рожалина и др. В «Дневнике» Погодин отмечает, что был «презанимательный разговор об „Онегине“, о истории древней и потом о древних религиях, о которых Хомяков имел обширные сведения». К себе же Погодин по этому случаю отнесся весьма критично: «Я в душе стыдился своего невежества»⁷. На следующий день он посетил Хомякова и получил от него отрывок из драмы «Ермак», который напечатал в «Московском вестнике», хотя счел произведением «неудачным». Примечательно, что по отъезде Хомякова на театр военных действий его отец, очень любивший сына и переживавший за него, заботился и о литературных делах Алексея и писал о них 28 августа 1828 г. именно к Погодину, посылая ему отрывки из поэмы «Вадим».

24 или 25 марта 1829 г. Погодин специально заходил к Ю. И. Венелину⁸, чтобы увидеться с Хомяковым, который приехал в Москву из армии в отпуск. В течение месяца Погодин не раз навещал его и 26 марта записывал в «Дневнике»: «Грустен, но добр, мил и умен по-прежнему»⁹. С удовлетворением он отмечал там же, что Хомяков поддерживает его «в деле Карамзина».

Связанный с этим «делом» эпизод деятельности Погодина заслуживает особого упоминания. Его выступления в ходе полемики вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, в которых он критически отнесся к некоторым положениям автора, не вызвали одобрения у тех, кто почитал в Карамзине выдающегося историка, писателя и личность высшей нравственной пробы. Погодин высказал свои взгляды в статье «Нечто против мнения Н. М. Карамзина»¹⁰, а затем в лекции о Карамзине, прочитанной 14 ноября 1829 г. в Московском университете. Надо заметить, что про себя он шел гораздо дальше публичной критики: он мечтал занять такое же место в современной историографии, какое занимал Карамзин в прежней, и нередко сравнивал себя с автором «Истории государства Российского»¹¹. По поводу Карамзина он неоднократно спорил с И. В. Киреевским¹². У последнего вызывали негодование нападки на Карамзина, особенно возмущали его выпады таких историков, как Н. С. Арцыбашев. Не называя его прямо, Киреевский писал в «Обзрении русской словесности 1829 года»: «В темных подвалах архивских они теряют всякое чувство приличия и выходят оттуда с червями самолюбия и зависти, с пылью мелких придирок и в грязи неуважения к достоинству. Даже достоинство учености думают они отнять у *Истории* Карамзина и утверждают, что она писана для одних *светских невежд*, они *невежды не светские*»¹³. Тем не менее, зная антикарамзинские выступления Погодина, Киреевский пошел слушать его упомянутую выше лекцию, которая ему «ужасно не понравилась», о чем он прямо сказал лектору. Погодин своей лекцией остался доволен, хотя и признавал в «Дневнике», что «не имел времени приготовить, как должно»¹⁴.

⁷ Барсуков. Кн. 2. С. 187.

⁸ Юрий Иванович Венелин (настоящая фамилия Хуца; 1802–1839) — филолог, историк-славист. Погодин признавал влияние Венелина на развитие его интереса к славянам; он даже издал книгу Венелина о болгарях, в которой утверждалось, что славяне до VI в. фигурировали в летописях под другими названиями и принадлежали к древним европейским племенам. Книга эта вызвала критику со стороны Н. А. Полевого, М. Т. Каченовского, Н. С. Арцыбашева.

⁹ Барсуков. Кн. 2. С. 311.

¹⁰ Московский вестник. 1828. № 4.

¹¹ Размышляя о своей роли в историографии, Погодин, по свидетельству современника, восклицал: «Нет, господа, я буду непременно передним человеком в русской литературе нашего времени», при этом «начал потирать руки и ходить», что всегда было признаком сильного возбуждения (Барсуков. Кн. 4. С. 52).

¹² Там же. Кн. 2. С. 403.

¹³ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 21.

¹⁴ Барсуков. Кн. 2. С. 403.

Позже в русле той же полемики о карамзинской «Истории» Погодин спорил с П. В. Киреевским, который о позиции Погодина небезосновательно заметил, что «такое понятие о государственных отношениях и народном характере древней России вышло просто из нескольких ошибочных гипотез, внесенных в нашу историю Шлецером и другими немецкими исследователями...»¹⁵ Статья П. В. Киреевского осталась неоконченной, а возражения Погодина были помещены в том же номере следом за этой публикацией. Однако гораздо резче отозвался Погодин о статье и ситуации вокруг нее в письме к Шевыреву, узнав, что славянофилы слушали ее чтение с большим одобрением: «...Статья для знатока ничего не значущая, хотя Хомяков, Иван Киреевский и проч. уже прославили ее. (Новые взгляды etc.). Я разорву ее в куски и покажу этим невежам, что они невежи, но каков соблазн! Я напечатал шестьдесят исторических исследований, из коих моя статья *За Русскую Старину* есть результат, а эти глупцы думают импровизацией уничтожить мои основания, в которых обдуман всякий камень. Далее — статьи его написана только половина, которую он спешит печатать. Когда же будет вторая? Но, ей Богу, мне скучно, досадно, тяжело. Уеду я от всех вас и погрузюсь в глубину старины»¹⁶.

В печатном ответе на статью П. Киреевского Погодин между прочим высказывает любопытное суждение, из которого следует, что к 1840-м гг. он изменил свой взгляд на «родственную близость» славянских племен и на возможность их единства. Подобный взгляд на «братьев-славян», позднее заостренный и доведенный до степени ясновиденья у К. Н. Леонтьева и Достоевского, обнаружил свою прискорбную реалистичность в свете событий последующих времен, вплоть до дней нынешних. Погодин тогда писал: «Великороссияне живут рядом с Малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну историю. Но сколько есть различия между Великороссиянами и Малороссиянами! Нет ли у нас большего сходства в некоторых качествах даже с Французами, чем с ними? В чем же состоит сходство? Этот вопрос гораздо затруднительнее.

Далее возьмем историю России и Польши. В чем они сходятся? А живем мы рядом! Попробуйте употребить польскую историю для объяснения русской и русскую для объяснения польской — мы не объясним, а разве затемним ту и другую. Тяжелая задача! Я найду скорее сходство в русской с испанскою, чем с польскою.

Говорить ли о Сербии?»¹⁷

Полтора десятилетия спустя по поводу идущих в Россию молодых сербов и в связи с ходатайством о них И. С. Аксакова Погодин записывал в своем дневнике 29 июля 1859 г.: «Сербы молодые. Скучно»¹⁸. Грезы «мечтательного панславизма» развеялись у Погодина, но под их гипнозом еще оставались Хомяков и Иван Аксаков.

Вместе с тем с Хомяковым у Погодина не всегда и не во всем было согласие. В своих «Записках» А. И. Кошелев вспоминает о «нашем кружке»: «Другими



М. П. Погодин.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов,
1840-е гг.

¹⁵ Киреевский П. В. О древней русской истории (Письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. № 3. С. 15.

¹⁶ Барсуков. Кн. 8. С. 127.

¹⁷ Москвитянин. 1845. № 3. С. 57.

¹⁸ Барсуков. Кн. 16. С. 444.



И. В. Киреевский.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов,
1840-е гг.

собеседниками нашими были М. П. Погодин, С. П. Шевырев, П. В. Киреевский и некоторые другие лица. Первые двое никогда вполне не разделяли мнения Хомякова, найдя, особенно в первые годы, что по духовным делам он слишком протестантствовал и что русскую историю он перекладывал по-своему, находил в ней то, чего там не было, и влагал в нее свои измышления. Впрочем, впоследствии времени произошло некоторое сближение в мнениях Погодина и Шевырева с убеждениями так называемых славянофилов»¹⁹.

В конце января 1830 г. Хомяков вернулся в Москву, и Погодин поспешил увидеться с ним, с «моим прихожанином», как он называл его в «Дневнике». Встречались они часто, мечтали о путешествии по Египту и Малой Азии. Погодин читал ему свою стихотворную трагедию «Марфа посадница Новгородская», которая Хомякову «очень понравилась». С отцом Хомякова Погодин любил беседовать о Екатерине и слушать его рассказы о ее «достолавном царствовании». Следует заметить, что из всех славянофилов один только Хомяков сохранял с Погодиным неизменно дружеские отношения, искренне любя его достоинства и снисходя к его слабостям.

Мы находим Погодина в не всегда устойчивом положении между двумя культурными слоями — русским просвещенным дворянством и разночинно-демократической интеллигенцией, с 1830-х гг. завоевывавшей свои позиции в литературе и обществе.

По отъезде И. В. Киреевского за границу в январе 1830 г. Погодин, проводив его до заставы и подарив на память стразовый перстень, испытывал чувства грусти и одиночества. Вскоре он отправляет «последнему товарищу из прежнего круга» исполненное откровенных признаний письмо: «Хочу сказать тебе и в Петербурге здравствуй! прежде других, любезный Иван Васильевич. Мне очень жаль тебя. Я остался теперь один в Москве из того круга, который, помнишь, собрался раз вместе в доме Хомякова. Грустно. Но путешествие будет тебе в пользу и удовольствие. Счастливый путь! Хочу теперь исповедываться перед тобою в своих чувствах. Я уверен в твоём доброжелательстве и приязни ко мне. Уважаю и люблю тебя за чистоту твоей души, благородство, ум, знания. Твое пристрастие к друзьям мне не нравится. Твое пристрастие к не друзьям противно. Боязнь твоя похвалить плебейца, желание понравиться аристократу, неумеренное самолюбие не хорошо. Твое упрямство в мнении о ком-либо, хорошем и дурном, какое-то физическое почти стремление оправдывать того, кого привык знать с хорошей стороны, и порицать в противном случае — я приписываю даже устройству организма: так оно мне удивительно. Вот каким ты мне кажешься. Да — об лени: мне ведь кажется, что ты все надумываешься и во сне, и наяву. Сможешь ли ты мне обо мне сказать так искренно — не уверен. Однако попробуй. Между прочим, скажи, что ты думаешь обо мне как о писателе? Чего надеешься? Не многого? — Я не обижусь ничем. Уверю тебя. Еще позабыл о деликатности. Я слишком

¹⁹ Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М.; Л., 1930. С. 318–319.

пряма и не умею оценить ее по достоинству. Кстати уж — по-русски ты пишешь часто не хорошо: неправильные обороты, слова, конструкции»²⁰.

На что Киреевский отвечал ему, имея в виду некоторые слова и поступки Погодина, пренебрегавшего, по своему происхождению и воспитанию, нравственными правилами и авторитетами дворянского общества: «Все хорошее, что есть в тебе, так испорчено, задавлено дурным или, лучше сказать, незрелым, неразвитым, диким началом твоего существа, что нельзя довольно повторять тебе о твоих недостатках. Несвязность, необдуманность, *взбалмошность*, соединенная с очень добрым сердцем, с умом, очень часто односторонним, — вот ты и как литератор и как человек. Одно может тебя исправить, — искать и найти круг людей, которых бы мнением ты дорожил как святынею, ибо нельзя довольно убедиться в том, что человек образуется только человеком»²¹.

Погодин, однако, предпочитал мнение собственное и следовать совету Киреевского не собирался. И вряд ли мог бы: в его социальной среде такого круга не было, а стать своим в круге Киреевского Погодину было не дано. Он был убежден, что личная совесть нравственно самодостаточна и не нуждается ни в каких иных авторитетах. Ему осталась невнятна проповедь Киреевского, который пытался убедить его в ценности моральной нормы, предания и обычая, безусловно авторитетных в избранном дворянском кругу. «Ты думаешь, — писал Киреевский Погодину, — что сделал все, когда оправдал свой поступок чистотою намерений, но это важная, смертельная ошибка. Кроме *совестного суда*, для наших дел есть еще другая инстанция, где председательствует *мнение*. Им ты и не дорожишь, ибо слишком много веришь в собственное. Но это мнение, не забудь, его зовут — *честь*. Можно быть правым в одной инстанции и виноватым в другой. Но для истинного достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человека необходимо, чтобы каждый поступок удовлетворял тому и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. <...> Провидение несправедливо быть не может, а способность к дурному или хорошему для него равнозначительна с действительным поступком. Ибо время, которое разделяет семя от плода, для него — прозрачное зеркало, воздух. Вот отчего, если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу и перемени ее в желанную внутренним преобразованием самого себя. Но повторяю, только люди могут воспитать человека! Ищи их и знай, что каждый шаг, сближающий тебя с недостойными, тебя отдаляет от достойных»²².

И все-таки не мог Погодин удержаться, чтобы не высказать вновь свою сословную обиду, когда И. Киреевский в 1831 г. предпринял издание журнала «Европеец» и друзья поддержали его в этом деле. «Киреевский издает *Европейца*, — писал он Шевыреву. — Все *аристократы* у него. Журналов на три тысячи рублей почти. Книжка по десяти листов. Вот, брат, как выезжают на наших спинах. Я рад его журналу: это возбудит его деятельность»²³. Но Погодин несправедлив: эти *аристократы* — Н. М. Языков, Боратынский, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский, Пушкин, тот же Хомяков — были благожелательно, а иные и дружески настроены к нему, чем он умело пользовался в своей издательской деятельности. Еще резче высказался Погодин о славянофилах, которые не одобряли направление его нового журнала «Москвитянин», тогда как в официальных и светских кругах о его первых номерах отзывались сочувственно. Шевыреву он писал тогда о своих московских друзьях: «Как я хохочу над нашими умниками, не умницами — нашими аристократами XIV класса, героями Конюшенной и Арбата... Скажи этим дряням, что я только из великодушия не рассказываю об их чопорности, приличной только немецкими мещанам, и то у Коцебу»²⁴.

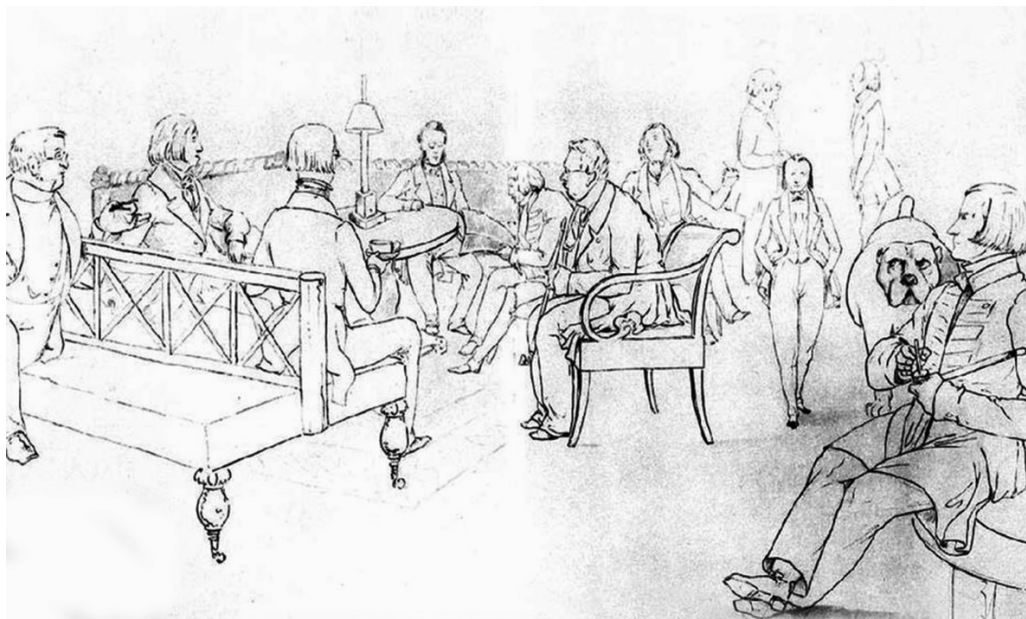
²⁰ Барсуков. Кн. 3. С. 57–58.

²¹ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 216.

²² Там же. С. 217.

²³ Барсуков. Кн. 3. С. 368.

²⁴ Там же. Кн. 6. С. 54.



Салон Елагиных. Изображены (слева направо): Д. Н. Свербеев, Д. А. Валуев, Н. Ф. Павлов, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, А. А. Елагин, К. С. Аксаков, С. П. Шевырев, А. Н. Попов, В. А. Елагин, П. В. Киреевский (рядом бульдог Булька).
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов, первая половина 1840-х гг.

«Европеец» был запрещен на третьем номере за напечатанную в первом номере статью И. Киреевского «Деятнадцатый век». Огорчение по этому поводу не помешало Погодину вновь высказать свое несогласие с прозападными, как ему представлялось, идеями Киреевского. «В этой статье, — писал он Шевыреву, — я не вижу ничего преступного, ничего непозволительного; но она мне не нравится с другой стороны, как собрание исторических парадоксов, и я собирался писать на нее рецензию; но теперь нельзя. Киреевский мерит Россию на какой-то европейский аршин, я говорю в смысле историческом, а это — ошибка. *Европа себе, мы себе*, говорит у меня Долгоруков в трагедии. Россия есть особый мир, у ней другая земля, кровь, религия, основания, словом — другая история. Мы должны учиться, вот главное, и не заботиться о том, чего у нас нет, что у других есть и чего нам не надо. О, если бы мне средства, помощь, я написал бы многое о России, чего в голову не приходит нашим государственным людям и чему удивились бы все Европейцы. Чорт возьми! Россия особый мир. Всей Европы надежда должна быть на Россию; а эти крикуны и болтуны в парламентах и палатах страшат детей Россию, как пугалом. Невежи! Да и нас похвалить нельзя, что мы ответа не даем на их дикие вопли. Пора сражаться нам с Европой не на одних штыках, а и на словах. И мы дадим ей законы...»²⁵ Тут Погодин явно предвосхищает излюбленные мысли Достоевского.

Несмотря на разномыслие с Киреевским, Погодин искренне сочувствовал ему, часто посещал московский дом Елагиных у Трех Святителей, беседовал с Иваном Васильевичем. Одно только обстоятельство смущало его: Киреевский говорил, что его подозревали в «преступной» раздаче третьего номера запрещенного «Европейца», а Погодин давал читать этот номер М. С. Мухановой, что могло дойти до властей и усугубить вину Киреевского.

Пока братья Киреевские отсутствовали в Москве, их мать А. П. Елагина нередко приглашала Погодина посетить ее дом в Царицыне. Она хотела «соединить его

²⁵ Там же. Кн. 4. С. 9.

с аристократами», то есть с теми, кто был связан с издаваемой А. А. Дельвигом (позже О. М. Сомовым) «Литературной газетой», ближайшее участие в которой принимали Пушкин и Вяземский. Погодин был польщен знакомствами в этом кругу, а, кроме того, бывать в Царицыне доставляло ему тем большее удовольствие, что неподалеку находилось Знаменское, имение Трубецких, пробуждавшее в нем приятные воспоминания о любимой им Александре Трубецкой.

Рядом с эстетическими и критическими мнениями И. В. Киреевского ясно обнаруживается литературный вкус Погодина (или, скорее, ограниченность этого вкуса). Предметом наиболее значительных разногласий стала поэзия Е. А. Боратынского, о которой у Погодина с Киреевским постоянно возникали споры. В «Обзрении русской словесности 1829 года» Киреевский утверждал: «...чтобы дослышать все оттенки лиры Боратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь не известной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка»²⁶. Погодин оценить все это оказался неспособен. Он прямо признавался: «К Боратынскому не лежит мое сердце», а о поэме его «Цыгунка» отозвался в письме к Шевыреву: «Нет — это не поэзия, и далеко кулику до Петрова дня»²⁷.

Но Погодин-публицист мог достигать большой высоты в мысли и в форме изложения. Одним из примеров этого стало его «Историческое похвальное слово Карамзину...», посвященное открытию памятника историку в Симбирске и напечатанное отдельным изданием в Москве в 1845 г. «Слово...» вызвало одобрительные отзывы и у старых карамзинистов, и у славянофилов, и у западника А. И. Герцена, и у Гоголя, который писал в «Выбранных местах...»: «Это лучшее из сочинений Погодина в отношении к благопристойности как внутренней, так и внешней: в нем нет его обычных грубо неуклюжих замашек и топорного неряшества слога, так много ему вредящего. Все здесь, напротив того, стройно, обдуманно и расположено в большом порядке. Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин как бы весь очерчивается самим собою и, своими же словами взвесив и оценив самого себя, становится как живой перед глазами читателя»²⁸. Гоголю вторил И. Киреевский в более возвышенном стиле: «Любезный Погодин! Честь тебе и слава, и благодарность ото всех, кто дорожит памятью Карамзина и славою России. Я прочел твоё Слово с истинным наслаждением. Давно ничто литературное не производило на меня такого впечатления: Карамзин явился у тебя в своем истинном виде, и таким образом речь твоя воздвигает ему в сердце читателя великий памятник, лучше симбирской бронзы»²⁹.

Перед этим, в начале 1845 г., с Киреевским у Погодина были некоторые недоразумения в связи с изданием «Москвитянина».

Начавший выходить в 1841 г., этот журнал не нашел действенной поддержки у старших славянофилов; только Хомяков принял в нем некоторое участие. Главный сотрудник Погодина по изданию Шевырев писал ему: «Вчера бранился за *Москвитянина* с нашими лентяями, только и знающими, что бранить. Доброго слова никогда от них нет. Уж я же их отделал»³⁰. Несмотря на усилия Шевырева, журнал клонился к упадку, Погодин же не обладал, как то называл Хомяков, «журналистической хваткой» и необходимой энергией для того, чтобы поднять «Москвитянина». Он с сожалением замечал, что Киреевские отошли от журнала.

²⁶ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 29.

²⁷ Барсуков. Кн. 3. С. 72.

²⁸ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8. [Л.]. 1952. С. 266.

²⁹ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 239. Письмо от начала января 1846 г.

³⁰ Барсуков. Кн. 6. С. 60.

И. В. Киреевский все-таки решил спасти журнал и принял редакторство на себя с января 1845 г. До того он объявил в письме к Погодину план действий по реорганизации издания. «Я думаю надобно объявить, что в редакции *Москвитянина* произошли некоторые перемены; что издатель приобрел многих новых сотрудников, которые разобрали между собою различные отделы журнала; что, хотя главное направление останется то же, но оттенки его могут быть до бесконечности различны. Что публика не должна приписывать самому Издателю образа мыслей, который может быть выражен в той или другой статье; что Издатель предоставил в этом отношении полную свободу составителям журнала, и публика должна приписывать ему только те статьи, которые будут подписаны его именем»³¹. При этом Киреевский ставил еще одну цель: «задавить петербургские журналы». Первый номер получился удачным; Погодин был доволен и записывал в «Дневнике»: «Первый нумер прекрасный. Он пойдет, если не задавят. Обедал у Аксаковых с Хомяковым, Свербеевым и пр. Похвала *Москвитянину*, и я очень и искренно рад. Это, впрочем, за его доброе сердце. Захотелось слышать это от Языкова. К нему, а он еще не читал»³². Погодин не преминул уведомить о выходе обновленного журнала товарища министра внутренних дел И. Г. Сеньявина, от которого получил весьма благожелательный ответ.

Между тем обнаружилось, что дела в издательской конторе и в типографии в полном расстройстве, поскольку Погодин не пытался навести там порядок. Между ним как издателем и Киреевским как редактором возникли разногласия. Последний писал Погодину, что контора его «до крайности неисправна» и Жуковский, а также А. П. Зонтаг, А. А. Елагин и, вероятно, другие подписчики не получили номер журнала. Не выдавала контора и деньги авторам по запискам Киреевского, поскольку денежные расчеты прижимистый Погодин держал исключительно в своих руках и не спешил платить гонорары. Следом Киреевский отправляет еще одно письмо: «В продолжение к моим жалобам на контору я сообщу тебе, что я посылаю спрашивать на почту <...>. Оправдываться для меня еще тяжелее. Но тебе я скажу, что никакая известность в мире, даже Пушкинская слава, не может вознаградить меня за мои добрые отношения к близким мне людям. Прошу тебя приказать конторе непременно нынче же отправить на почту журнал по всем адресам, мною ей сообщенным <...>. Такою неисправностью контора делает журналу больше вреда, чем *Отечественные Записки*»³³. Это письмо с жалобами на беспорядки самолюбивый Погодин счел «оскорбительным», хотя ничего подобного в нем не было ни по содержанию, ни по тону. Упреки, даже справедливые, он не переносил и в ответ не оправдывался и не объяснялся, а заявлял, что Киреевский «разобидел по-пустому» и что он имеет право на большее уважение. Хотя он хорошо понимал, что Киреевский прав, и наедине с собой в «Дневнике» признавал отсутствие порядка в журнальном хозяйстве. Так, 16 марта 1845 г. он записывает: «Что мне делать с конторой, везде пропадают деньги». И 5 апреля: «В контору, которая остается под Божиим управлением»³⁴. На письма Погодина Киреевский отвечал: «Я не понимаю хорошо, любезный Михаил Петрович, что ты, шутишь ли или смеешься надо мной? Ты обещал помогать мне в скором выходе книжки, а деятельность твоя ограничивается тем, чтобы слушать вранье наборщиков и читать мне проповеди»³⁵.

Раздоры продолжались; во избежание большой ссоры Киреевский пишет Погодину примирительное письмо, но от редактирования «*Москвитянина*» вскоре окончательно отказывается. Итог этому эпизоду подвел С. Т. Аксаков в письме к Гоголю от 24 мая 1845 г.: «Киреевский отказался от „*Москвитянина*“ также по многим уважительным причинам. Во-первых, Киреевский не создан от Бога, чтоб быть издателем журнала. Это такой чудак в действительной жизни, что, при всем своем

³¹ Там же. Кн. 8. С. 3.

³² Там же. С. 5–6.

³³ Там же. С. 22–23.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Там же.

уме, хуже всякого дурака. Во-вторых, никакой порядочный человек не может иметь денежных сношений с Погодиным. В-третьих, от нелепого образа занятий Киреевский сделался болен. Довольно этих трех причин. До сих пор идут толки о выборе нового редактора, но все это вздор. Дело кончится тем, что Погодин опять примется за издание журнала и начнет сколачивать его топором, кое-как, или прекратит на шестой книжке. Какое торжество для всех врагов наших! Не останется уже места, где бы мог раздаться человеческий голос. Это нанесет удар возникающему чувству национальности! Но теперь наступает лето, все наши краснобаи разъедутся по деревням, и здесь хоть трава не расти!»³⁶

Погодин пытался найти поддержку у московских друзей, но тщетно — их условия его не устраивали. 23 мая он записывает в «Дневнике»: «Вечер у Языкова — толковать о *Москвитяине*. Нелепые предложения Хомякова и Шевырева, который, слабый, вовсе подвергся и кому — Константину Аксакову. Хотят, чтобы осталось мое имя, и чтоб я не смел ничего поместить, а *молодое поколение хозяйничало*, поколение, которое и грамоте не знает!»³⁷ Не получив «никаких мыслей» от друзей, Погодин заключил 10 июня: «Пустые люди!»

Он все-таки взялся за издание «Москвитянина», но поднять его на достойный уровень ему не удалось. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Погодин, кажется, рассорился с вашими друзьями. По крайней мере Киреевские более не пишут в *Москвитяин*, и *Москвитяин* выходит нерегулярно... Последний *Москвитяин* плох и отзывается отсутствием Хомякова и проч. Он весь напитан Погодиным»³⁸. Аксаковы предлагали Погодину купить у него журнал, но он на их условия не согласился и к тому же отверг их программу издания. Решительные изменения произошли лишь в 1850 г., когда новыми сотрудниками стали А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов и др., составившие так называемую «молодую редакцию» «Москвитянина». Но это вливание недолго поддерживало жизнь журнала. Погодин, уверенный в непререкаемой правоте своих мнений по части истории и современности России, не обладающий литературным чутьем, но склонный безапелляционно судить о текущей словесности, неизбежно вызвал противодействие «молодой редакции», что привело к разрыву с ней в 1853 г. Журнал неотвратимо шел к упадку. И. Киреевский писал П. А. Вяземскому 6 (18) декабря 1855 г.: «В Москве журнал Погодина спасался только своею ничтожностью. Только с помощью совершенного отсутствия всякого ясного направления мог он лавировать перед неприятельскими пушками, которые не стреляли в его потому, что считали, пустым местом. Ибо Погодин-журналист и Погодин-памфлетист — два лица, даже непохожие»³⁹. В 1856 г. журнал прекратил свое существование.

Гораздо более тесными, чем с остальными славянофилами, но подчас и более драматичными были отношения Погодина с Аксаковыми.

Глава семейства Сергей Тимофеевич Аксаков, человек горячего темперамента, быстро вспыхивавших, но и быстро сменявшихся чувств, признавался, что часто сердился на Погодина, однако тут же добавлял: только на минуту. Смягчала возникавшую иногда резкость по отношению к Погодину жена Сергея Тимофеевича Ольга Семеновна⁴⁰, к которой Погодин был наиболее привязан. Именно от нее старший сын Константин воспринял главные черты: возвышенность помыслов и устремлений, нравственный ригоризм, строгость требований к себе и другим — эти черты были органическими свойствами натуры обоих.

В 1832 г. Аксаковы поручили Константина опеке Погодина и просили его взять сына на лето в Серково, имение Погодина, где он проводил каникулярное время. Там, в погодинском пансионе, в котором преподавал и Венелин, предполагалось

³⁶ Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 317–318.

³⁷ Барсуков. Кн. 8. С. 31.

³⁸ Там же. С. 32.

³⁹ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 334.

⁴⁰ О ней см.: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 46–47.



К. С. Аксаков.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов (?),
1840-е гг. (?)

готовить Константина к поступлению в университет. С. Т. Аксаков писал: «Не скрою от вас, любезный друг Михаил Петрович, что мы грустим в разлуке с Костей. А мать всю ночь не спала и боялась, что вы запоздали, что Константин простудился и пр., и пр. Его пребывание у вас для нас очень важно во многих отношениях; признаюсь, что кроме вас я никому бы не вверил Костю; с ним возиться и скучно, я это знаю. Вы нам сделали одолжение, за которое благодарить словом нельзя. Прошу вас об одном, не пускать его стрелять ни с кем: у вас охотники есть, но я мало доверяю их осторожности. Когда вы вздумаете в Москву, то возьмите и Костю»⁴¹.

Однако Погодин не слишком много внимания уделял Константину, и отец решил отложить поступление его в университет на год. Тем временем Константин сближается с кругом Н. В. Станкевича и М. А. Бакунина и погружается в философию Гегеля. Такое новое умонаправление его вызывает у Погодина серьезные опасения, и он пытается убедить «несчастливого Костю» не увлекаться

этими «отвлеченностями». Увещевания не возымели никакого действия на упорствующего в своих убеждениях и увлечениях Константина. Позднее он в свете тех же идей начал писать диссертацию о Ломоносове, о которой его брат Иван высказывался весьма скептически. Погодин познакомился с ней и записывал в «Дневнике»: Константин «отнял часа два своим рассуждением, написанным слишком незрело, хотя и есть несколько хороших мыслей. Мне жалко было смотреть на его самодовольство. Философия погубит бедного малого, а растолковать это нет возможности»⁴².

Между тем, философия отнюдь не «погубила» К. Аксакова, — напротив, под сильным тогда влиянием гегелевской «методы» (найденной им преимущественно в «Философии истории» и «Лекциях по эстетике») Аксаков в диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» весьма убедительно описывал диалектические ступени развития народной субстанции. Ими оказывались: начальная ступень «исключительной национальности», затем отрицание ее, когда народ «является отвлеченным как русская субстанция, лишенная своего определения»⁴³; на этой ступени возникает индивидуум, выражающий самосознание народа и его действительность, — таким исключительным «колоссальным индивидуумом» стал Петр I. С совершением его дела открывается путь к «свободному развитию народа», субстанция которого получает на третьей ступени свое настоящее определение. Но полное осуществление этого еще только предстоит. Первым шагом к тому, по мнению Аксакова, стало появление подлинной русской науки и поэзии благодаря другому великому индивидууму — Ломоносову⁴⁴. Если Погодин отвергал такую философскую трактовку развития национального духа в историческом процессе, то это может говорить только о непонимании им гегелевского метода в применении к данному предмету.

⁴¹ Барсуков. Кн. 4. С. 51.

⁴² Там же. Кн. 5. С. 476.

⁴³ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1875. Т. 2: Сочинения филологические. Ч. 1. С. 67.

⁴⁴ Подробнее см.: Котельников В. А. Константин Аксаков: между «своим» и «чужим» // Русская литература. 2017. № 1. С. 26–27.

С Константином оказалась связана причина первых размолвок Аксаковых с Погодиным. Началось с недовольства С. Т. Аксакова тем, что в погодинском «Москвитянине» стихотворение Ф. Н. Глинки «Москва» было напечатано без посвящения Константину. К этому добавились и осуждаемые Погодиным новые умственные интересы сына. Посетив Аксаковых в сочельник 1841 г., Погодин писал в «Дневнике»: «Гегелева философия, ха, ха, ха, разлучает меня с добрыми людьми. Заметил *охлаждение* и из суждений Сергея Тимофеевича о моих статьях, суждений, совершенно глупых и пустых. Почти такие же о статьях Шевырева. Значит, что сын нашептал в уши, и тот по слепой любви поверил. Я не виню ни того, ни другого, но жалко. Разумеется, это пройдет. Одна Ольга Семеновна остается и останется мне верною. Упростили остаться и играть с Надеждиным и Томашевским в преферанс. Остался с *отвращением*...»⁴⁵



М. П. Погодин.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов,
1840-е гг.

Погодин уже задумывал написать письмо к С. Т. Аксакову, чтобы «заявить охлаждение», но последний опередил исполнение такого намерения и написал сам объяснение, уверяя, что слова его перетолковали, а если он и говорил «с большим жаром» о недостатках журнала и его издателя, то лишь между близкими людьми, когда же дважды начинал высказывать это прямо и откровенно самому Погодину, тот воспринимал его слова болезненно, «с явным желанием не согласиться», так что пришлось с ним молчать.

Отношения осложнялись не только из-за Константина, но и из-за погодинского «Москвитянина», которым Аксаковы были недовольны. После очередного письма Погодина С. Т. Аксаков отвечал: «Я не понимаю записки вашей так же, как и Гегелевой философии: итак, кого вы под ней разумеете? Если Константина, то это грубейшая ошибка <...>. Не хвалить ваш журнал — значит у вас преступление. Неужели разномыслие о *Москвитянине* может быть поمهюю в наших отношениях?»⁴⁶ Погодин не мог, конечно, спокойн или хотя бы сдержанно отнестись к критике в свой адрес, раздражения он не скрывал. Но это не помешало ему проявить искреннее сочувствие к Аксаковым, когда их постигло большое горе — смерть сына Михаила.

К названным поводам добавился и еще один: появление рецензии Погодина на драму К. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году». Прежде чем публиковать ее, Погодин послал рукопись автору драмы, чтобы узнать его мнение, заметив, что ни «согласиться» с произведением, ни промолчать, вызвав тем самым упреки противников в пристрастии, он не мог. К. Аксаков отвечал «как будто без явного неудовольствия», и рецензия была напечатана в майском номере «Москвитянина» за 1848 г. В семействе Аксаковых появление драмы воспринималось как выдающееся событие, едва ли не знаменующее приход в литературу нового таланта. В самом же деле драма не отличалась большими художественными достоинствами и превозносилась родными исключительно из любви к Константину. Погодин, прочитав ее, отметил в «Дневнике»: «Такая дрянь, что из рук вон!»⁴⁷ В рецензии, однако, он существенно смягчил свои оценки. Тем не менее С. Т. Аксаков возмутился и в письме к Гоголю от 21 мая 1848 г. выразил свое негодование в неожиданно

⁴⁵ Барсуков. Кн. 6. С. 54.

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же. Кн. 9. С. 458.

резкой до грубости форме. «На днях вы получите драму Константина. Прочтите ее на досуге, сбросив с себя все чуждые понятия, усвоенные всеми нами с младенчества. Вдумайтесь глубоко в старую Русскую жизнь и произнесите суд нелицеприятный. Погодин облял ее, как взбесившаяся собака. Давно загаенная злоба на Константина (в которой он и сам много виноват), наконец, выбилась ключом бешеной слюны и помрачила даже его рассудок»⁴⁸.

Хотя отношения с Аксаковыми оказались на грани разрыва, Погодин все-таки не хотел доводить до крайности и по случаю дня рождения Ольги Семеновны послал ей поздравительное письмо, на которое получил доброжелательный ответ. Возможно, что некоторое потепление происходило весной 1849 г., об этом свидетельствует написанное Константином от всего семейства дружелюбное поздравление Погодина с днем именин. При этом осенью 1849 г. и следующей зимой он посещал аксаковский дом — преимущественно ради карточной игры, с надеждой на выигрыш. А в конце 1850 г. в «Дневнике» отмечено: «Завтраки у Павловых. Искренние излияния с Константином Аксаковым»⁴⁹.

На младшее поколение славянофилов Погодин не только смотрел покровительственно как профессор на своих учеников (такowymi и были для него Ю. Ф. Самарин и К. Аксаков), но и хотел поучать их жизни с высоты, на которой считал себя стоящим по своему положению и знаниям. Он не ограничился советом «посвятить себя русской истории» уезжавшему в Петербург Самарину, что тот принял с благодарностью. Погодин велел передать ему, чтобы тот целый год сообщал в письмах, не рассчитывая на ответы, полный отчет во всех своих нравственных и умственных движениях, если хочет получить от него, Погодина, наставление. Такое требование напоминает «учительную» манеру Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Самарину вы дайте знать вот что. Если он точно чего-нибудь ищет от меня и думает, что я могу быть ему чем-нибудь полезным, то ему следует решиться на то, на что светский человек обыкновенно не решится: писать ко мне письма и не ждать на них ответов. В письмах должен быть почти дневник мыслей, чувств, ощущений, живое понятие о всех людях, с которыми ему случится встретиться, мнения о них свои и мнения других о них... Словом, чтобы я слышал самую жизнь..., а потому, если он будет иметь терпение писать ко мне таким образом в продолжение целого года, не ожидая ответа ни на одно из писем, то по окончании года я, может быть, напишу ему для него точно полезное письмо... А иначе всякая переписка будет стрельба холостыми зарядами, произойдут куриные дела и куриные умствования»⁵⁰.

В круг общения Погодина входили многие из тех, кто сочувствовал славянофильскому направлению в идеологии и литературе, но к славянофильской партии не примыкал. То были А. И. Кошелев, М. А. Максимович, Д. Н. Свербеев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов и другие. Среди них был и выдающийся поэт, драматург, прозаик А. К. Толстой. Он решительно избегал всякого «партийного» единомыслия и единочувствия с разного рода общественными лагерями, о чем заявлял и поэтически («Двух станом не боец...», 1858), и эпистолярно (в письмах к Б. М. Маркевичу). Но некоторый оттенок славянофильских идей и настроений у него можно заметить. Эхо панславизма прозвучало весьма искренне и выразительно в стихотворении «Ой стоги́, стоги́...» (1840-е гг.). А в русле своего украинофильства он развивал мысль о единении России с Малороссией в знаменитом «Колокольчики мои, цветики степные» (1840-е гг.). Он также неоднократно признавался в любви к бытовому колориту русской жизни («И. С. Аксакову» (декабрь 1858 — январь 1859) и др.) В общем же историческом плане ему безусловно была близка так называемая «норманская теория», сторонником которой был Погодин, чьи взгляды — в противоположность взглядам Н. И. Костомарова — разделял Толстой, особенно в период разработки

⁴⁸ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. Т. 3. С. 363.

⁴⁹ Барсуков. Кн. 11. С. 130.

⁵⁰ Барсуков. Кн. 7. С. 421.

славяно-варяжской темы. В письме к М. П. Погодину от 12 мая 1869 г. он признавался: «По Вашим же стопам я следовал в некоторых нормано-русских балладах, из которых две напечатаны в „Вестнике Европы“, а третья, вероятно, будет напечатана в нем в июне. Я всегда держался, по крайнему разумению, Вашего взгляда на наш варяжский период»⁵¹.

Источники и литература

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1875. Т. 2: Сочинения филологические. Ч. 1. С. 67.
2. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1956. С. 317–318, 363.
3. Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. С. 46–47.
4. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. Пб., 1888–1910. Кн. 1–11.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Под ред. Н. Ф. Бельчикова, Б. В. Томашевского. Т. 8. [Л.:] Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 266.
6. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 2. С. 21, 29, 216–217, 239.
7. Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост., вступ. статья и коммент. В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984. С. 334.
8. Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы // Москвитянин. 1845. № 3. Отдел Критика. С. 30.
9. Киреевский П. В. О древней русской истории (Письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. № 3. С. 15.
10. Котельников В. А. «Что есть истина?» (Литературные версии критического идеализма). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 314–320.
11. Котельников В. А. Константин Аксаков: между «своим» и «чужим» // Русская литература. 2017. № 1. С. 26–27.
12. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступ. ст. и примеч. Н. Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930. С. 318–319.
13. Погодин М. П. Нечто против мнения Н. М. Карамзина // Московский вестник. 1828. № 4.
14. Погодин М. П. Ответ П. В. Киреевскому // Москвитянин. 1845. № 3. С. 57.
15. Толстой А. К. Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. / Главн. ред. В. А. Котельников. Подгот. текста, вст. статья, комментарии В. А. Котельникова. Т. 5. М.: Классика, 2018. С. 352.

⁵¹ Толстой А. К. Полное собрание сочинений и письма: В 5 т. Т. 5. М., 2018. С. 352.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

Е. И. Анненкова

Письма и записки М. П. Погодина о Крымской войне: политическая или исповедальная проза?

УДК 1(470)+821.161.1-94

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_58

Аннотация: Историко-политические письма и записки М. П. Погодина периода Крымской войны рассматриваются в статье как образец политической прозы и с учетом историко-культурного контекста. Оценки разнообразных трудов известного историка и публициста были неоднозначны, и даже мировоззренчески близкий ему славянофильский круг далеко не все принимал в жизнедеятельности Погодина. Однако события Крымской войны и ей предшествующие породили ситуацию если не общенационального единства, то определенного сплочения русского общества, и Письма Погодина сыграли в этом немалую роль. Волею судеб оказавшийся, по его собственному признанию, «на поприще политических событий», Погодин обдумывает не только содержание, но и построение, стилистический строй своих текстов, стараясь добиться максимального воздействия на современников. Для сопоставления привлекаются политические письма Константина Аксакова, дневник Веры Аксаковой и ее частная переписка с М. Г. Карташевской, письма из ополчения Ивана Аксакова, фрагменты из дневника Ивана Киреевского. Рассмотрение всех этих материалов, в которых запечатлена нераздельность общественного и личного в сознании людей той поры, позволяет ставить вопрос об исповедальном начале в политической прозе периода Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война, Россия, Запад, славянофилы, М. П. Погодин, Аксаковы, история, дневники, политическая проза, публицистика.

Об авторе: Елена Ивановна Анненкова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: elenannenkova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9703-4730>

Для цитирования: Анненкова Е. И. Письма и записки М. П. Погодина о Крымской войне: политическая или исповедальная проза? // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 58–74.

Elena I. Annenkova

**Letters and notes by M. P. Pogodin about the Crimean War:
political or confessional prose?**

UDC 1(470)+821.161.1-94

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_58

Abstract: Historical and political letters and notes by M. P. Pogodin of the Crimean War period are considered in the article as an example of political prose and taking into account the historical and cultural context. Estimates of the various works of the famous historian and publicist were ambiguous, and even the Slavophile circle close to him was far from everyone who took Pogodin into life. However, the events of the Crimean War and the preceding ones gave rise to a situation, if not national unity, then a certain cohesion of Russian society, and Pogodin's Letters played a significant role in this. By the will of fate, which, by his own admission, turned out to be "in the field of political events", Pogodin is considering not only the content, but also the construction, stylistic structure of his texts, trying to achieve maximum impact on contemporaries. Political letters of Konstantin Aksakov, the diary of Vera Aksakova and her private correspondence with M. G. Kartashevskaya, letters from the militia of Ivan Aksakov, fragments from the diary of Ivan Kireevsky are involved in comparison. Consideration of all these materials, which capture the inseparability of social and personal in the minds of people of that time, allows us to raise the question of the confessional beginning in political prose of the Crimean War period.

Keywords: Crimean War, Russia, West, Slavophiles, M. P. Pogodin, Aksakovs, history, diaries, political prose, journalism.

About the author: Elena Ivanovna Annenkova

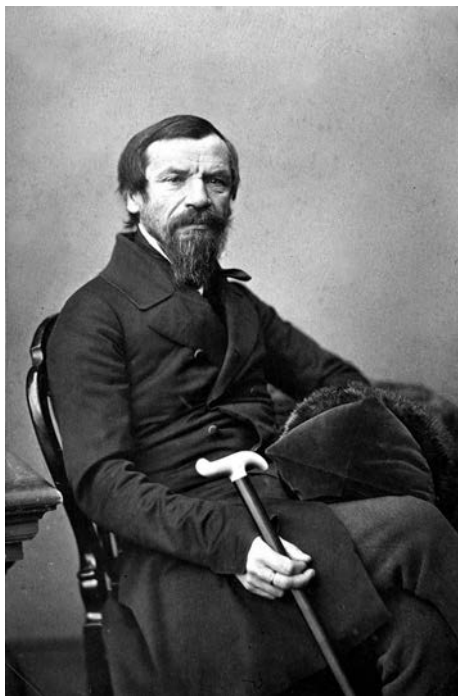
Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: elenannenkova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9703-4730>

For citation: Annenkova E. I. Letters and notes by M. P. Pogodin about the Crimean War: political or confessional prose? *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 58–74.

Историко-политические письма М. П. Погодина, которые он писал в период Крымской войны 1853–1856 гг. и которые не удалось, как он намеревался, издать в 1857 г., вышли только в 1874-м, составив четвертый том сочинений известного историка и публициста¹.



Михаил Петрович Погодин.
Фото 1850-х гг.

Для задуманного в 1857 г. издания Погодин написал Предисловие, заслуживающее внимания, поскольку в самом стиле обращения к читателю можно заметить ту личную интонацию, которая далеко не всегда проступала в его трудах; здесь же она оказалась автору абсолютно необходимой: «Предлагаемые записки писаны были в продолжение последней войны и разошлись в бесчисленных экземплярах по всей Руси, особенно первые. Я издаю их теперь почти без всякой перемены: писанные под влиянием минуты, когда сердце волновалось попеременно то надеждою, то негодованием, то стыдом, гневом, радостью, досадою, пусть они останутся памятником протекшего бурного времени и засвидетельствуют те чувства, коих преисполнены были многие русские люди. Охотно сознаю, что иное сказано в них грубо и даже дерзко и не может, не должно быть дозволено в обыкновенное спокойное время, но когда опасность висела над головою и всякого брало за живое, тогда недосуг было думать о благоприличии выражений, мудрено было сохранять беспристрастие, рассуждать спокойно» (с. 3).

«Сказано <...> грубо и даже дерзко» — признание, которое, быть может, появилось

в ходе размышлений Погодина и о его стиле; они могли быть вызваны упреками или, по крайней мере, замечаниями в его адрес, которые звучали еще в прежние годы. Так, А. И. Тургенев, откликаясь в 1840 г. на одну из исторических работ Погодина, писал: «...в его новом взгляде есть что-то дельное, но наш Michlet пишет хуже французского: не позволено о России писать почти не по-русски»². Но, пожалуй, больше всего Погодину доставалось от Гоголя, с которым историка связывали многолетнее живое и дружеское общение и переписка и который, тем не менее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» счел возможным сказать, что Погодин «торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем со своими читателями, сообщать им все, чего ни набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем, словом, — выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве. И что же? Заметили ли читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? Приняли ли от него то, чем он хотел с ними поделиться? — Нет, они заметили в нем одно только неряшество и неопрятность...»³ При всей жесткости высказывания в восприятии Гоголем Погодина была и проницательность, он пишет далее: «...я должен был даже спорить и стоять за чистоту самих намерений и за искренность слов его перед такими

¹ Погодин М. П. Сочинения. Т. 4. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856 гг. М., 1874. Далее сноски будут даваться на это издание в тексте с указанием страницы в скобках.

² Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1979. С. 226.

³ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 231.

людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мне было трудно даже убедить кого-либо, потому что он сумел так замаскировать себя⁴ перед всеми, что решительно нет возможности показать его в таком виде, каков он действительно есть. Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной; о любви к царю, которую питает он искренно и свято в душе своей, изъяснится он так, что это походит на одно раболепство и какое-то корыстное угождение»⁵.

Думается, что создаваемые в период Крымской войны историко-политические письма реабилитировали Погодина и предстали перед современниками как единый документ, автор которого не пытался замаскировать себя.

Материалы, включенные Погодиным в четвертый том сочинений, в тематическом и жанровом плане разнообразны и вместе с тем едины. Наряду с пространными историко-политическими письмами, это: «Письмо к государю цесаревичу, великому князю Александру Николаевичу в 1838 г.», «Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г.», «Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии» (1854), «Взгляд на отношения враждебных России государств» (1854), «Послание к полякам» (1854), «Против мысли о содействии войно революционному движению в Европе» (1854), «О русской политике на будущее время» (1854) и др. Все без исключения тексты вызваны событиями Крымской войны или затрагивают тематику, с ней связанную (либо предваряющую). Поэтому «письмо», «записка», «взгляд» по тону и стилю не слишком отличаются друг от друга.

Ситуация Крымской войны у многих вызывала ассоциацию с 1812 г.⁶ и уже в силу этого предполагала общенациональное единение, сходство мнений, что в известной мере и произошло, несмотря на различные формы высказываний⁷.

Письма и записки Погодина, конечно, — политическая проза. Но, думается, в ней присутствует, пусть и своеобразно выраженное, исповедальное начало. И. В. Киреевский в статье 1856 г. «О необходимости и возможности новых начал для философии» дает такую характеристику эпохи: «...внимание людей мыслящих поглощается теперь вопросами политическими» и «для отвлеченного, систематического мышления нет места в тесноте громадных общественных событий, проникнутых значительностью и сменяющих одно другим с быстротою театральных декораций»⁸. Политические, общественные события приобретали статус личных, задевали каждого, побуждая высказываться и выражать не только свое отношение к историческому моменту, но и личное прочувствование политических коллизий.

⁴ Здесь и далее курсивом выделено мною.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Даже С. Т. Аксаков, далековатый от политики, в своих мемуарах не упоминавший события войны 1812 г., теперь писал: «Какое время! Какие события, и я дожил в другой раз до эпохи 1812 года» (Цит. по: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 247).

⁷ Сохранились мемуары очевидцев и участников Крымской войны. См., например: Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 годах: В 2 ч. Ч. 1. Самара, 1888; Ч. 2. М., 1890; Берг Н. Записки об осаде Севастополя: В 2 т. М., 1858; Васильчиков В. И. Севастополь. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив. 1891. № 6. С. 167–256; Урусов С. С. Очерки восточной войны. 1854–1855. М., 1866. Интерпретация Крымской войны представителями разных общественных направлений была также предметом внимания исследователей: Ковалева Н. Н. Славянофилы и западники в период крымской войны (1853–1856) // Исторические записки. 1967. № 80. С. 181–206; Кутаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX в. М., 1972; Носков В. В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 2. Гуманитарные и общественные науки. 2002. С. 103–119; Шепарнева А. И. Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005; Дмитриев А. П. Святитель Филарет в годы Крымской войны (по неизданным материалам архива Аксаковых — Карташевских) // Филаретовский альманах. 2010. Вып. 6. С. 121–136.

⁸ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб., 2018. Т. 3. С. 89.



Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.».
Худ. Ф. Рубо, 1904 г.

Погодин свой дневник начал вести в 1820 г., назвав его «Моя жизнь», и делал записи в нем вплоть до 1875 г.⁹ Но это скорее хроника событий, констатация разного рода фактов, исторических и литературных, сопровождаемая комментариями автора, подчас достаточно эмоциональными, но не открывающими читателю процесс душевных переживаний Погодина. Историко-политические письма периода Крымской войны — ни в коем случае не дневник, но душевное состояние автора в них оказывается запечатлено¹⁰.

Комментируя работу над этими письмами, Погодин упоминал, что «начались они случайно, по вызову одной доброй, любящей отчизну женщины» (имеется в виду А. Н. Блудова. — Е. А.). «Слово за слово, — продолжал он, — мне захотелось послужить к стати любезным своим единоплеменникам славянам, которых судьба с молодых лет возбуждала сердечно мое участие. <...> Текущие события меня возбуждали, как возбуждали и весь народ, вышедший как будто из долговременного сна» (с. 269). Круг читателей, как видим, предполагался достаточно широкий (такowym он и оказался), и, может быть, именно этот максимально разнообразный круг

⁹ Фрагменты дневниковых записей Погодина разных лет приводит Н. П. Барсуков в своем многотомном труде: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888–1910.* Современный исследователь, анализируя дневник Погодина, обращает внимание на то, что подчас, когда Барсуков, опираясь на дневниковые записи, рассказывает об отдельных эпизодах из жизни историка и рассказ от первого лица переводит в повествование от третьего, то происходит некоторое искажение смысла — прежде всего несколько скрадывается постоянно проступающее в дневнике самолюбие Погодина (*Умбрашко К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 32–39 и др.*)

¹⁰ В работах о Погодине отмечался его «дилетантский подход» к освещению внешнеполитических событий и просчеты в прогнозах судеб европейских государств (см., например: *Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 214*). Но в данном случае он действительно выступал не как историк, т. е. не на главном своем поприще, а как публицист, дилетант-политик, уловив потребность общества в моментальном и живом освещении происходящих событий.

читателей, предполагающий вместе с тем единомыслие, и определял одновременно и двойственную, и цельную природу писем: политические письма органично включали в себя исповедальное начало.

Еще раз уместно будет вспомнить суждение Гоголя, заметившего в письме к С. П. Шевыреву (1844), что «в Погодине есть что-то такое, что наводит уныние на молодежь. Он никак не умеет бодрить и куражить, а это необходимо для молодежи»¹¹. Самому Погодину Гоголь писал: «Ты часто хотел вкусить слишком скоро плоды своего доброго дела»¹². И вот сложилась такая историческая ситуация, что Погодин мог найти слово, которое способно было «куражить» и приносить скорые плоды.

Историко-политические письма и записки Погодина, распространявшиеся в списках, действительно заинтересовали, можно сказать, зацепили многих. Более того, они спровоцировали эмоциональный отклик даже у тех, кто, казалось бы, умел и должен был не поддаваться слишком сильным эмоциям. Анализируя позицию митрополита Филарета в годы Крымской войны, А. П. Дмитриев замечает, что «владыка принял даже подчас неумеренно страстный в своем проявлении патриотический пафос „Историко-политических писем и записок“ М. П. Погодина <...>, приобретших такую популярность, что их многие, в том числе и Мария Карташевская, переписывали для распространения. Недавно увидевшие свет письма митрополита к Погодину свидетельствуют, что обнародованы они были с пастырского благословения святителя, который 9 декабря 1853 г. по прочтении первого из них в рукописи весьма сочувственно отнесся к взглядам московского историка. Он писал: „Возвращая две рукописи, к содержанию которых не может быть равнодушен россиянин. Трудно сказать, более ли ненавистно в настоящее время действие турок, врагов христианства, или именуемых себя христианами, <но> поддерживающих турок во время самого их неустоя“»¹³.

С. Ашевский приводит отклики современников на письма Погодина. Ю. Ф. Самарин писал их автору: «Все ваши пророчества сбываются как по писаному»; князь Н. Н. Голицын — из Харькова: «Везде, на вечерах у профессоров, где только дело шло о текущих событиях, всюду читают ваши письма»; К. Д. Кавелин: «Дай вам Бог сил скорее завершить свой труд исторический и опять выступить на публицистическом поприще, на котором вы так славно подвизались с начала войны. Не разделяя вполне ваших мнений, я не мог не восхищаться вашими статьями, которые считаю, по совести, гражданскими подвигами»¹⁴.

Сам Погодин, и именно на страницах «Историко-политических писем...», называл себя «старым служителем истории» (с. 141), объясняя этим исторические экскурсии в своих политических письмах. Действительно, главное поприще Погодина — историческое. Критикуя своих предшественников¹⁵, долгое время трудясь на поприще истории, он оставил обширное, но в чем-то специфическое наследие. Нельзя сказать, что он был прежде всего собирателем и систематизатором исторических материалов, но иногда и названия работ говорят об их жанровой направленности: «Исторические афоризмы» (М., 1836), «Историко-критические отрывки» (в 2 т. М., 1846, 1867), «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (в 7 т., М., 1846–1856); о последнем труде П. Н. Милюков писал как о «незаменимом справочном пособии

¹¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 251.

¹² Там же. С. 258.

¹³ Дмитриев А. П. Святитель Филарет в годы Крымской войны... С. 127–128.

¹⁴ Ашевский С. Политические письма Погодина (по поводу 25-летия его смерти) // Образование. 1900. № 12. С. 5–6. Отклики приводятся также в книге: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 13. СПб., 1899. С. 8–14 и др.

¹⁵ Современный исследователь подробно рассматривает характер отношения Погодина, по преимуществу критического, к скептической школе в отечественной историографии, к трудам Н. М. Карамзина (при всем пиетете в отношении личности историкографа), С. М. Соловьева и других историков (Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003).

для занимающихся древнейшим периодом»¹⁶, а современный исследователь назвал их «громоздкими, неудобочитаемыми трудами»¹⁷.

Письма и записки периода Крымской кампании Погодин неслучайно хотел издать отдельной книгой сразу по окончании войны: несмотря на то что они касались разных аспектов российской и европейской политической жизни той поры, в сознании автора и читателей они складывались в некий целостный текст и в том если не противостояли историческим сочинениям, то знаменовали новый этап в деятельности Погодина. Не «афоризмы», «отрывки» или «материалы», а последовательное изложение вопроса, который оказался вынесен историческими событиями на первый план. Гоголь уже не мог откликнуться на эти сочинения современника и упрекнуть его в том, что тот вновь спешит опубликовать все, что выходит из-под пера. В данном случае «торопливость» историка совпала с динамикой исторических событий. Момент требовал мгновенного отклика, что и было оценено современниками: требовался автор, который последовательно, целостно, прямо (если не прямолинейно) изложил то, что «бродило» в сознании самых разных представителей русского общества¹⁸. Другое дело, что прямое публицистическое высказывание, интерпретирующее факты, происходящие у всех перед глазами, и «подставляло» автора. Живые, еще не завершившиеся события, финал которых неизвестен, порождают непосредственный, подчас резкий, политически не всегда оказывающийся однозначным комментарий, который по прошествии времени не может не вызвать критики. Поэтому можно сказать, что историко-политические письма Погодина в известном смысле приобретают фактуру дневниковых записей, и в отличие от подлинного дневника Погодина они достаточно развернуты.

В наследии семьи Аксаковых периода Крымской войны (к чему еще будет возможность ненадолго вернуться) видим смысловое единство текстов, облеченных в разные жанровые формы: частное письмо, открытое политическое письмо, дневник — все было направлено на осмысление исторических событий и определение своего места в них. Гоголь сетовал, что Погодин не имеет привычки всматриваться «во внутренний смысл и значение происходящих событий» и советовал стремиться «к углублению в себя»¹⁹. Крымская война открывала и частным лицам, и идеологам новую форму «углубления в себя» — пристальное, аналитическое всматривание во «внутренний смысл» исторических событий, которые становятся и событиями собственной жизни.

В свое издание Погодин включает документы, которые, на первый взгляд, имеют опосредованное отношение к теме и написаны задолго до Крымских событий: уже были названы «Письмо к государю цесаревичу, великому князю Александру Николаевичу в 1838 г.» и «Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г.». Но в них затронута европейская тема, актуальная для России на протяжении всей ее истории. Путешествия по Европе, поездки в «чужие края», как говорили в XIX в., — черта русской жизни, и не одного столетия; это прежде всего факт культурной жизни в широком ее понимании; сам Погодин

¹⁶ Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 363.

¹⁷ Умбрашко К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. С. 156.

¹⁸ Отношение к Погодину могло быть разным, но в его «Историко-политических письмах» близкое своим воззрениям находили представители различных политических убеждений. Д. А. Корсаков полагал, что «Погодин не был ни консерватором, ни легитимистом, ни националистом — он был сторонником русского политического согласия, как сложилось оно жизнью, историей» (Корсаков Д. А. О. И. Сенковский и М. П. Погодин как журналисты // Чтение в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина, при Императорском Казанском университете. Казань, 1902. С. 14). По замечанию Н. И. Цимбаева, «Погодин противопоставлял „европейское завоевание“, следствием которого была классовая борьба, русскому „призванию“, следствием которого — социальная гармония» (Цимбаев Н. И. Историософия на развалинах империи. М., 2007. С. 59).

¹⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 229, 231.

в 1844 г. издает описание своего путешествия — «Год в чужих краях». Крымская война в очередной раз переплела судьбы России и Запада и — в очередной раз (но, пожалуй, впервые в такой степени) — обнаружила невозможность мирно разрешить давно копившиеся противоречия.

Погодин по-своему выпячивает эти болезненные точки, позволяет их почувствовать даже в наименовании писем («Взгляд на отношения *враждебных* России государств», «О состоянии Европы и о *славянах*»), две записки посвящает отношениям с Польшей («О восстании в Польше», «Послание к полякам»). Сразу констатирует неразрывность внешней и внутренней политики, замечая, что «общий вопрос для всех» — это «внешняя история», «внешние отношения и обязанности России», однако настаивает, что наравне с этим вопросом выступает и другой — «внутреннее развитие». При этом Погодин проблемно заостряет рассматриваемый вопрос: является ли осознанной цель помочь славянам; «сохранить Восточную Церковь и возратить Святой Софии ее вселенский крест»? — соответствует ли эта «открытая нами цель ее (России. — Е. А.) собственному внутреннему развитию»?; «нашла ли Россия центр своей тяжести?», — и отвечает: «Нет. Она его ищет, но еще не нашла» (с. 187).

Крымская война интерпретируется Погодиным как своего рода аналог крестовых походов Европы XI–XIII вв. («настоящая война есть крестовый поход Восточной Европы или России» (с. 220)). Обратим внимание на то, как он формулирует свою позицию. Погодин говорит о «божественной идее», но следующий абзац начинается с риторического вопроса: «Смею ли я выговорить ее?», а далее автор писем «выговаривает» все, что хочет сказать и что славянофилы, кажется, старались не говорить столь прямо: «Восточная Европа, т. е. Россия, посылается теперь туда, куда послана была Западная во время крестовых походов. Тогда не принимала она участия, теперь наступил, видно, черед ее крестового похода» (с. 211). Последующий текст строится как мысленный диалог, причем скорее с собою, чем с оппонентами, — как укрепление себя в той позиции, которая высказана. Погодин дробит текст на небольшие абзацы, при этом каждый последующий призван не только развить, но и усилить предыдущие:

«Для чего посылается Восток? Для того же, может быть, для чего посылается Запад, — для пробуждения его спящих сил.

Но зачем же Запад является здесь на стороне того, против чего сам он шел в продолжение двухсотлетних крестовых походов? Что значит эта злополучная вставка?

Запад обветшал, устарел, повредился и имеет такую же нужду в обновлении, какую Восток имеет в пробуждении.

В наказание за его гордость, жестокость ему дан последний предлог не Гроб Господень освобождать, а Мекку поддерживать, которой разрушение неминуемо» (там же).

Можно не разделять позицию Погодина, но нужно ему отдать должное в публицистическом умении освещать исторические коллизии таким образом, чтобы в позиции противников обнажить алогизм, даже абсурд:

«Вы не хотите отдать Турцию России, так разделите ее между собою, поссорьтесь при дележе и начните войну с Россией, если она не согласится дать вам следующую долю <...>.

И с какой стороны вы ни посмотрите на настоящую войну, везде вы увидите те же нелепости.

Европейцам негде жить — на одну милю приходится в некоторых странах по пяти тысяч человек, а в Турции целые области лежат впусе <...>.

Европейцы загоняются нуждой на пески, на снег, на скалы, а в Турции пропадают даром самые плодоносные, обильные всеми дарами природы области.

Европейцам нечего есть, а турецкая почва родит хлеб сам-сто и может насытить тройное народонаселение <...>.

Европейцам грозят революции от размножившегося числа пролетариев и нищих, ученых и неученых, а в турецких владениях найдется занятие для миллионов!» (с. 212).

Правомерно ли ставить вопрос об исповедальном начале в «Историко-политических письмах...» Погодина, если повествование строится не от первого лица (местоимение «я» встречается, но не слишком часто) и речь идет об особости исторических событий, развертывающихся в середине 1850-х гг., но обнаруживающих вместе с тем константную природу отношений России и Запада? Конечно, политический и публицистический дискурсы (в извечном единстве этих двух начал, в Погодине усиленном исторической ситуацией) являются преобладающими, но особым смыслом наполняются те местоимения, которые употребляет автор писем. «Мы» и «нас» появляются, как правило, в антитезе «Россия — Запад» («мы» — «они»). И в этом противопоставлении звучит такая личная нота, которая сразу располагает к Погодину; начинаешь понимать, почему списки писем ходили по рукам: они становятся частью сознания читающих эти послания, поскольку Погодин высказывает те свои убеждения и ощущения, которые таились в душе симпатизирующих ему соотечественников. «Мы» в этом контексте начинает выражать исповедальную интенцию нации, во всяком случае значительной ее части. «Они» «ненавидят Россию» — «наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях» (с. 74). И уже совершенно обнаженно-лично звучит восклицание, вызванное чтением европейской прессы: «А какова журналистика! Для журналистики Восточная Европа, славянские племена, русский народ, — одним словом, сто миллионов европейцев, как бы не существует, и они видят всю Россию только в нотах Министерства иностранных дел. Ни одной живой человеческой мысли не встречаешь на длинных столбцах газет и в толстых волюмах журналов, кроме общих мест, набранных по заказу, за деньги. Везде, по выражению поэта, опиум чернил, разведенный слюною бешеной собаки. Они твердят только: надо отодвинуть Россию на двести лет назад» (с. 215).

Погодину недостаточно говорить о «них», ему требуется прямое обращение — «вы»: «Вы не знаете, милостивые государи, нашей истории, как не разумеете нашего духа» (с. 143); «Оставьте нас в покое решить спор с Востоком и Магометом. Суд у нас с ними — Божий, а не человеческий» (там же); «Оставьте нас исполнить наш европейский долг во имя веры, гражданственности, просвещения человечества, прогресса» (с. 143–144).

Погодин берет на себя право излагать события «с русской точки зрения» (с. 98); совпадение личной точки зрения и общерусской и придает повествованию эмоциональную, публицистическую и личностную тональность.

При этом Погодин — непременно нужно отметить — не отвергает те прогрессивные завоевания, которые были осуществлены Западной Европой: «Теперь — Восточная Европа, то есть Россия, убедится чрез грозное столкновение с Западом на Востоке в необходимости образования, в истине Петровой пословицы, что ученье — свет, а неученье — тьма. Во тьме мы упали бы в пропасть. Нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями и открытиями, физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими» (с. 217–218). При этом Погодин предлагает и объяснение, почему же «они ненавидят Россию»: считая все учреждения в России «дикими», «личность беззащитною», европейцы полагают Россию «главным препятствием общему прогрессу». «Следовательно, — делает вывод из этой позиции Погодин, — всякое увеличение русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения, и потому непременно, во что бы то ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо» (с. 74). Поэтому данный исторический момент он воспринимает как «время великого переворота», когда и Россия должна задуматься о внутреннем состоянии нации и государства: «...В нынешних новых и необыкновенных обстоятельствах должны быть изыскиваемы средства и принимаемы меры также новые и необыкновенные» (с. 122).

Но в происходящих событиях Погодин видит не только исторический, но и онтологический фактор: «Наконец, действует против нас инстинкт зла» (там же). В одном

из стихотворений К. С. Аксакова («К России», 1854) Россия и Запад противопоставлены сходным образом:

Дух их злобен и корыстен,
Грех стяжал у них хвалу,
Им твой образ ненавистен,
Как добро противно злу²⁰.

В статье «Россия и Запад», написанной в годы Крымской войны и впервые опубликованной совсем недавно, Аксаков также касается ненависти как константного чувства западных народов в отношении России: «Долго скрываемая ненависть проникла наконец наружу в настоящую минуту. Это уже не Наполеон, не гениальный завоеватель, насильственно ведущий на нас материальные силы народов. Нет, это ненависть самих народов Запада, это союз всей Европы против нас; — за что? — понятно: это вражда начал (принципов), глубоко лежащих в основании западноевропейского и славянского мира. Она должна была когда-нибудь вспыхнуть, и она вспыхнула. Но начинщики не мы»²¹.

Весной Аксаковы уезжали в свое подмосковное имение «Абрамцево». Публикуя письма Константина Аксакова к Д. А. Оболенскому, Т. Ф. Пирожкова поясняет: «С самого начала войны и даже до нее, когда в 1850 г. возник спор, кому должны принадлежать иерусалимские и вифлеемские святые, Константин Аксаков (как и все



Константин Сергеевич Аксаков в русской одежде (косоворотке и мурмолке).

Фото из семейного альбома Аксаковых, обрамленное засушенными цветами, 1850-е гг.

²⁰ Аксаков К. С. Собрание сочинений и писем: В 10 т. СПб., 2019. Т. 1. С. 172. Подробнее см.: Анненкова Е. И. «Сочувствие единоверия и единоплеменности». Славянский вопрос в понимании славянофилов 1840–1850-х гг.: публицистический и поэтический дискурсы // *Limes slavicus* 2. Культурные концепты на славянство. Шумен, 2017. С. 229–253. На ситуацию Крымской войны, как известно, поэзия откликнулась достаточно активно. В славянофильском контексте это прежде всего ряд стихотворений А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. Любопытен отклик И. В. Киреевского, с одной стороны, побуждающего писать стихи, с другой, размышляющего о возможности молчания. 8 апреля 1854 г. он пишет И. С. Аксакову: «Что скажете Вы о новых стихах Хомякова? — Неужели в настоящую минуту Ваша лира молчит? — Время такое необыкновенное, какое бывает только в тысячелетние переломы эпохи: все время на смешались: в настоящем и прошедшем не уходит, и будущее прежде прихода ощутительно. А между тем все неожиданно и удивительно. Тайна веков слышна, и Провидение видимо. — Я понимаю, однако, что в эту минуту истинный поэт может молчать. Именно потому, чтобы не недостойно поднять великую мысль на сердце свое, должен он ждать ответственного вдохновения» (*Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 405). Комментарий указывают, что имеется в виду стихотворение Хомякова «России» (1854), однако В. А. Котельников добавляет, обращая внимание на конкретные даты написания произведений, что это могли быть и стихотворения «Суд Божий» и «Ночь» (*Котельников В. А.* И. В. Киреевский: «Славяно-христианские» начала на фоне новоевропейской цивилизации // *Христианство и русская литература*. Сборник 6. СПб., 2010. С. 90).

²¹ Аксаков К. С. Россия и Запад // *Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства*. Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856). СПб., 2016. С. 359.



Вера Сергеевна Аксакова.
С карандашного рисунка в альбоме
О. Г. Аксаковой, начало 1850-х гг.

его семейство) пристально следили за текущими событиями. Аксаковы в то время постоянно жили в Абрамцеве, Константин Аксаков изредка выезжал в Москву, новости в основном узнавал из газет, то есть с опозданием. Как только посланный в Сергиев Посад за почтой показывался на дороге к усадьбе, все в доме собирались вместе, чтобы читать газеты»²².

Погодин 23 мая 1854 г. побывал в Абрамцеве и познакомил Аксаковых с двумя своими письмами, написанными в мае и посвященными взаимоотношениям России и Польши. Непосредственная, импульсивная, очень заинтересованная реакция русского общества на события Крымской войны проявилась прежде всего в семье Аксаковых, особенно со стороны младшего поколения. Правда, Иван, находившийся к началу войны на Украине, куда отправился описывать ярмарки по заданию Русского географического общества, достаточно скептически относился к возможности победы России в этой войне и на пороге 1855 г. писал А. О. Смирновой: «Про положение наших Крымских дел, про управление, про грабежи чиновников в Крыму рассказывают ужасы. Так и должно

быть. Порядок вещей разлагается...»²³ Тем не менее, он записался в Серпуховскую дружину Московского ополчения, объясняя свое решение следующим образом: «Вступать в ополчение не значит согласиться на разыгрываемую комедию, а значит изъявить готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, чьей бы виной они ни были навлечены»²⁴. А вот Константин и Вера оставили целый ряд документальных свидетельств, позволяющих говорить именно об очень личном восприятии драматических событий войны (как военных действий, так и правительственной политики). Поэтому письма Погодина, навещавшего Аксаковых и в Москве, были восприняты семьей с энтузиазмом. Вера Аксакова писала своей двоюродной сестре Марии Карташевской: «Очень желала бы я, мой милый друг, познакомиться тебя ближе с настоящим значением этого вопроса. Письма П<огодина> более всего могли бы дать тебе истинное понятие обо всем, и если найду случай, перешлю тебе их»²⁵. Вера Аксакова описывает происходящие события и в письмах к Карташевской, и в дневнике²⁶, но А. П. Дмитриев, впервые публикуя переписку двоюродных сестер, обращает внимание на то, что если в дневнике немалое место занимает хроника политических событий, то письма, констатируя факты, передают более полно эмоциональное состояние корреспондентов.

На исходе сентября 1854 г. Вера пишет Карташевской: «Боже мой, если мы недостойны Божьего заступления, то стоны этих несчастных страдальцев (имеются

²² «Любезнейшему князю» в нелюбный Петербург (Неизданная переписка К. С. Аксакова с кн. Д. А. Оболенским) / Публ. Т. Ф. Пирожковой // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб., 2013. С. 570.

²³ Цит. по: Деметьев А. Г., Пирожкова Т. Ф. И. С. Аксаков и его письма к родным 1844–1849 гг. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 523.

²⁴ Там же.

²⁵ Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства... С. 83.

²⁶ Аксакова В. С. Дневники. Письма. СПб., 2013.

в виду западные славяне, в данном случае, болгары. — Е. А.) неужели не дойдут до Божьего милосердия? Страшно будет наказание за все эти слезы и стоны. Боже мой, какое время, в какую страшную историческую минуту живем мы, какое невиданное доселе унижение России и что еще будет. С сокрушенным сердцем должны мы преклонить главу перед волей Божьей и принять заслуженное наказание. <...> Погодин хотел ехать на будущей неделе в Петер-бург». — Как бы хотелось, чтоб он вам сообщил свои письма»²⁷. И еще ранее, в августе, Вера писала о том же: «Ты можешь себе представить, какое общее уныние и скорбь выражается и в словах, и на лицах всех истинно русских. Много согрешила Россия, что Бог ее так оставляет <...>. Что всего больнее, это то, что славяне должны наконец потерять всякое доверие к России»²⁸. Можно видеть, что уже в первый год военных действий зарождается и все более обостряется чувство вины-ответственности за славян. Сама стилистика письма свидетельствует, что это переживается действительно как личное чувство. Вера с Марией Карташевской были очень близки, переписка их, начавшись в конце 1830-х гг., длилась вплоть до кончины Веры в 1864 г. Многие дневниковые записи оказываются идентичны или, во всяком случае, близки тем, что мы видим в письмах: они не просто являются констатацией внешних событий, а обнажают внутреннюю жизнь молодых девушек, духовно и душевно проживающих эти события, по-своему исповедующихся друг перед другом.

К исповеди в собственном, традиционном смысле слова Аксаковы (да и славянофилы в целом) не были склонны. Константин прервал свою юношескую переписку с Марией Карташевской, очень искреннюю, близкую к дневниковой, по воле ее родителей. Иван попробовал писать дневник, но достаточно скоро бросил (позже, уже в 1860-е гг., в письмах к будущей жене, Анне Федоровне Тютчевой, полностью раскрывал себя). Зато в годы Крымской войны Константин пишет ряд писем: к Д. А. Оболенскому и М. А. Оболенскому, к А. Н. Попову. Это открытые политические письма, рассчитанные на то, что будут прочитаны более широким кругом лиц. Вера в октябре 1854 г. пишет Марии Карташевской: «Вот тебе опять, мой милый друг, *политическое письмо*, самой смешно, что пишу тебе такое, но что делать теперь?»²⁹ А несколько позже точно так же характеризует и письма двоюродной сестры: «Я читала сегодня поутру вслух твои *политические известия*...»³⁰

Если попытаться охарактеризовать атмосферу и жизнедеятельность аксаковской семьи тех лет в историко-литературном ракурсе, то можно констатировать уникальную ситуацию: совокупными усилиями непроизвольно создавалась особая семейная хроника, запечатлевающая жизнь в сложный исторический период, необычайно важный для национальной самосознания. В 1856 г. глава семьи, Сергей Тимофеевич Аксаков, издает свою «Семейную хронику», в которой представлена история рода Багровых (Аксаковых) и эпический слог которой оттенял и по-своему смягчал напряженную атмосферу исторического момента. Дневник Веры, политические письма Константина, частные письма членов семьи (в том числе исполненные критицизма и сомнений письма Ивана) воссоздают особую атмосферу семейной жизни в трагический для России исторический момент. В итоге создается совокупность текстов, внутренне единых³¹ и одновременно диалогических. Границы семейной хроники максимально раздвигаются — уже в силу того, что между событиями и их описанием нет временной дистанции; к традиционной семейной хронике, которая выходит из-под пера старшего Аксакова, присоединяется хроника живых событий, завершение которых непредсказуемо. Аксаковы в своих разного рода текстах (письма, дневники) фиксируют все происходившие события, акты русской дипломатии, тактику

²⁷ Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства... С. 67.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Там же. С. 77.

³⁰ Там же. С. 85.

³¹ Можно сказать, что высказывания членов семьи образуют некий «хор», который Константин Аксаков любил находить в культуре и жизни Древней Руси.

правительств — и все это комментируется таким образом, как будто это факты, реалии семейной и личной жизни.

В этом семейном «хоре» явственней всего звучал голос Константина, приоритет мнения которого признавался в семье; Сергей Тимофеевич неоднократно это отмечал («Да, прав Константин»; «Тысячу раз прав Константин»). В письме к Д. А. Оболенскому от 21 июня 1854 г. Константин излагал свою позицию (в сущности, единую для славянофилов): «Повторю: необходимо объявить независимость всех православных в Турции, необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное дело и будем за него сражаться как за самих себя, как за наше собственное существование и не положим дотоле меча, пока не освободим от ига магометан православных братьев наших. <...> Всякий исход войны, а не освобождение всех православных от незаконного турецкого ига, будет позором для России, оскорблением Христовой веры и предательством наших братьев, — и тогда грянет над Россиею праведный гнев Божий. — Господи! Избавь нас от позора и страха, от греха отступничества и предательства!»³²

Константин Аксаков предполагал и даже желал, чтобы его письма к Д. А. Оболенскому были прочитаны и другими, и все-таки, являясь политическими, это были частные письма. Погодин, рассчитывая, что его письма станут известны вышестоящим лицам и даже государю, обращал внимание на их построение, продуманную риторику, на организацию фраз и абзацев, которая имела бы и эффект воздействия: конечно, не только на официальных лиц, но и на максимально широкий круг читателей. Некоторая «растрепанность», фрагментарность прежних работ Погодина (естественно, далеко не всех!) сменилась максимальной внутренней собранностью.

Погодин неоднократно говорит об «ужасном состоянии России», раскрывая промахи правительства во внутренней и внешней политике, и Н. И. Павленко справедливо замечает, что «из безоговорочного сторонника николаевского режима» он «превратился в его критика»³³. Ставя вопрос, каким же образом Погодину удавалось «вместо окрика или даже преследований получать царское „благоволение“», исследователь называет «безупречную верноподданническую репутацию» историка и публициста, «изъявление верноподданнических чувств»³⁴ в самих письмах. Но думается, было и другое, что странным (лишь на первый взгляд) образом объединило — в позитивном отношении к письмам — и большую часть общества, и власть. Это тревога о судьбе России и православия, выраженная искренне и в литературном отношении талантливо.

Если характеристики некоторых трудов Погодина и его личности как «растрепанных», «неряшливых» и могли иметь прежде основания, то в ситуации Крымской войны он действительно собрался сам и «собрал», выстроил свои тексты.

Погодин как бы увязывает в один «узел» вопросы разнородные, но исторически событиями приведенные в соприкосновение: «вопрос европейский», «вопрос славянский», «вопрос русский». Вновь он прибегает к построению текста, при котором каждому «вопросу» выделяется отдельный абзац, но нераздельность всех вопросов от этого становится еще более очевидной. Речь идет о том, что «сыны девятнадцатого

³² Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. С. 591. Вера записывает в Дневнике 14 ноября 1854 г.: «Какие времена. Совершаются судьбы Божии над народами»; 19 ноября: «Конст<антин> сам думает, что только страшные бедствия в состоянии подвигнуть народ и вызвать его спящие силы; и кажется, Божьи судьбы ведут нас к этому»; 28 ноября: «Положение наше совершенно отчаянное, не внешние враги нам страшны, но внутренние — наше пр<авительство>, действующее враждебно против народа, парализующее его силы духовные, приносящее в жертву своих личных немецких выгод его душевные стремления, его силы, его кровь. — Что еще более приводит в отчаяние, это наше собственное внутреннее бессилие» (Аксакова В. С. Дневники. Письма. С. 86, 89. 96).

³³ Павленко Н. И. Михаил Погодин. С. 221.

³⁴ Там же.

века» так предались «злобе дня», «так погрязли в эфемерных газетах и журналах», в «мелких расчетах», «гнусных кознях», «постыдных страстях», что не в состоянии видеть, что в настоящее время «подготавливается судьба великих вопросов, созревших видно для решения» (с. 122). В чем же, по Погодину, существо этих вопросов?

«Вопрос *европейский* — об уничтожении варварского турецкого владычества в Европе, тяготевшего над нею, к стыду ее, в продолжение четырехсот лет.

Вопрос *славянский* — об освобождении достойнейшего, древнейшего и вместе многочисленного племени человеческого, славян, от чуждого ига и возвращении ему человеческих, гражданских и европейских прав <...>.

Вопрос *русский* — об увенчании, совершении русской истории, о заключении круга, начатого первыми ее государями, о решении борьбы с последними врагами, об ее чести и безопасности, об ее месте в истории человечества.

Вопрос *религиозный* — о Церкви Восточной и Западной, о вознесении православия на подобающее ему место, православия, которое ослепленный Запад поносил быти ересью...» (с. 122–123).

В сущности, Погодин объективно обозначил ситуацию возможного если не единения, то сотрудничества России и Западной Европы, намекая, что основой согласия, хотя и нелегкого, может быть «религиозный вопрос»³⁵. Он считал, что обязан, призван использовать тот свой талант, то служение русскому миру, которое в нем не могли видеть прежде. Поэтому он, действительно, взывает буквально ко всем — и европейцам, и русским: «*Смотрите* — по всему царству какой несется дух, от Петербурга до Якутска, и от Архангельска до Тифлиса!..» (с. 123). «*Посмотрите*, как следуют солдаты по всем трактам! Как встречают и провожают их везде обыватели, в городах и селах! С какою быстротою производятся рекрутские наборы!» (с. 124). Письма Ивана Аксакова из ополчения, дневниковые записи Веры раскрывают более сложное положение, но Погодину нужно создавать целостную картину, обладающую эффектом притяжения. Подчас возникает впечатление, что он сам как первый



Иван Васильевич Киреевский.
Худ. П. П. Соколов, середина XIX в.

³⁵ В то же время И. В. Киреевский в своем дневнике записал (7 марта 1854 г.): «Ровно пять месяцев не писал я в моем журнале. В это время произошло лично для меня мало замечательного, между тем как для всего мира очевидно приготовилось зрелище великих событий: война Европы с Россией, которая если состоится и продолжится, то, по всей вероятности, приведет с собою борьбу и спорное развитие самых основных начал образованности западноримской и восточноправославной. Противоположная сторона двух различных основ обозначится для общего сознания и, по всей вероятности, будет началом новой эпохи развития человеческого просвещения под знаменем христианства православного, опирающегося на возрожденные племена словенских, до сих пор служивших подножием для господства племен романских и германских и теперь вступающих с ними в равные права, а может быть, долженствующих господствовать над ними по причине господства их казенного просвещения над просвещением, составляющим характеристическую особенность Западной Европы. Замечательно, что гораздо прежде этого вещественного столкновения государств весьма ощутительны были столкновения их нравственных и умственных противоположностей» (Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 173).



Иван Сергеевич Аксаков.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов,
середина XIX в.

лева: «В последнем № М<осковских> В<едомостей> я прочел речь, которую ты говорил Хрулеву, и прочел с таким удовольствием, какого давно не испытывал от прочитанного. Тебе Бог вложил огонь в слово. Видно, ты в самом деле скипелся душою с жизнью нашего отечества, что при каждом явлении этой жизни, при страдании ее, при радости, у тебя вырывается из сердца настоящий звук. — Твои голоса, т. е. напечатанные, возбуждают почти общее сочувствие. Разумеется, не все, но большая часть. В речи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о том, что Европа не догадывается, сколько добра извлечет Россия из того зла, которое она думает ей нанести. Я думал, что я один утешаю себя этою мыслию, и хотел бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что я думаю. Твоя уверенность укрепляет мою. Да, любезный друг, эти страдания очистительные, эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохнулись без этого потрясения до самых костей. Россия мучается, но это муки рождения. Тот не знает России и не думает о ней в глубине сердца, кто не видит и не чувствует, что из нее рождается что-то великое, небывалое в мире»³⁶.

А Иван Аксаков в письме к родным (29 сентября 1854 г.) сообщал: «Статью Погодина о Соловецком монастыре я прочел в „Инвалиде“: я сам уважаю его поступок»³⁷. Впрочем, Погодина за многое можно уважать, и когда умрет этот человек и представится нам вся жизнь его как одно целое, тогда многие, даже враги, отдадут ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усеяно лицо каждого человека (даже красавицы, если рассматривать в микроскоп), исчезнут, не обратят на себя внимания, когда выдастся вперед общий облик человека. Этот-то общий облик не всегда уважают

читатель собственных текстов испытывает этот эффект и на себе — и в какой-то момент восклицает: «Нет, не могу писать больше... Сердце замирает. Заклячу это свое письмо словами поэта!» (с. 125) и действительно приводит последнюю строфу из стихотворения А. С. Хомякова 1854 г. «Раскаявшейся России».

Развивая славянскую тему, Погодин также прибегает к вопросительно-восклицательным конструкциям, то кратким: «А Черное море!», «А Дунай?» (с. 189), то развернутым: «Скажите же, вы все, в ком есть хоть капля теплой крови, в ком бьется человеческое сердце, — вы все, которые родились в муках из чресел матери, — <...> какая война может быть достойнее, человечнее, святее! Вперед! С нами Бог! Вот наше значение русское, славянское, европейское, христианское! Как русские, мы должны взять Константинополь для своей безопасности» (с. 186).

И. В. Киреевский писал в последний день 1855 г., откликаясь на выступление Погодина на обеде в честь генерала С. А. Хру-

³⁶ Киреевский И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 506.

³⁷ Речь идет о статье Погодина «Несколько мыслей по прочтении соловецкого донесения», опубликованной в «Московских ведомостях» (1854. 14 августа) и рекомендованной Ивану Сергеему Тимофеевичем; статья была посвящена бомбардировке Соловецкого монастыря англичанами в июле 1854 г., в ней говорилось о Божьей помощи монахам — в монастыре не оказалось ни одного убитого или раненого. Напечатана статья была тогда, когда все были уверены, что заключается мир, и публикация статьи могла показаться неуместной, поэтому в семейной переписке Аксаковых идет речь о публикации как о «поступке».



Могила М. П. Погодина в московском Новодевичьем монастыре.
Современное фото

людьми при жизни человека, впрочем, он и не ясно видим тогда; но вообще люди охотнее путешествуют по прыщам и буграм человека, чем всматриваются в общий тип его физиономии. В Погодине много и много такого хорошего, ради которого можно простить ему многое другое»³⁸.

Источники и литература

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. 704 с.
2. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. 653 с.
3. Аксаков К. С. Собрание сочинений и писем: В 10 т. Т. 1. СПб., 2019. 719 с.
4. Аксакова В. С. Дневники. Письма / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб., 2013. 591 с.
5. Анненкова Е. И. «Сочувствие единоверия и единоплеменности». Славянский вопрос в понимании славянофилов 1840–1850-х гг.: публицистический и поэтический дискурсы // *Limes slavicus* 2. Культурни концепты на славянството. Шумен, 2017. С. 229–253.
6. Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. 366 с.
7. Ашевский С. Политические письма Погодина // *Образование*. СПб., 1900. № 12. С. 1–28.
8. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888–1910.
9. Дементьев А. Г., Пирожкова Т. Ф. И. С. Аксаков и его письма к родным 1844–1849 гг. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 514–553.
10. Дмитриев А. П. Святитель Филарет в годы Крымской войны (по неизданным материалам архива Аксаковых – Карташевских) // *Филаретовский альманах*. Вып. 6. М., 2010. С. 121–136.

³⁸ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 317.

11. *Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. А. Н. Николюкина. Т. 3. СПб., 2018. 703 с.
12. *Корсаков Д. А. О. И. Сенковский и М. П. Погодин как журналисты* // Чтение в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина, при Казанском университете. Казань, 1902.
13. *Котельников В. А. И. В. Киреевский: «Славяно-христианское» направление на фоне новоевропейской цивилизации* // Христианство и русская литература. Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. Сборник 6. СПб., 2010. С. 26–97.
14. Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства. Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевой (1853–1856) / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб., 2016. 463 с.
15. Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. 942 с.
16. *Носков В. В.* Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. № 2. Гуманитарные и общественные науки. СПб., 2002. С. 103–118.
17. *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. 360 с.
18. *Пирожкова Т. Ф.* «Любезнейшему князю» в «нелюбезный Петербург» (Неизданная переписка К. С. Аксакова с кн. Д. А. Оболенским) // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. С. 563–592.
19. *Умбрашко К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист.* М., 1999. 293 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

Н. Н. Вихрова

«Жить по-русски...»: историософские воззрения М. П. Погодина в оценке И. С. Аксакова

УДК 1(091)(470):930.1

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_75

Аннотация: В статье анализируются оценочные суждения И. С. Аксакова о личности и воззрениях М. П. Погодина на историю с целью уточнения его места и роли в кругу приверженцев консервативной идеологии в российском обществе XIX в. Прослеживаются линии соприкосновения и отталкивания И. Аксакова и Погодина относительно понимания сущности славянского вопроса, проблематики генезиса российской государственности и характеристики типичных черт русского человека. Констатируется, что без осмысления влияния Погодина на становление и развитие того направления, которое представляли славянофилы в русской общественно-политической и философской мысли XIX столетия, характеристика этого явления будет неполной.

Ключевые слова: историософия, М. П. Погодин, И. С. Аксаков, славянский вопрос, Малороссия, Великороссия, славянофилы, консерватизм.

Об авторе: **Нина Николаевна Вихрова**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

E-mail: vihnn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1554-7717>

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-012-00419 «Письма А. Ф. Тютчевой (Аксаковой) И. С. Аксакову (1865–1886): подготовка комментированного издания переписки».

Для цитирования: Вихрова Н. Н. «Жить по-русски...»: историософские воззрения М. П. Погодина в оценке И. С. Аксакова // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 75–91.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Nina N. Vikhrova

“To live in Russian...”: Historiosophical views of M. P. Pogodin in the assessment of I. S. Aksakov

UDC 1(091)(470):930.1

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_75

Abstract: The article analyzes the value judgments of I. S. Aksakov about the personality and views of M. P. Pogodin on history in order to clarify his place and role in the circle of adherents of conservative ideology in Russian society in the 19th century. The lines of contact and repulsion of I. Aksakov and Pogodin regarding the understanding of the essence of the Slavic question, the problems of the genesis of Russian statehood and the characteristics of the typical features of the Russian people are traced. It is stated that without understanding the influence of Pogodin on the formation and development of the direction that the Slavophiles represented in the Russian socio-political and philosophical thought of the 19th century, the description of this phenomenon will be incomplete.

Keywords: historiosophy, M. P. Pogodin, I. S. Aksakov, Slavic question, Little Russia (Malorossia), Great Russia (Velikorossia), Slavophiles, conservatism.

About the author: **Nina Nikolaevna Vikhrova**

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Primary, Preschool Education and Social Management, NovSU named after Yaroslav the Wise.

E-mail: vihnn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1554-7717>

Financing: This article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, in the framework of project No. 18-012-00419 “Letters from A. F. Tyutcheva (Aksakova) to I. S. Aksakov (1865–1886): preparation of a commented edition of the correspondence”.

For citation: Vikhrova N. N. “To live in Russian...”: Historiosophical views of M. P. Pogodin in the assessment of I. S. Aksakov. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 75–91.

Генезис российского славянофильства XIX в. напрямую связан с попыткой создания философской базы для осмысления проблем российской государственности и распространения результатов этого осмысления в обществе с целью гармонизации общественно-социальной жизни страны. Разумеется, выявление ментальных и духовных национальных российских начал невозможно без обращения к истории, поэтому и закономерен интерес славянофилов к ней. Рецензент петербургского журнала «Время», представляя первый том собрания сочинений К. С. Аксакова (М., 1861), увидел общее свойство славянофилов в том, что «у них есть чутье русской жизни, что они стараются как можно тщательнее изучить ее по историческим источникам, — это несомненно. Вот это-то историческое направление в славянофильстве и дает ему, по нашему мнению, силу, значение и права на признание его заслуги перед обществом»¹. В этом отношении значение личности историка М. П. Погодина для первоначального формирования исторического чутья у будущих славянофилов трудно переоценить.

Славянофильство выросло из споров конца 1830-х гг. об историческом предназначении России, и И. С. Аксаков совершенно справедливо выделял в качестве базового исторический аспект славянофильского направления². «Исторический критерий» для него на протяжении всей творческой жизни оставался необходимым инструментом для характеристики широкого круга явлений современной общественной, политической, культурной и духовной жизни России. Поэтому он всегда живо интересовался трудами современных историков, причем в первую очередь его, как и старших славянофилов, занимала историософская проблематика, попытка осмыслить движущие силы истории. Вместе с тем становление славянофильских взглядов И. Аксакова происходило как бы параллельно относительно кружка старших славянофилов, в условиях критического восприятия и творческого осмысления вырабатываемых ими положений. При этом среда, в которой формировалось славянофильское учение: московские интеллектуальные кружки и салоны, связанные с Московским университетом, Московской духовной академией и московской журналистикой, где собирались многочисленные родственники и друзья московских семейств Аксаковых, Хомяковых, Елагиных-Киреевских, Самариных, Одоевских, Черкасских, Свербеевых, Бахметьевых, Беляевых и др., была родной для И. Аксакова, несмотря на его частые отлучки из Москвы. Одним из постоянных центров этой среды можно назвать дом М. П. Погодина: по словам И. Аксакова, сказанным на чествовании пятидесятилетия гражданской и ученой службы историка в 1872 г., «засев с конца тридцатых годов на Девичьем поле, он стал как бы принадлежностью и достопримечательностью Москвы. Долго в памяти живущих останется Девичье Поле в неразрывной и любезной связи с именем Погодина. В его доме, в известные дни, собирались все находившиеся налицо в Москве представители русской науки и литературы, в течение многих последовательных периодов их развития, от карамзинского до пушкинского и гоголевского включительно, и до позднейших времен. Сменялись поколения и направления: он один не менялся и был в постоянном дружеском общении с людьми всех возрастов и классов»³.

¹ Время. 1862. Т. VIII (№ 3). С. 80. По мнению А. Н. Першкиной, основанному на общей сумме гонорара за неуказанные работы, статья должна принадлежать М. И. Владиславлеву (*Першкина А. Н.* Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции // Вестник Московского университета. 2014. № 1. С. 161). Однако если судить по содержанию, то ее можно скорее атрибутировать Ап. Григорьеву, хорошо знакомому с разбираемой исторической проблематикой, творчеством К. С. Аксакова и попутно упоминаемого А. Островского, а не талантливому двадцатилетнему недавнему выпускнику Новгородской семинарии, увлекающемуся преимущественно проблемами истории философии, логики и этики.

² Ср., например, весьма характерные оговорки: «Для полноты этюда недостает (простите славянофилу!) той исторической точки зрения, без которой едва ли понятна преемственность поэтической и вообще литературной деятельности на Руси и отношение их к народу и народности» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884). СПб., 2018. С. 45).

³ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 429–430.



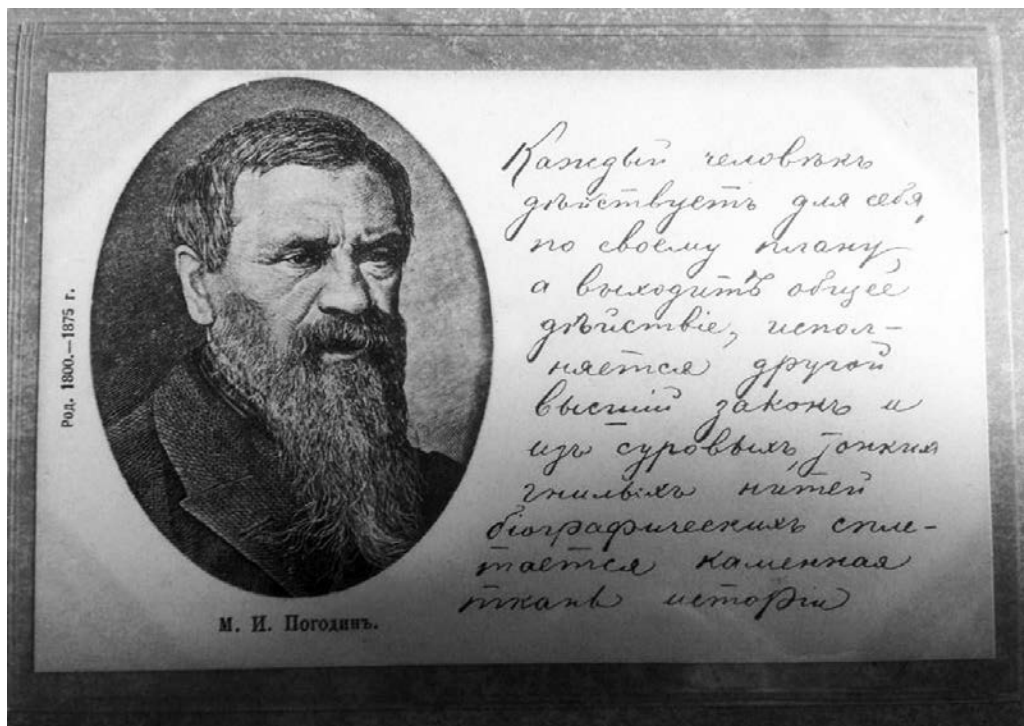
«Погодинская изба». Современное фото

В аксаковской семье Погодина почитали почти за родственника: переживали и радовались тем или иным событиям в его личной жизни, порой негодовали и спорили, но при этом доверяли детям его авторитетному влиянию, — после смерти С. Т. Аксакова мать с дочерьми, а впоследствии и И. Аксаков с женой, какое-то время жили в его усадьбе. По-отечески воспринял Погодин и сообщение о женитьбе И. Аксакова на фрейлине А. Ф. Тютчевой, считая, «что в этом союзе есть что-то такое взаимно-подходящее, гармоническое, какой-то стройный внутренний аккорд, несмотря на видимую разноголосицу, который бессознательно чувствуется всеми»⁴. «Нынче был Погодин у маменьки, — писал Аксаков невесте 25 октября 1865 г. — Вот в восхищении-то от нашей женитьбы! Он искренно плачет от восторга, имея о тебе самое высшее понятие, а меня зная с трехлетнего возраста. Он очень верит всяким приметам, случайным сопоставлениям, непосредственным ощущениям и т. д., ведет постоянно свой дневник и обещал привезти показать то место в дневнике, несколько лет тому назад, где он написал пришедшую ему в голову мысль, что мне надо на тебе жениться!»⁵

Несомненно, в формировании первоначальных славянофильских убеждений И. Аксакова сказалось и прямое влияние Погодина, наряду с опосредованным — в первую очередь через его учеников К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. И тот и другой оставили воспоминания о годах учебы в Московском университете, где особо выделяли лекции Погодина по истории. Наиболее пространно остановился на них Ю. Самарин, отметивший, что «из профессоров того времени действовал не только на меня, но и на многих других Погодин. Он не заискивал популярности, как И. И. Давыдов», лекции его не отличались художественной оконченности и совершенной новизной лекций Печерина; в даре изустного изложения он далеко уступал Крюкову; но он отличался тем, чего не имел никто из них: мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, направление, согретое глубоким сочувствием к русской жизни. Чему нас выучил Погодин, я не могу сказать, передать содержание

⁴ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. С. 155.

⁵ Там же. Л. 154 об.—155.



Дореволюционная открытка с цитатой М. П. Погодина

его лекций я был бы не в состоянии; но мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам начала, по иным, еще не определенным наукою, законам совершается ее развитие. Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас. До Погодина господствовало стремление отыскивать в русской истории что-нибудь похожее на историю народов западных; сколько мне известно, Погодин первый, по крайней мере для меня и моих товарищей, убедил в необходимости разъяснения явлений русской истории из нее самой»⁶.

О патриотическом настроении юного Ивана Аксакова и освоении им, как он сам говорил, «зачинавшихся в Москве толков славянофильского характера» свидетельствует написанная им еще в училище правоведения статья «О возможности русским иметь народную литературу. Разговор», которую он неожиданно обнаружил через много лет, в 1885 г., в бумагах своего однокашника О. И. Квиста⁷. Утверждая в указанной статье, что «наша литература нисколько не подражательна и имеет такие данные, которые могут ручаться нам, что она будет богаче всех известных до сих пор», И. Аксаков характеризует выявленные им моменты народного духа, отраженные в фольклоре, литературе и языке, служащие важнейшим материалом народной (национальной) литературы. Заканчивает И. Аксаков свою статью в почти панславистском погодинском

⁶ Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма, 1840–1876. М., 1997. С. 142. Любопытно, что впервые эти воспоминания, прочитанные на вечере у Ю. Самарина 12 января 1855 г., посвященном столетнему юбилею Московского университета, опубликовал И. Аксаков в своих изданиях: К. С. Аксакова (с сокращениями) в «Дне» (1862. 29 сентября. № 39. С. 2–5), Ю. Ф. Самарина в «Руси» (1880. 15 ноября. № 1. С. 18–19).

⁷ См.: Письмо И. С. Аксакова к К. П. Победоносцеву от 12 июня 1885 г. // Люди русской правды. СПб, 2018. С. 487. Сама статья опубликована: Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173–183.



И. С. Аксаков
в мундире Училища правоведения.
Худ. А. Воробьев, 1842 г.

вания не только М. П. Погодина⁹, но и И. Киреевского, Пушкина, Гоголя.

Учась в Петербурге, Аксаков, действительно, не был оторван от Москвы благодаря переписке с родными, живо следил за литературными событиями. Когда Погодин бывал в Петербурге, то навещал молодого Аксакова, к которому относился с большой симпатией. Сам же Аксаков испытывал ответственность не только перед своей семьей, но и перед Погодиным, о чем он записал тогда в дневнике: «Теперь [приедет?] Мих<аил> Петр<ович>. Я читал его записку, которую он писал отесеньке обо мне, как только что я ехал, оправдал ли я его надежды!»¹⁰ Сам дневник И. Аксаков перешлет в Москву родным именно с Погодиным, который приедет в Петербург в феврале 1841 г. представлять в петербургском обществе только что вышедший первый номер «Москвитянина». Видимо, В. Г. Белинский, переехавший в Петербург ради работы в «Отечественных записках», возникновение этого органа в Москве воспринял как серьезную идеологическую площадку, на которой могут конкурентно развернуться его бывшие московские друзья. В марте-апреле 1841 г. Белинский писал Н. Х. Кетчеру: «...Я снова вышел на большую дорогу <...>, и с нее уже не съезят меня и сам „Москвитянин“ <...>, кто старое помянет, тому глаз вон»¹¹. И. Аксаков, побывав у него в это же время, был неприятно поражен произошедшей с ним переменой: «Он утверждает теперь, что Петербург — великий город (и это он излагает все в статьях своих: Россия до Петра Великого, при Петре и после), что он очеловечился только в Петербурге, что Москву и Кремль надо жечь, как следы нашей глупой старины, что только с Петра начинается наша история, и она в Петербурге»,

духе страстным обращением к « народам Запада»: «Широка, глубока жизнь русская, полною рукой черпай из нее гений и, облакая в чистые, поэтические формы, яви на созерцание и удивление векам и народам! Народы Запада! Недалеко то время, когда политическое влияние России обхватит вас, и язык русский, гремя в устах всех славянских народов, слившихся в одно целое от Одера до Восточного океана, от моря Балтийского до моря Черного, от Моравы до Адриатики, огласит и ваши страны и вы воздадите должное народу, соединившему в себе все элементы духа человеческого, все стороны, нужные для достижения идеала, недостигаемого для одного человека, но [более] доступного человечеству, которое [может] достигнуть его через русский народ скорее, нежели все прочие!»⁸ Отметим, что в общественно-литературном контексте конца 30-х — начала 40-х гг. подобного рода представления о великом предназначении России стали довольно распространенными: достаточно вспомнить известные высказы-

⁸ Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 183.

⁹ См., например, письма конца 1830-х гг., обращенные к цесаревичу Александру Николаевичу, министру Уварову, в начале издания: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856. М., 1874. Указанные письма были широко известны обществу уже в момент их написания, а впоследствии переиздавались.

¹⁰ Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 178.

¹¹ Цит. по: Розенблюм Н. Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1862. № 1. С. 202.

что он познакомился теперь с действительностью и т. д.; прибавь к этому еще самый больной, неистовый вид, самый грубый цинизм, самый площадной язык <...>. Я был удивлен такой перемене <...>. В следующем номере „От-ечественных» з<аписок>“ Белинский отшлепает Ломоносова, бранит Россию, бранит чиновников и офицеров, считая все выражением народа. Вдруг напустился на бедного Мих<аила> Петровича [Погодина] и начал его ругать по-своему. Я не пробыл часу, оставил у него Панаева, уехал и не намерен более быть, разве чтоб взять стихи Лермонтова, которые я у него оставил. Нет, наше поколение не идет так, меня дор<огою> свои мнения. Вышли теперь из моды и идеалы, и очарования, и разочаровываться будет в чем. Мы любим смотреть на вещи, как они есть, а куда в стороне, пользуемся ошибками и плодом ошибок переходного поколения...»¹²

Действительно, И. Аксаков, при том что «покуда был в стороне», порой критически относился даже к некоторым теоретическим построениям старших славянофилов, был вместе с тем на протяжении всей жизни удивительно целен и бескомпромиссен в отстаивании славянофильских идеалов. Есть мнение, что И. Аксаков резко переменялся после смерти лидеров славянофильства, став «славянофилом поневоле». Однако он вполне однозначно проявлял свою идеологическую бескомпромиссность и при жизни Хомякова и Константина Аксакова. Так, И. Аксаков убежденно писал в 1859 г. М. П. Погодину: «Согласитесь, что как редактор я должен, по крайней мере, я хочу отвечать за каждое напечатанное слово. В этом-то и был недостаток *Москвитянина*, что в нем никакого единства не было, что рядом с смелою выходкою стояла тирада уж очень несмелая, что редактор в нем был сам по себе, а сотрудники сами по себе. Если бы Пушкин, Гоголь и проч<ие> дали бы мне в *Парус* свои произведения, несогласные с духом газеты или противные моим убеждениям, так я бы их не поместил»¹³.

Что же касается отношения к самому Погодину, то при том что тот иногда удостоивался от Аксакова нелестного эпитета «свинья»¹⁴, он с неизменным уважением относился к нему как к большому ученому, патриоту и честному гражданину и охотно предоставлял страницы своих изданий для его публикаций. Строгий к себе, И. С. Аксаков умел с уважением видеть в человеческом облике исторического и современного деятеля за массой личных слабостей и исторических обусловленностей нравственно-религиозную основу, благородство и чистоту души, объясняющую его место в историческом процессе. Так он оценивал Пушкина, у которого Хомяков, например, не мог почувствовать «басовых нот»¹⁵; Гоголя, когда того осуждали за публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями» даже в семье, в том числе и С. Т. Аксаков, и когда, между прочим, сам «сильно смущался выходками на Погодина»¹⁶; Ф. Тютчева, крайне ветреного в личной жизни; Ап. Григорьева, «несмотря на многие странности, на резкие увлечения в мнениях и выражениях»¹⁷; М. Д. Скобелева, который был «подчас одержим и порочными страстями»¹⁸. Такую высокую нравственную основу души отмечал И. Аксаков и у Погодина в письме родным еще в 1854 г.: «...Погодина за много можно уважать, и когда умрет этот человек и представится нам вся жизнь его как одно целое, тогда многие, даже враги, отдадут ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усеяно лицо каждого человека (даже красавицы, если рассматривать в микроскоп) исчезнут, не обратят на себя внимания, когда выдастся вперед общий облик человека. Этот-то общий облик не всегда уважается людьми при жизни человека, впрочем, он и неясно видим тогда; но вообще люди охотнее путешествуют по прыщам и буграм человека, чем всматриваются в общий тип его физиономии.

¹² И. С. Аксаков, письмо к К. С. Аксакову от 21 апреля 1841 г. // Там же. С. 201–202.

¹³ РГБ ОР Пог / П. Оп. 1. № 37. Л. 1.

¹⁴ См.: Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 297.

¹⁵ См.: Вихрова Н. Н. И. С. Аксаков и Н. С. Соханская: Перипетии творческого взаимодействия // Христианство и русская литература: Сборник 8. СПб., 2017. С. 478.

¹⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. С. 347.

¹⁷ День. 1864. 3 октября. № 40. С. 20

¹⁸ Письмо И. С. Аксакова к С. С. Аксаковой. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. Л. 64.

В Погодине много и много такого хорошего, ради которого можно простить ему многое дурное»¹⁹.

При этом сам И. Аксаков, как и другие лидеры славянофильского направления, знал, что Погодин, при некоторых точках соприкосновения, идеологически занимал срединную, охранительную нишу на консервативном поле общественно-политических сил середины XIX в.: «Крайности никуда не годятся; с западной ли стороны упасть в пропасть или с восточной — все равно: прямая дорога посередине»²⁰. В первую очередь славянофилы расходились с Погодиным в осмыслении хода российской истории и личности Петра Первого. Погодин видел все ее события как счастливый Божий промысел, сказавшийся в мирном течении социальной жизни, возвышении Москвы, просветительских действиях Петра и предначертанном славном будущем; славянофилы же воспринимали петровские преобразования как вызов Божественному промыслу, как роковую волюнтаристскую ошибку, которая нарушила естественный ход истории и привела к нравственному расколу между народом и правительством, потерявшим национальную идентичность. Тем не менее, кажется, при активно выражаемой общественной позиции, Погодин никогда не претендовал на роль лидера какого-либо направления, ограничиваясь научной и просветительской деятельностью. Поэтому И. Аксаков мог свободно предоставить Погодину, как историческому эксперту и частному лицу, колонки своих газет, но участвовать в изданиях Погодина, как и принимать, например, такую статью, как «Петр Первый и национальное, органическое развитие», опубликованную Погодиным весной 1863 г. в катковском «Русском вестнике», считал предосудительным²¹.

Однако, справедливости ради, нужно сказать, что уже Хомяков в 1858 г. «все более и более» убеждался в том, что «все ошибки Петра оправдываются (т. е. объясняются) странным бессмыслием допетровской, романовской, Московской Руси»²². Ивану Аксакову, для которого позиция Хомякова была наиболее авторитетна, предстояло «оправдать (т. е. объяснить)», разумеется, с оговорками, в числе прочего и противоречия в трактовке самого основного, рубежного, с точки зрения славянофилов, события русской истории, связанного с петровскими преобразованиями. Произойдет это позднее, в пору написания «Биографии Ф. И. Тютчева» (1874) и «Пушкинской речи» (1880). Основанием для такого «оправдания» был сам факт существования русской литературы и науки (который неизменно приводил и М. П. Погодин), благодаря которым и стало возможным формирование народного самосознания.

На страницах аксаковской газеты «День» имя Погодина появлялось или в связи с внутренними вопросами пореформенного времени (например, 6 февраля 1863 г. было напечатано «Мнение, прочитанное выборным, М. П. Погодиным, в частном собрании отделения дворян потомственных 1863 года февраля 2»), или в связи с освещением деятельности Славянского комитета, или в связи со спорами на исторические и филологические темы. Так, хоть и опосредованное, отношение имеет Погодин к публикации своего друга М. А. Максимовича «Новые письма к М. П. Погодину. О старобытности малороссийского наречия», продолжающей многолетнюю полемику, начатую еще в 1856 г.²³ М. А. Максимович, доказывающим возникновение малороссийского языка в дотатарское время (старобытное). Максимович обращается

¹⁹ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 317.

²⁰ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. С. 424.

²¹ Вместе с тем и не ответить на очередной панегирик Петру Аксаков не мог. Н. П. Барсуков совершенно правильно указывает на своеобразный ответ Аксакова в виде публикации в «Дне» статьи И. Д. Беляева «Русское общество при Петре Великом» (День. 1864. 11 января. № 2. С. 3–6; 18 января. № 3. С. 3–6) и предваряющую передовую статью Аксакова от 11 января 1864 г. («Как началось и шло развитие русского общества»), в которых представлена славянофильская точка зрения. См. об этом: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. С. 419–436.

²² Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 8. М., 1904. С. 367.

²³ Опубликованы: День. 1863. № 8, 10, 15, 16. Ранее «Филологические письма к М. П. Погодину» были напечатаны в «Русской Беседе» (1856, кн. 3). Ответы П. В. Лавровского в «Основе»

к исторической гипотезе М. П. Погодина «о заселении Киево-Переяславской земли великороссиянами на все древнее, до-Батыевское время, и переселении на их место малороссиян с Карпатских гор уже после нашествия татарского»²⁴. Таким образом, Погодин выступает в качестве сторонника Максимовича, полемические стрелы которого направлены в сторону П. А. Лавровского и И. И. Срезневского, доказывающих «новобитность» малороссийского языка. Однако при этом Максимович упрекает Погодина в противоречивости его концепции по причине того, что историк увидел прародину малороссиян не в Киеве, на берегах Днепра, а в Карпатах.

Вообще в пору польского восстания вопрос о самостоятельности малороссийского языка имел щекотливый оттенок сепаратизма. Сам Аксаков, имевший многочисленные связи с киевскими и другими малороссийскими литераторами и публицистами и хорошо знавший Украину, даже мысли не допускал, что в украинском народе под влиянием Польши могут возникнуть сепаратистские настроения. Но и он считал вредным и неправильным попытки украинофилов придавать низовому народному украинскому языку, с его точки зрения, диалекту русского, статус литературного, осуждал «попытки создать особенную малороссийскую литературу», хотя и «приветствовал появление проповедей на малороссийском языке»²⁵.

Можно предположить, что в то время статья Максимовича, который ограничился филологическими размышлениями, не представляла опасности в плане сепаратизма, но, благодаря гипотезе Погодина, косвенно указывала на русинов, которых Аксаков считал частью разделенного русского народа, стремящегося к воссоединению с Россией. Много лет спустя, в 1878 г., предмет спора между Погодиным и Максимовичем всплывет в любопытной историософской переписке о началах российской государственности, которую вели И. Аксаков и Н. М. Павлов²⁶.

Н. М. Павлов, публицист, писатель, близкий знакомый И. С. Аксакова, постоянный сотрудник его изданий, вынашивал идею создания популярного труда по русской истории. В первую очередь Н. М. Павлова волновал вопрос о непротиворечивом определении главных движущих сил русской государственности. Затруднение было вызвано сложностью проведения логических линий между тремя знаковыми точками в основании российской государственности: Новгородом, Киевом и Москвой (а в новейшее время возникает еще одна, «неправильная» для славянофилов точка — Санкт-Петербург). Вокруг этих точек и разворачивается историософский диалог между Павловым и Аксаковым. Коренной вопрос, поднятый Павловым, касается обоснования «особенности» Новгорода, который в отличие от других славянских племен, имевших племенное сознание с родовым князем во главе, «рода-племени никогда не составлял. Новгородцы — это выходцы из Стар-города, морские колонисты, торговое варяжское население, ватаги. Они не род-племя, как вятичи, поляне, древляне; они — это и отмечено Нестором — просто славяне. Понятно, почему так. Иначе и быть не могло с высельниками, с колонистами, которые приходили ватагами. Новгород их сборный пункт. Они просто — славяне. Князь нужен был новгородцам более, чем кому-нибудь, как своего рода маклер торговых сделок и третья при разных пререканиях, но и только. Но „владетельный“ князь, да еще с его еще там политикою — им даром не нужен. Они только того и просят: будь у нас маклером и где нужно третьей; платить тебе будем хорошо; но „володети“ и никакой политики, ради Бога, не забирай. А князьям именно хочется „володети“; им любо у родов-племен с самого начала, в Киеве, у древлян, у северян, всюду лишь бы не в Новгороде» (с. 475). Такой строй, созданный в силу экономических и юридических причин, образовал уникальный

(1861, кн. 8), там же в кн. 12 его статья «По вопросу о южно-русском языке», ответные письма к Погодину напечатаны в «Русской Беседе» (1857, кн. 2 и 4).

²⁴ День. 1863. № 8. 23 февраля. С. 10.

²⁵ Там же. № 29. 20 июля. С. 20.

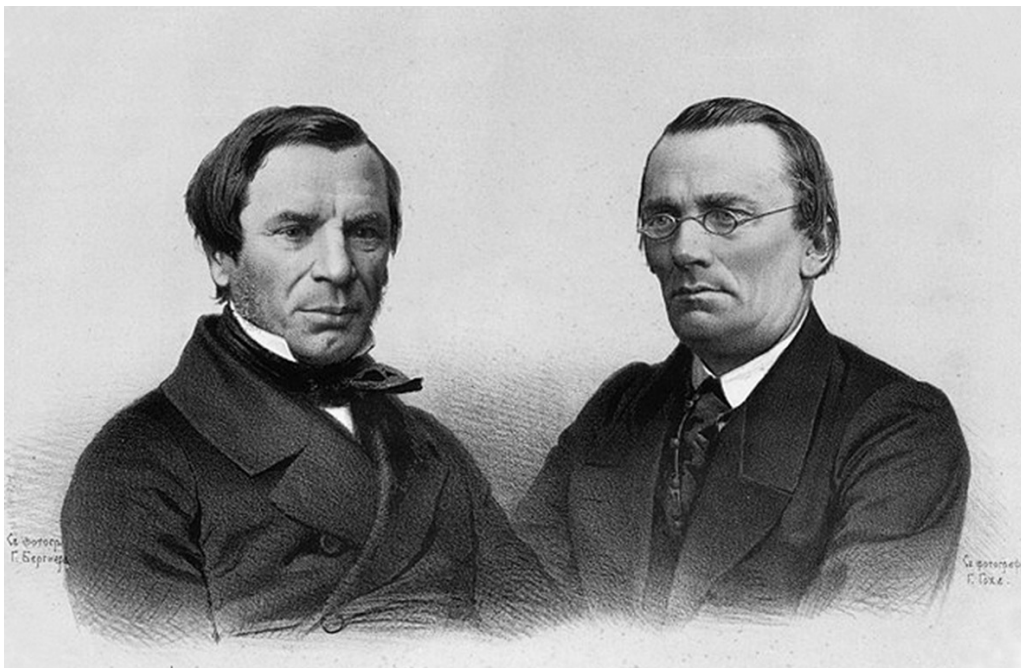
²⁶ Павлов Н. М. Из переписки с Иваном Сергеевичем Аксаковым // Русская старина. 1887. № 6. С. 469–494 (далее в круглых скобках ссылки в тексте на это издание: выделения принадлежат авторам переписки).

политический субъект — господин Великий Новгород. Вместе с тем «Новгород может быть господином, когда о бок не завелся другой господин, более понимавший, к чему он стремится. В так называемый удельный период не было того государева господства, которое завелось с Москвы. Господа должны были сшибиться, и другой господин покончил с Новгородским господством». Москва, по Павлову, «ничуть не Великокороссия и не Малороссия: она органическое замирение того и другого», «это по преимуществу историческая сделанная „политическая местность“, вся образовавшаяся в историческом уже процессе, с самого своего начала <...>. Это прямо вселенское относительно и Киева, и Чернигова, и Новгорода, и Полоцка. Тут вся Русь <...>. Это исполнение чаяния удельного периода» (с. 480).

Таким образом, Павлову представляется не линейное, из одной точки, развитие российской истории, а геометрическое, из двух точек — Новгород и Киев, которые сошлись в Москве. Вместе с тем, Павлов корректирует свое прежнее мнение, что север — это великорусы, а юго-запад — это малороссы. С его точки зрения, «поляне киевских мест и позднейшие хохлы не одно и то же». Новгород — несомненно великорус, а поляне — не малороссы. Великорусский тип — это тип донского казака, который сродни новгородцам. А московский тип — не великорусский, т. к. нет наречия московского, это собственно русский язык: «Язык русский, или, что то же самое, русский народ — исторический язык и народ. <...> Первоначально Киев „делал русскую историю“; и русский язык и русский народ начались здесь; весь этот период зовут Киевским. Потом стремя русской истории обратилось на север; это уж Владимирский или, прямо скажем, Московский период. А хохлы никогда не „делали русской истории“; они входили в нее едва заметной струей во время Киевского периода и тогда смешивались в общем потоке русской истории; потом, оторвавшись от нее, замерли в запорожцев и окончательно кристаллизовались в местном провинциализме уже под влиянием Польщизмы. Есть несомненный тип „великоруса“ в собственном смысле — это Новгород. Да! Древний новгородец — вот великорус как провинциализм местный. <...> Несторовы поляне гораздо ближе подходили к старинным новгородцам, чем так называемые позднейшие хохлы, чем сами нынешние малороссы подходят и к древнему, и к нынешнему новгородцу» (с. 481).

С точки зрения Павлова, современный же малоросс, как этнографический тип, исторически представляет собой «степные станицы кочевых славянских племен, чуть ли не со скифами мешающиеся, потом с хазарами, потом с половцами. Это берендеи, ковуи и прочие черные клобуки, „яже зовомие черкасы“ и т. д. и т. д. <...> вот эта-то южно-русская степная примесь, дававшая себя слышать во времена полян лишь на окраинах этого рода-племени, потом постоянно подваливала все более и более к Киеву из Черноморской степи. <...> Когда наконец волны татарского нашествия схлынули с здешних мест — эти самые станицы, сохранив за собой наследие от татар в самом имени казак, и выступили здесь хозяевами; южными казаками малороссийского типа, запорожского, а не донского. Историческое стремя тогда уже перешло совсем на север; так как они, по тогдашним обстоятельствам, совсем оторвались от этого исторического стремени, то и застыли и кристаллизовались в местный провинциализм» (с. 482–483). «Это очень важный вопрос в истории нашего языка, то есть русского народа, — заключает М. Н. Павлов. — Этим упраздняются все споры Максимовича с Погодиным» (с. 483).

Последняя мысль оказалась И. Аксакову «очень остроумною и основательною», и он дополнил ее своими наблюдениями над этнографическим типом «украинца»: «Заметьте одно, что предание о Киеве, о Владимире поются только на северо-востоке, а не в самой Малороссии. Если таковые предания могут быть утрачены в Малороссии, то тем легче предположить совершенное уклонение малороссийского типа от древне-полянского. Это уже новый казацкий тип, который едва ли знали поляне. Под господством этого типа Малороссия называет себя — заметьте — Украиной. Это народное прозвище, а Малороссия — книжное, ученое, политическое. <...> Борода есть существеннейший этнографический признак так называемого великорусского



Михаил Петрович Погодин и Николай Иванович Костомаров.
Иллюстрация из «Русского художественного листка», 1860 г.

племени. Борода, рубашка сверх шаровар. На фресках Софийского собора рубашка сверх шаровар, есть и бородатые и безбородые. О какой местности говоря, упоминает Нестор о банях, помните: добровольно себя мучили, жгли и т. д.? Потому спрашиваю, что Нестор, значит, живя среди полян, знавал бани, а Малороссия *никаких бань не знает*, и обычая этого нет; это стало чертой великорусской» (с. 486).

Этот ответ Аксакова о Малороссии и Великороссии окончательно убедил Павлова, что «надо, наконец, упразднить этот вопрос Погодина с Максимовичем: по-каковски говорили Владимиры Мономахи и Юрии Долгорукие — по-малороссийски или по-великорусски? Самое то, что Малороссия не поет песен Киевского периода, доказывает, что „малоросс“ в этнографическом смысле — южный, с примесью азиатства, степняк, и этот степняк кристаллизовался в малоросса — позднее, притом под влиянием Польщины. Но это еще и доказывает, что термин „великоросс“ — термин опять-таки политический: все, что делало русскую историю включительно и с Московским государством, то и поет киевские песни, а что не делало общей нашей истории — то и знать не знает этих песен» (с. 489–490). Аксаков остался «вполне доволен» (с. 492) разъяснением Павлова об «упразднении» давнего спора Погодина с Максимовичем.

В начале 1864 г. в газете «День» развернулась полемика между двумя историками — М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым, вызванная публикацией статьи последнего «Куликовская битва», в которой со ссылкой на объективность дана негативная оценка Дмитрию Донскому. Эту историю подробно осветил Н. П. Барсуков в 21 томе биографии Погодина в нескольких главах²⁷. Завязавшаяся полемика поднимала важный с точки зрения славянофилов вопрос о нравственном отношении к истории, поэтому Аксаков энергично приветствовал появление статьи Погодина в своей газете. И все же вряд ли Аксаков был вполне доволен осуществленным в погодинской полемике сдвигом нравственного критерия в оценке исторического события в сторону патриотического. А скорее всего именно так поняли и одобрили позицию Погодина

²⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. С. 389–405.

крайне правые консерваторы Аскоченский²⁸ и А. С. Норов,²⁹ мнение которых не являлось для Аксакова авторитетным. Нравственную концепцию истории разделяли все славянофилы, но И. Аксакову конкретная историософская аргументация Хомякова, не игнорирующая «темные» стороны русской допетровской истории, казалась более убедительной, чем, например, исторические представления «идеалиста» К. С. Аксакова³⁰ или «логика» Ю. Самарина. Уже в 1879 г. в предисловии к публикации в «Русском архиве» писем Хомякова Ю. Самарину он дает весьма показательную в этом отношении и сочувственную характеристику адресанта: «В нем поэт не мешал философу, а философ не смущал поэта <...>. Он не только не боялся, но признавал обязанностью мужественного разума и мужественной веры спускаться в самые глубочайшие глубины скепсиса и выносил оттуда свою веру во всей ее цельности и ясной, свободной, какой-то детской. Он презирал веру робкую, почюющую на бездействии мысли и опащающуюся анализа науки»³¹.

Аксакову, как поэту, импонировало и то, что логические построения славянофильской теории истории Хомяков усиливал или добавлял поэтическими откровениями, иногда вызывавшими неоднозначную реакцию у славянофильского кружка. Именно такие, парадоксальные и провокационные вещи были наиболее созвучны умонастроению И. Аксакова. Так, одним из часто цитируемых в публицистике Аксакова 1860-х гг. является стихотворение Хомякова «Не говорите: „То былое...“» (1844), вызванное «досадою на П<етра> Вас<ильевича> Киреевского»³². В стихотворении, имеющем авторское название «Исповедь русских», перечисляются темные «грехи» прошлого: княжеские усобицы, татарское иго, сложные отношения с Литвой, предательство Новгорода и его разорение, «двоедушные Москвы», события Смутного времени, крепостное право — все эти «темные отцов деянья» оказались, по мысли поэта, возможными в результате чудовищного падения нравов в средневековой Руси и прямого отказа следовать правде Божьей. Хомяков подводит к мысли, что эти грехи остались неискупленными, поскольку в современной России еще не сформировалось нравственное самосознание, явственным признаком которого станет искреннее покаяние³³.

В 1862 г. И. Аксакову представилась возможность непосредственно выразить свое понимание сущности исторического процесса в связи с празднованием тысячелетия России. Передовую И. С. Аксакова, посвященную празднованию тысячелетия России,

²⁸ Аскоченский В. И. [Без подп.] Димитрий Донской, обезславленный г. Костомаровым // Домашняя беседа для народного чтения. 1864. Вып. 18. С. 433–438.

²⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. С. 399.

³⁰ См., например, в письме родным от 13 марта 1850 г.: «Я не могу подобно Константину утешаться такими фразами: „главное — принцип, остальное — случайность“ или „что русский народ ищет царствия Божия!“ и т. д. Равнодушие к пользам общим, лень, апатия и предпочтение собственных выгод признаются за искание царствия Божия! — Что касается до принципа, то, признаюсь, это выражение Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: друг мой, ты будешь сыт на том свете, а теперь голодай — это случайность, намажь хлеб принципом вместо масла, посыпай принципом — и вкусно: нужды нет, что сотни тысяч умрут, другие сотни уйдут — это случайность. Легкое утешение. Если бы я так верил в принцип и в *жизненность* этого принципа в русском народе, то, право, и горевать бы не стал. Возмущают меня факты — ничего, вынул из кармана табакерку, понюхал принципа — и счастлив! — Где он — этот принцип? Куда затесался? Поди, Константин, достань пыльную летопись, поищи его в XII и XIII веке, когда князь терзали русскую землю, воюя друг у друга уделы... Поздравляю с этой находкой» (Аксаков И. С. Письма к родным 1849–1856. С. 124).

³¹ Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 8. М., 1904. С. 226.

³² Там же. С. 236.

³³ К. С. Аксаков был не согласен с такой точкой зрения и в ответ разразился довольно пространными стихами «Поэту-укорителю» («Напрасно подвиг покаянья ты проповедуешь земле...» (1845)), где снимает ответственность с крестьянства и перекладывает ее на образованное общество, главный грех которого — измена своему народу в стремлении к ложному просвещению в послепетровский период.

которая должна была появиться на страницах газеты 8 сентября 1862 г., не пропустила цензура, и опубликована она была через три года уже в «бесцензурном» «Дне»³⁴. Статья была присовокуплена к передовой статье «Москва» от 25 сентября 1865 г. («На наших глазах совершается любопытное, многозначительное явление. Русские немцы апеллируют к матери Германии, и мать Германия вступает за свою утробу в России...»). Аксаков находил, что мысли, высказанные в этой статье, не потеряли своей актуальности, о чем он поведал в письме невесте: «Может быть также, ты будешь недовольна помещением статьи о тысячелетии, покажется, что я слишком дорожу своими статьями. Но она приходится здесь очень кстати, да и мысли эти нужно высказать, а придумать им иную форму не умею, да и некогда, а они высказаны очень удачно»³⁵.

Начиналась статья с характеристики празднования тысячелетия России как навязанного властями казенного мероприятия, значение которого непонятно простому народу: «Нынешний день назначен днем празднования тысячелетия России. Нынешний день Россия из собственных уст воздаёт себе хвалу и собственными руками ставит себе памятник славы в Великом Новгороде. Такова официальная программа официального торжества, которого значение, впрочем, едва ли доступно пониманию простонародной России»³⁶. Она не ведаёт наших археологических вычислений, она не причастна юбилейной сентиментальности; ей — живущей непрерывным историческим преемством народного духа — мало известны времена и лета минувшего — внешние грани внешней истории»³⁷. Впрочем, внешняя история была органично передаваема летописцами в монастырях, а Петр это нарушил. По мнению Аксакова, если говорить о народном восприятии истории, то существенной, коренной, очень важной чертой является то, что русский народ воспринимает историю с нравственных позиций, поэтому и возникают вопросы об оправдании или порицании Ивана Грозного или Бориса Годунова, и ни одно «темное пятно нашей исторической тысячелетней жизни, ни одна совершенная нами неправда в каком-нибудь XIV или XV веке не осталась и не останется без указания, без строгого осуждения и, следовательно,



И. С. Аксаков. Фото 1865 г.

³⁴ День. 1865. 25 сентября. № 33. С. 776–777.

³⁵ Аксаков И. С. Письмо А. Ф. Тютчевой от 23 сентября 1865 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 76.

³⁶ Исходя из этого соображения, И. Аксаков, в отличие от восторженной петербургской прессы, весьма сдержанно отозвался о мероприятиях правительства. В № 37 от 15 сентября 1862 г. в разделе «Смесь» на последней странице была помещена коротенькая заметка следующего содержания: «О праздновании тысячелетия. 8 сентября по случаю тысячелетия России было для С.-Петербурга днем официального торжества и „народного“ праздника. Звон колоколов, гром пушек, молебствование, парад войск, иллюминация, гулянья, даровые спектакли — должны были, по распоряжению начальства, свидетельствовать о том, что С.-Петербург неравнодушно относится к такому важному и знаменательному событию... В Москве не было ни одного торжества или праздника по случаю тысячелетия. По крайней мере об нем не было возведено жителям столицы, да и ничем всенародно не заявлено» (День. 1862. № 37. С. 20).

³⁷ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 5. М., 1886. С. 4. Напомним, аргумент с порицанием Ивана Грозного приводил и Погодин в упоминаемой выше полемике с Костомаровым.

возмездия если не в жизни, то в области сознания»³⁸. Это касается даже «двоедушия Москвы в собирании Московского государства». Напомним, в полемике с Костомаровым Погодин ставит ему в вину несердечное, отстраненное отношение к Москве, несмотря на признание за ней звания основательницы государства: «Да нравится ли вам это? С удовольствием ли, с радостью ли вы это признаете? Вот в чем дело! И я вам скажу откровенно, что вам это не нравится, что для вас желательнее было бы, вместо Москвы, видеть X, или Y, или... Потому-то говорите даже мне: *вашу* Москву, и не называете ее своею, *вашею!*»³⁹

В письме И. С. Аксакову еще в октябре 1861 г. Костомаров откровенно объяснял свою позицию относительно Москвы боязнью государственно-полицейского произвола, обусловленного официальной идеологией: «Вы любите вашу Москву и нарицаете ее сердцем России. Что же. Нужно ли меня резать или жечь или, по крайней мере, посадить в крепость, если я сознаю, что ваша Москва, прошедшая от Ивана Калиты до Петра II включительно, и настоящая, от золотой маковки Ивана Великого до притона публичных девок на Сретенке, от высокомурых мужей университета, проповедников прогресса и законности, до мазуриков, вытаскивающих кошельки на толкучке, от публичности и гласности Троицкого трактира до укромности и безгласности раскольничьих дворов в Рогожской части, — вся эта первопрестольная матушка Москва во мне возбуждает только одни тяжелые, неприятные воспоминания и ощущения? Извольте напечатать это. Кажется, что же тут особенного? А если цензура пропустит, то меня за это, конечно, во-первых, отрешат от должности (что еще не беда при настоящих средствах ее исправления), во-вторых, будут считать неблагонадежным и подозрительным и при случае упекут»⁴⁰. Но Костомаров мог убедиться, что в случае с Аксаковым именно тот подвергся преследованиям цензуры через год за статью «Киев или Петербург», которая предназначалась для передовицы «Дня» от 17 ноября 1862, т. е. писалась через два месяца после статьи о тысячелетии России. На аксаковской пятнице она, разумеется, была прочитана. А. Ф. Тютчева верно определила причину ее запрета в письме своей приятельнице Е. С. Шеншиной: «J'ai vu une fois Aksakof, depuis il a été absorbé par la rédaction et puis par les mésaventures du *День*, car on a de nouveau défendré sa передовая статья écrite pour prouver que l'Empereur devrait habiter toujours Moscou et que Moscou est seul véritable capitale de la Russie. Le article très bien fait, mais doit choquer naturellement les gens qui prennent Pétersbourg au sérieux» (перевод с фр.: «Я видела один раз Аксакова, так как он был поглощен редакцией, а потом заключениями „Дня“, потому что снова запретили его передовую статью, написанную, чтобы доказать, что император должен всегда жить в Москве и что Москва — единственная настоящая столица России. Статья очень хорошо сделана, но должна, естественно, шокировать людей, которые относятся к Петербургу всерьез»)⁴¹. Это еще и наглядный пример отличия аксаковского и погодинского видения исторического события: Погодин только дает нравственную оценку историческому явлению, а Аксаков за нравственной оценкой предлагает еще и нравственное действие.

Заканчивает редактор «Дня» статью о тысячелетии российской государственности уже упомянутым выше стихотворением Хомякова об историческом грехе отцов «Не говорите: „То былое...“, которое он называет «пророческим». При цитировании стихотворения И. Аксаков, тем не менее, выпустил строчки о «темных» делах Смутного времени и прямые укоры в отсутствии христианской веры, видимо, учитывая позицию К. Аксакова и, возможно, Погодина, но особенно выделил строчки в конце стихотворения: «*За все беды родного края...*»

Мысль, содержащаяся в этом стихотворении, была особенно близка И. Аксакову, который не был склонен идеализировать древнерусское прошлое, и именно эти стихи (как и некоторые пассажи из неопубликованной 8 сентября передовой) он вновь

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 21. С. 401.

⁴⁰ «День» И. С. Аксакова. История славянофильской газеты. СПб., 2017. С. 177.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 232. Л. 7.

повторит при представлении новой книги «История Новгорода (Рассказы из русской истории). Сочинение Ивана Беляева. Книга вторая. Москва, 1864 г., 628 стр.»⁴². «Новый труд многоуважаемого нашего ученого И. Д. Беляева, — размышляет И. Аксаков, — принадлежит к числу тех немногих в русской литературе трудов, которые вырабатывают в России самосознание. Известно, что самосознание — дело сколько великое, столько же и трудное <...>. Нужно ли говорить русскому читателю, что у нас в России для людей просвещенных, долженствующих быть органами самосознания в России, это дело затруднено вследствие переворота, которым нарушена жизненная связь нового поколения с началами, укреплявшими историю Древней Руси, и весь ход просвещения ускорен слишком спешным и несколько внешним сближением нашей жизни и мысли с жизнью и мыслию западноевропейских народов»⁴³.

Противопоставляя «подражательный» характер западнической исторической науки самобытной славянофильской, которая указала дальнейший путь ее развития, Аксаков считает, что «путь, которым должны после них (Хомякова, К. Аксакова и др. — Н. В.) идти самосознание России в каждом просвещенном русском, можно определить так: этнографический, знакомящий с современным коренным народом России и его бытом, равно как и с бытом племен славянских; археологический, раскрывающий все формы быта русско-славянского в прошлом, когда лучшие начала, его создавшие, обнимали весь народ русский, — и путь в собственном смысле исторический, указывающий условия, способствующие росту или замедлявшие и искажавшие его. Само собой разумеется, что все это должно быть в форме научной и, следовательно, не в разрыве, но в свободной самостоятельной связи с западноевропейскою наукою, а не в рабском лепетании с ее слов об ее жизни, ибо у ней, к ее несчастию, об нас слова не имеется. Таков путь, которым должна идти наука в России, — следовательно, и наука отечественной истории»⁴⁴.

В последний год издания «Дня» Аксаков опубликовал материал Погодина, касающийся Карамзина⁴⁵. Это был отрывок летописи жизни историка, данный практически без комментариев, из двухтомного биографического труда о нем, который Погодин издаст через год. А в предисловии уже к этому изданию он выскажет надежду, что главная его цель — да «в молодом нашем поколении обновится и возбудится чувство любви и благоговения к Карамзину как идеалу русского писателя, гражданина и человека»⁴⁶. А само издание будет посвящено цесаревичу, великому князю Александру Александровичу «как призванному покровителю просвещения, которое составляет главную основу государственного благосостояния», с пожеланием, чтобы на его пути встречалось «как можно чаще граждан, исполненных Карамзинского духа и преданности Православной Церкви, Престолу и Отечеству, нашей Святой Руси, граждан, говорящих, не обинуясь, правду»⁴⁷.

И. С. Аксаков, получив подарочный экземпляр 30 ноября 1866 г., писал Погодину: «Всею душою благодарю Вас за присылку Вашего Карамзина, которого начал читать с живейшим интересом. Мне очень дорого это Ваше внимание. Предисловие Ваше и посвящение очень хороши. Вот это настоящий монумент Карамзину, воздвигаемый историком-учеником историком-учителю — всею палитрою души — человеку, для которого душа была все, — беспредельною любовью — самому любвеобильному сердцу»⁴⁸.

Разумеется, такая установка вела к мифологизации реального исторического персонажа, но и сам Погодин в глазах Аксакова, отметившего погодинское предисловие

⁴² День. 1864. 29 августа. № 35. С. 15–17.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ Погодин М. П. *Ход исторических работ Карамзина в Петербурге 1819–1829 // День. 1865. 2 сентября. № 29. С. 679–687.*

⁴⁶ Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 1. М., 1866. С. II.

⁴⁷ Там же. С. I.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 6.



М. П. Погодин.

Гравюра с фотографии начала 1870-х гг.

и склонного в биографических исследованиях подчищать все лишнее, должен по трудам своим приближаться к «идеалу русского писателя, гражданина и человека». Аксаков часто упоминал «погодинские» слова о том, что «недостаточно уметь умирать по-русски, нужно уметь по-русски же мыслить, чувствовать, жить...»⁴⁹ Неумная энергия на благо Отечества подпитывала погодинскую формулу «жить по-русски». 17 июня 1874 г. Аксаков писал жене: «Погодин истинно изумителен своею деятельностью и молодостью. Такая молодость дается только в награду жизни совершенно чистой, а его жизнь мне известна уже лет 40, — и уже 30 лет совершается она на Девичьем Поле, все в той же комнате, за тем же столом, в тех же креслах»⁵⁰. Видимо, при целостном осмыслении феномена Погодина «чистота жизни», нравственное отношение к истории, охранение народных устоев и преданий⁵¹, стремление к просвещению и национальное самосознание, религиозность и даже суеверность, — все то, что характеризует, с точки зрения славянофилов, русский народ, позволило Аксакову назвать Погодина человеком «непосредственно русской природы»⁵².

А. Н. Бачинин, констатируя, что «целый пласт существующей литературы о жизни и трудах М. П. Погодина состоит из противоречивого конгломерата оценок, мнений, взглядов, концепций», находит, что «он вроде бы не сумел вписаться ни в одно из общественных направлений своего времени. В нем замечали много и западнического, и славянофильского: „С Соловьевым он горячо станет ратовать за Петра, но резко разойдется с ним из-за Грозного; заодно со славянофилами он готов переломить литературное копье за Минина, Сусанина и Скопина, но в ‘петербургском периоде’ не увидит ничего специфически петербургского“. Означало ли это отсутствие выработанной позиции, твердого взгляда? На этом никто особенно не настаивал. Тому, каким образом их артикулировал сам профессор, не считали нужным придавать значения. Многим казалось, что по складу мысли он ближе всего стоял к первому поколению славянофилов. Известные разногласия или особые отношения с ними, наряду с прочими фактами биографии Погодина, принуждали других выделять его в „одно целое направление“»⁵³.

И. С. Аксаков никогда не записывал Погодина в славянофилы, однако без осмысления его влияния на становление и развитие того направления, которое представляли славянофилы в русской общественно-политической и философской мысли XIX столетия, характеристика этого явления явно будет неполной.

⁴⁹ Аксаков И. С. Собрание сочинений. Славянский вопрос. Кн. 1. СПб., 2015. С. 461.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 107.

⁵¹ А. А. Шириняц предлагает определить идеологическое направление, которого придерживался М. П. Погодин, следуя «современному историку русской мысли М. А. Маслину, предложившему термин «хранительство» в противовес имеющему в современной лексике однозначно негативный смысл термину «охранительство». См.: Шириняц А. А. Русский хранитель. Политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008. С. 46.

⁵² Аксаков И. С. М. П. Погодин. Некролог // Православное обозрение. 1876. № 2. С. 395.

⁵³ Бачинин А. Н. М. Н. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7 (50). С. 28–29.

Источники и литература

1. Аксаков И. С. Письмо к М. П. Погодину // РГБ ОР Пог / П. Оп. 1. № 37.
2. Аксаков И. С. Письма к А. Ф. Тютчевой // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236.
3. Аксаков И. С. Письма к А. Ф. Аксаковой // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235.
4. Аксаков И. С. Письма к М. П. Погодину // РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 56.
5. Аксаков И. С. М. П. Погодин. Некролог // Православное обозрение. 1876. № 2. С. 395.
6. Аксаков И. С. Письма родным. 1844–1849 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988.
7. Аксаков И. С. Письма родным. 1849–1856 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994.
8. Аксаков И. С. Сочинения. Т. 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886.
9. Аксаков И. С. Собрание сочинений. Славянский вопрос. Кн. 1 / Изд. подг. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. Отв. ред. Б. Ф. Федоров. СПб.: Росток, 2015.
10. Аскоченский В. И. [Без подп.] Димитрий Донской, обезславленный г. Костомаровым // Домашняя беседа для народного чтения. 1864. Вып. 18. С. 433–438.
11. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. С. 389–405.
12. Бачинин А. Н. М. П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7(50). С. 28–42.
13. Вихрова Н. Н. И. С. Аксаков и Н. С. Соханская: Перипетии творческого взаимодействия // Христианство и русская литература: Сборник 8 / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2017. С. 467–486.
14. Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181.
15. Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173–183.
16. «День» И. С. Аксакова. История славянофильской газеты. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Часть I / Под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева, Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017.
17. Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Федорова. СПб.: Росток, 2018.
18. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1866.
19. Павлов Н. М. Из переписки с Иваном Сергеевичем Аксаковым // Русская старина. 1887. № 6. С. 469–494.
20. Першкина А. Н. Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 146–163.
21. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М.: Типография В. М. Фриш, 1874.
22. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 8. М.: Университетская типография, 1904.
23. Розенблюм Н. Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1862. № 1. С. 195–211.
24. Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма, 1840–1876 / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т. А. Медовичева. М.: Терра, 1997.
25. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / Сост., вст. ст., подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018.
26. Тютчева А. Ф. Письма к Е. С. Шеншиной // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 232.
27. Шириняц А. А. Русский хранитель. Политический консерватизм М. П. Погодина. М.: Русский мир, 2008.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

О. Л. Фетисенко

Погодин благословляющий, Погодин благодаримый: «Московский Нестор» в переписке с Надеждой Соханской

УДК 1(091)(470)+82-6

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_92

Аннотация: В статье выстраивается канва взаимоотношений М. П. Погодина с писательницей-славянофилкой Кохановской (Н. С. Соханской). Впервые в научный оборот вводятся ее письма к Погодину и ряд сопутствующих архивных материалов 1862–1875 гг. Полностью публикуются шесть писем к Погодину и два к его жене.

Ключевые слова: М. П. Погодин, Кохановская (Н. С. Соханская), переписка, биография, славянофилы.

Об авторе: **Ольга Леонидовна Фетисенко**

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

E-mail: betsy98@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Погодин благословляющий, Погодин благодаримый: «Московский Нестор» в переписке с Надеждой Соханской // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 92–105.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Olga L. Fetisenko

Pogodin is blessing, Pogodin is grateful: “Moscow Nestor” in correspondence with Nadezhda Sokhanskaya

UDC 1(091)(470)+82-6

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_92

Abstract: The rope of the relationships between M. P. Pogodin and the Slavophile writer Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) is built in the article. For the first time, her letters to Pogodin and a number of related archival materials 1862–1875 are introduced into scientific circulation. Six letters to Pogodin and two to his wife are fully published there.

Keywords: M. P. Pogodin, Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya), correspondence, biography, Slavophiles.

About the author: Olga Leonidovna Fetisenko

Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Russian literature (Pushkin's House) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: betsy98@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

For citation: Fetisenko O. L. Pogodin is blessing, Pogodin is grateful: “Moscow Nestor” in correspondence with Nadezhda Sokhanskaya. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 92–105.

Тема жизненных и творческих взаимоотношений М. П. Погодина с литераторами 1850-х — 1870-х гг., сколько нам известно, не привлекала внимание исследователей, и совершенно белым пятном в биографии историка является его литературная дружба с Надеждой Степановной Соханской (1823–1884), писательницей, выступавшей под литературным псевдонимом «Кохановская» и тесно связанной с кругом московских славянофилов¹. Это имя довольно часто появляется на страницах многотомной «погодиновианы» Н. П. Барсукова², но по большей части оно возникает лишь, чтобы добавить несколько деталей к портрету эпохи (так, например, цитируются письма Соханской к И. С. Аксакову, к тому моменту уже опубликованные в «Русском обозрении»³). Однако и этот фоновый характер «присутствия» Кохановской в жизнеописании Погодина не уменьшает значение того обстоятельства, что первый приезд «хуторянки»⁴ в Москву выделен его биографом как одно из важных событий 1862 г., а это был год тысячелетия русской государственности, торжеств в честь свв. славянских просветителей, петербургских пожаров и революционных прокламаций, выхода в свет романа «Отцы и дети» и первых грозных раскатов приближающегося польского восстания.

В домашнем архиве писательницы, следы которого теряются еще до 1917 г., сохранились визитная карточка и двадцать писем Погодина 1862–1873 гг.⁵ По цитированию в статье библиографа С. И. Пономарева (и вторичному — у Н. П. Барсукова) известен лишь фрагмент одного из них⁶. Приводился этот отрывок без указания года, но само содержание, а главное — точно датированный ответ, позволяют отнести этот текст к началу 1863 г. Остальное, возможно, безвозвратно утрачено. Хотя бы частично реконструировать содержание еще нескольких погодинских эпистол позволяют ответы Соханской, которые, к сожалению, тоже сохранились не в полном составе, но все же достаточно хорошо: десять писем — в фонде Погодина в РГАЛИ и шесть — в НИОР РГБ⁷.

Содержание этой переписки в целом можно было бы охарактеризовать как цепь взаимных благословений, однако параллельно с варьирующимися комплиментами и добрыми пожеланиями развивалось и несколько сюжетов, обращение к которым значительно расширяет представление о последних, намного менее известных, чем более ранние, годах жизни Погодина. Для изучающих же биографию и наследие писательницы-малороссиянки ее литературная дружба с Погодиным и лежащая до самой кончины приятельство с его второй женой Софьей Ивановной⁸ —

¹ См. о ней: *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биограф. очерк. СПб., 1909; *Викторович В. А.* Уроки одной судьбы // *Литературное обозрение*. 1989. № 3. С. 110–112 (то же: Коломенский альманах. Коломна, 2018. Вып. 22. С. 235–240); *Бирюкова М. А., Стрижев А. Н.* Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // *Литературоведческий журнал*. 2019. № 45. С. 200–226. Укажу и несколько из своих статей о Кохановской: 1) Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // *Достоевский: Материалы и исследования*. СПб., 2016. Т. 21. С. 303–321; 2) «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // *Христианское чтение*. 2017. № 3. С. 232–252; 3) Радость откровенного слова: «Степная барышня» и семья Аксаковых // *Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко*. СПб., 2018. С. 5–26 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Семья Аксаковых*); 4) «Черновик на пелеринной выкройке» (Письма Н. С. Соханской о Фаусте к П. А. Плетневу) // *Русская литература*. 2019. № 2. С. 86–97.

² *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888–1910.

³ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // *Русское обозрение*. 1897. Февр.-Дек.

⁴ Почти вся жизнь писательницы прошла на маленьком хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии.

⁵ *Пономарев Ст.* Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // *Русское обозрение*. 1898. Янв. С. 303.

⁶ См. ниже, примеч. 26.

⁷ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320; НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 4; Ф. 231/V. К. 20. Ед. хр. 34; Ф. 178. К. 11185. Ед. хр. 8.

⁸ С. И. Погодина (урожд. Сеймонд, в первом браке Бэль; 1825–1887) — вторая (с 1860) жена М. П. Погодина. Фрагменты из двенадцати писем к ней были опубликованы через пять лет после кончины Соханской. См.: Письма Н. С. Кохановской к С. И. Погодиной / Сообщ.

чрезвычайно важный элемент в общей картине ее жизни, отнесенный на второй план более известными «связями» — с П. А. Плетневым и А. В. Плетневой, а затем с И. С. Аксаковым и А. Ф. Аксаковой. (Для Кохановской вообще характерно дружеское общение именно с *семьями* писателей: здесь можно назвать еще А. Ф. Вельтмана и Н. А. Чаева с их женами, в меньшей степени — семью Г. П. Данилевского.)

У знакомства Соханской с Погодиным, как выясняется, была своеобразная давняя предыстория. Когда П. А. Плетнев, которого начинающая писательница почитала своим наставником в литературе, упомянул о возможности послать одну из ее повестей в журнал «Москвитянин», причем предложил, как обычно, свое посредничество, Соханская отвечала 4 февраля 1849 г.: «...как мне будет неловко беспокоить вас со всеми своими статьями; навязывать вам их на руки <...>. Не лучше ли будет, если вы немножко познакомите меня с Шевыре<вы>м или с самим Погодиным, чтобы я относилась к ним прямо, не утруждая постоянно вас?»⁹ Неизвестно, что ответил Плетнев. Ясно лишь, что он и рекомендовать свою — тогда заочную — знакомую издателям «Москвитянина» не стал, да и сам, видимо, передумал отдавать туда ее повести (одна из них будет опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях», другая — в «Современнике»).

Выйдя на самостоятельную литературную дорогу, Кохановская (так подписаны все произведения Соханской с 1856 г.) поместит две повести, до сих пор признающиеся наиболее удачными в ее творчестве¹⁰, в «Русском вестнике» Каткова. В 1859 г. знакомства с автором этих повестей станут искать московские славянофилы, и несомненно, что и Погодин был одним из тех, кто именно в это время заинтересовался творчеством Кохановской. Повесть «Гайка», например, при первой публикации в 1856 г., осталась им — как и большинством просвещенных читателей — незамеченной, а стала известной только после появления ее расширенного варианта в «Русском слове» (1860), а еще вернее — после выхода отдельного издания лучших повестей автора в 1863 г.

В 1859 г. в славянофильском журнале «Русская беседа» была опубликована большая статья Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина», которая была отмечена и Погодиным. Позднее (не ранее 1862 г., времени установления личного знакомства и переписки с писательницей) графиня А. Д. Блудова, продолжая, видимо, состоявшуюся накануне беседу с историком, обращалась к нему с просьбой прислать свой отзыв об этой статье: «Пожалуйста, любезнейший Михаил Петрович, черкните мне вкратце ваше суждение насчет Степного Цветка Соханс<кой> <...>. Я на днях пошлю письмо к Соханской и хочется мне ей передать отзывы некоторых людей, чьим мнением она *должна* дорожить. — Приготовьте мне заметку и передайте Дашиньке¹¹. Вы напишите



Надежда Степановна
Соханская

А. Д. Погодиным // Русский вестник. 1889. Окт. С. 358–370. В предисловии к этой публикации говорилось, что в предоставленной в редакцию подборке находилось 81 письмо 1862–1884 гг. Все это утрачено за исключением нескольких автографов, которые удалось обнаружить в НИОР РГБ и в архиве Пушкинского Дома.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 32 об.–33.

¹⁰ «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов».

¹¹ Возможно, имеется в виду тоже, как и Блудова, фрейлина — Д. Ф. Тютчева.

откровенно и просто не женируясь¹². Я не пошлю вашу заметку, а только выпуск, и если что окажется жестким или обидчиво ей будет, уверена, что зная ее, сейчас почувствую и несколько сменю, опять вас не обижаю. — Вверьтесь мне в этом случае, ни того, ни другого не обижу — впротчем даже вам покажу, если сделаю изменения и если захотите»¹³. Как мы увидим далее, об этом «пушкиноведческом» опыте Кохановской Погодин не забудет и до последнего года своей жизни.

Вероятно, от И. С. Аксакова или О. Ф. Кошелевой Погодин уже в 1860 г. знал некоторые подробности биографии писательницы. В сентябре этого года при встрече с П. П. Гулак-Артемовским он расспрашивал бывшего попечителя Харьковского института благородных девиц о «блистательном таланте», который образовался там под его руководством¹⁴. А вскоре, 20 октября 1860 г., Кохановская по предложению Н. П. Гилярова-Платонова была объявлена почетным членом Московского общества любителей российской словесности¹⁵. Диплом, подписанный Погодиным и М. Н. Лонгиновым, хранился в ее домашнем архиве¹⁶. 23 февраля 1861 г. писательница обратилась к Плетневу: «...я опять у Вас прошу род некоего совета, или указания. Я получила официальное извещение, что я выбрана в Почетные Члены Общества Любителей Р<усской> Словесности. Что это, в самом деле почет — или немножко кукольная комедия? Но подпись Погодина и при этом письмо Гилярова, которого я немножко знаю и очень уважаю, что это? К чему оно меня обязывает? Что касается до Над<ежды> Ст<епановны> Соханской, то она совершенно равнодушна к этим почетностям и ей нечего делать с ними; но на г-же Кохановской могут быть некоторые обязанности, которые она должна исполнить»¹⁷.

В сентябре 1861 г., незадолго до публикации в газете «День» (она начнет выходить в октябре того же года) повести «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова», Погодин читает это произведение в рукописи, полученной от издателя, Аксакова. Уже 20 сентября Аксаков пересылает Кохановской записку Погодина с отзывом об ее произведении. К сожалению, автограф не сохранился; из содержания записки известна только одна деталь: Погодин советовал писательнице побольше читать Н. М. Карамзина¹⁸. Аксаков комментировал это так: «Посылаю Вам также записочку ко мне Погодина. Этот человек, исполненный противоречий, великодушный и скарденый, умный и подчас делающий страшные глупости, грубый и нежный, имеет много прекрасных свойств, искренность и горячность любви к России <...> и при всем том оригинал и чудак, каких мало. Он был очень расстроен душевно в последнее время, и я предложил ему прочесть Вашу повесть. Вот его записка. Разумеется, нечего и говорить, совета его я Вам не повторяю»¹⁹.

9 октября, в приписке к письму от 5 октября, Кохановская ответит: «Много Вам благодарна за записочку Погодина — прелюбопытная и совет золотой: „Еще б он боле наострился...“»²⁰.

В том же году в письме к С. П. Шевыреву Погодин отзывается о Кохановской как об «утешительном явлении»²¹. Наконец, летом 1862 г. с этим «утешительным

¹² Не стеснясь, от *fr. se génir*.

¹³ РГБ. Ф. 231/П. К. 5. Ед. хр. 21.

¹⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. XVII. С. 395. Соханская в 1840 г. с золотым шифром кончила курс в Харьковском институте благородных девиц.

¹⁵ Русская беседа. 1860. Кн. II. С. 27–28; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVII. С. 452.

¹⁶ Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 301.

¹⁷ Цит. по: Семья Аксаковых. С. 420.

¹⁸ См.: Русское обозрение. 1897. Апр. С. 566.

¹⁹ Семья Аксаковых. С. 121.

²⁰ Там же. С. 124. В конце — измененная цитата из басни И. А. Крылова «Осел и Соловей» (1811). Ирония, звучащая в таком ответе, объясняется тем, что избранные Кохановской речевая манера и сами сюжеты ее повестей были совершенно далеки от литературных приемов Карамзина.

²¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1905. Кн. XIX. С. 388.

явлением» можно было познакомиться въяе — у Аксакова или у Кошелевых. По-видимому, к этому первому приезду Кохановской в Москву относится записка Н. А. Елагиной Погодину: «Сегодня в 8 часов Н. С. Кохановская читает у нас свою повесть. Софья Ивановна сказала мне, что Вы ее не слышали; — и матушка²² поручает мне пригласить Вас послушать. Н. Елагин»²³.

А наиболее ранним письмом самой Кохановской, посланным в дом Погодина, надо признать следующее, с подписанной кем-то карандашом датой: «28 сент.<ября>». Это тоже 1862 г., уже перед самым отъездом Надежды Степановны на родину. Письмо обращено к С. И. Погодиной:

Любезная Софья Ивановна!

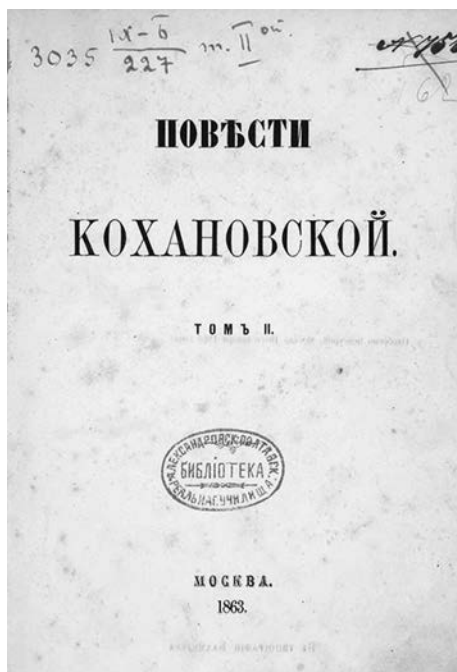
Я с больным горлом сижу дома и рада буду до сердечного удовольствия видеть Вас и Михаила Петровича и всех Ваших. И это не только мои собственные слова, но и слова моих добрых друзей, у которых я провожу последние часы.

Ваша Н. Соханская²⁴.

В январе 1863 г. выходит в свет двухтомное издание «Повестей Кохановской», предпринятое Аксаковым. Потрясенный пропущенной им ранее одной из повестей Погодин посылает в Макаровку то самое письмо, которое потом будет цитировать библиограф Пономарев:

«Сейчас кончил „Гайку“ — зачитался. Целую вас в очи, в уста, в плечи, обнимаю. Прелесть! Вы усладили, разнежили, помолодили меня, старика, постарше Алексея Леонтьевича (героя «Гайки»)²⁵. Честь вам и слава! Есть страницы, есть черты — что ваши лучи, коими вы любите так пронизывать древесную чащу и листву. Прекрасно. Но я не могу помириться, что молодые не приехали к панивоеводше на другой день. Это непростительно и невероятно. Низко кланяюсь. Ваш М. П.»²⁶.

Погодин подразумевал заключительные главы второй части повести Кохановской. Главная героиня «Гайки», Мила, вышла замуж против воли матери, хотя и за того самого человека, за которого ранее та ее прочила. Впрочем, «панивоеводша» скоро смиряет свой гнев и вопреки ритуалу первой едет к молодым. Об Алексее Леонтьевиче



Издание повестей Н. С. Соханской
1863 г.

²² А. П. Елагина (в 1-м браке Киреевская; 1789–1877).

²³ НИОР РГБ. Ф. 231/II. К. 11. Ед. хр. 76. Л. 12. Упомянута С. И. Погодина.

²⁴ НИОР РГБ. К. 31. Ед. хр. 5. Л. 7. Адрес: «Ее Превосходительству / Софье Ивановне / Погодиной. / От Н. С. Соханской» (Л. 8 об.).

²⁵ Слова в скобках, вероятнее всего, добавлены публикатором (Пономаревым) как пояснение. Отметим, что герою «Гайки» нет сорока лет.

²⁶ Письма к Н. С. Соханской (Кохановской) М. Н. Каткова / Сообщ. С. Пономарев // Русское обозрение. 1897. Февр. С. 1021–1022. Основываясь на этой публикации, тот же фрагмент приведет Н. П. Барсуков (Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XIX. С. 396).

Затолоке, который, видимо, понравился Погодину, Аксаков в письме к автору повести от 28 мая 1859 г. отзывался так: «истинно русская натура», «дельный и простой человек»²⁷.

Из ответного письма Соханской к «московскому Нестору», как она будет называть Погодина в дальнейшем²⁸, ранее цитировался, причем без указания даты, лишь очень небольшой фрагмент. Имеет смысл привести этот текст целиком:

2 марта 1863.

Макаровка

Очень приятно было получить Ваши строки и такие неожиданные и такие горячие! Для них я прерываю мое великопостное молчание. Вы сами старый писатель, вкусивший от добра и зла этой чаши, и хорошо можете понять, как дороги и отрадны подобные строки. В них вся та награда, выше какой нечего желать... Так вот как! Алексей Леонтьевич «усладил, разнежил, помолодил» Вас. Услышать это от Софьи Ивановны было бы мне еще приятнее.

Вашу руку, Михаил Петрович. В числе тех поцелуев, какие Вы прислали мне, есть один прекрасный, о котором Вы забыли. Это поцелуй в чело — в лоб — и я именно его ищу получить от Вас, наклоня Вам мою голову.

Ваша Н. Соханская

P. S. На конверте я узнала руку Ольги Федоровны²⁹ и прошу Вас передать ей от меня добрый *старый* поклон — именно старый и усердно-добрый. И ей, и Софье Ивановне я просила Ив<ана> Сер<геевича> передать Повести Кохановской³⁰.

Следующее письмо относится уже к 1864 г. и служит ответом на несохранившийся отзыв Погодина о первых главах повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое». (В архиве ошибочно описано как адресованное Аксакову. Но «Отцом отечества» Кохановская могла назвать только «московского Нестора».)

18 февраля

1864.

Макаровка.

Я вполне понимаю и вполне благодарным принимаю сердцем Ваше великое решение написать мне о «Рое» и расцеловать меня за него прежде по-русски, дорогой и несравненный Отец кабинетного отечества! Как бы мне хотелось взглянуть на Вас и увидеть именно вот эту улыбку, которая — вот, вот является у Вас и светится в Ваших глазах.

Благодарю за привет «вещей», за доброе слово и за Ваше замечание: большее — о Ртицевой и маленькое — о «теленке». О большом — говорить много и о маленьком — сказывать не мало.

Вообще, мне кажется, что потому у нас развелось много теперешних Кошунцов над святынею, что то сословие, которое как бы считает себя единственным носителем и хранителем святыни, имея в себе и за собою, и перед собою всё общечеловеческое несовершенство наше и к тому еще замкнутость и затхлость средневекового цеха, с тем вместе не имеет серьезного исторического обличения — не имеет суда над собою: на том странном основании: что человек позорящий святыню невежеством и неуважением к ней, сам свят и неприкосновен есть, как бы он лично и сословно был эта самая всесвятая и всечеловеческая Святыня, а не человечески слабый и недостойный служитель ея. И вот нет суда, нет прямого

²⁷ Семья Аксаковых. С. 40, 41.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 7, 18 об., 19 об.

²⁹ Имеется в виду О. Ф. Кошелева.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 4. Л. 1–2.

серьезного заступления за святыню, которую позорят ее служители — и является легкомысленное кощунство, которое видит зло и смеется ему, смешивая святыню с человеком недостойным.

А Вы что подумываете? о чем глубоко подумываете? Я знаю, что на эти вопросы не получу от Вас ответа; но все-таки хочется по-женски поболтать Вам о том, о сем, а больше ни о чем. А мне и болтать-то некогда. Ведь Рой мой еще не кончен и растягивается разными явлениями и добавлениями. Прощайте, сударь дорогой!

Ваша всею душою

Н. Соханская

Неизвестно, поддерживалась ли переписка далее, до ноября 1865 г., когда Погодин по возвращении из Швейцарии, окликнул «макаровскую затворницу», скорее всего, в приписке к письму своей жены. 10 декабря следует ответ. Цитата из этого письма была введена в научный оборот в комментариях к подготовленной нами книге³¹. Здесь же, восстанавливая важнейшие фрагменты эпистолярного диалога, приведем этот документ также целиком:

10 декабря 1865.

Макаровка.

Высокоуважаемый Михаил
Петрович!

Одно это от души величанье Вам уже может Вам сказать: как мне была дорога и приятна Ваша память обо мне — Ваши несколько строк, написанные такою удрученною столькими писаниями почтенною рукою! Всем приветом и ласкою тронутого женского сердца я благодарю Вас. По газетам я видела, как приветствовали Ваше возвращение в Варшаве, и вот, давши «честь и место» московским приветствиям, которые ожидали Вас, давши Вам время совершенно успокоившись духом возобладать Вашим Девичьим Полем³² — вот и я от своих чистых полей являюсь поклониться Вам.

Как же Вы ездили? Дало ли Вам облегчение виноградное леченье? Воротились ли Вы с обновленною, освеженною головою, опять готовою на все эти изыскания, соображения и сопоставления, которые, как песок, засыпают память.

Сейчас в полученных газетах я прочла Вашу заметку о годе рождения Карамзина³³, сл<едовательно>: у меня есть осязаемое удостоверение, что Вы освежились и опять Ваш книжный труд, как жерновный камень, мелет и мелет, а Ваша голова нам хлебушки печет. Вы не можете посетовать на меня: что о Ваших исторических трудах я выразилась словами нашего сказочно-народного эпоса.

А я сделала маленькую драматическую попытку. Написала небольшую пьесу для сцены, которую непременно хочу отдать на московский театр. Но моя беда в том, что я решительно не знаю: как это делается? К кому отнестись и от кого зависит прием и постановка пьес на сцену? Собираю со всех сторон сведения и ожидаю уведомлений. Что-то Бог даст на почин мне в новом роде? Приехать самой было бы лучше всего; но мне нельзя и думать о том — и потому что будет, то будет; а я с глубокой искренностью и со всеми пожеланиями Вам блага, остаюсь Вам очень преданною

Над. Соханская³⁴.

³¹ *Семья Аксаковых*. С. 510.

³² Московский адрес Погодина.

³³ Речь идет о статье: *Погодин М.* О годе рождения Карамзина // *Московские ведомости*. 1865. 25 нояб. № 259. С. 3. Погодин, возражая на статью М. А. Дмитриева (*Русские ведомости*. 1865. № 134), доказывал, что Карамзин родился не в 1765-м, а в 1766 г. Напомним, что Погодин в это время готовил книгу о Карамзине.

³⁴ НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 4. Л. 3–4 об.

Под «драматической попыткой» подразумевается комедия «Слава Богу, что муж лапоть сплел», начатая, судя по указаниям в описи Пономарева, еще в 1855 г.³⁵ В 1871 г. она будет помещена в почвенническом журнале «Заря».

Это письмо начинается, пожалуй, наиболее значительную линию во взаимоотношениях корреспондентов. В отличие от А. Н. Майкова, оценившего пьесу Кохановской как «плохонькую комедию»³⁶, Погодин станет большим поклонником и пропагандистом именно этой пьесы для народного театра.

В 1866 г. Погодин выступил одним из крупнейших жертвователей на братство, устроенное Соханской на Волыни в с. Яполоть³⁷ («пожертвовал 200 р.»³⁸). Сбору средств он помог и перепечаткой в своем сборнике «Утро» (М., 1866. С. 422) «Просьбы» — воззвания Соханской к благотворителям. Хотя о пожертвовании Погодина было известно еще весной, сами деньги долго невозможно было получить. Это следует из письма Соханской от 28 ноября 1866 г., где сообщается, что историка дважды не удалось застать в Москве, и предлагается выслать их, не дожидаясь возможности передать лично³⁹. В этом письме рассказывается и о только что совершенной поездке:

«Я воротилась из своей поездки на Волынь. Своими глазами посмотрела и своим разумом, как могла по обстоятельствам лучше, устроила четыре „братской помощи“⁴⁰ среди самых бедных, обиженных *грунтом*, т. е. наделенных плохой землей и бедствующих селян. Теперь я готовлю отчет Обществу в тех деньгах, которые оно мне доверило, и в том деле, которое мною сделано»⁴¹.

В это время Погодин затевает издание еженедельной газеты (в 1867–1868 гг. листок Погодина «Русский» будет одной из немногих газет, за которой следит Кохановская. 2 апреля 1868 г. она напишет А. Ф. Аксаковой: «Я получаю три московских издания газет: Московские Ведомости, Москва или Москвич, Русский Погодина...»⁴²) и приглашает к сотрудничеству «макаровскую отшельницу», уже проявившую себя как яркий публицист на страницах аксаковского «Дня». Соханская отвечает уклончиво — похвалой погодинскому неутомимому труду («Откуда у Вас берется такая молодая неустающая сила труда?») и переводом разговора на свою работу для другой газеты — «Москвы» Аксакова: «...пишу свою Поездку на Волынь, о которой уже условилась с Ив<аном> Сер<геевичем> Аксаковым»⁴³.

После этого смягченного вежливостью отказа мог наступить перерыв в общении. Соханская даже не сразу ответила на приписку Погодина к письму его жены,

³⁵ Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской). С. 307.

³⁶ Письмо к Достоевскому от 20–21 декабря 1870 г. (Майков А. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому / Публ. Н. Т. Ашимбаевой. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 83).

³⁷ О деятельности Кохановской на Волыни см.: Кудринский Ф. А. Неудачные предприятия народолюбки (К биографии Н. С. Соханской-Кохановской) // Киевская старина. 1900. Окт. С. 83–122.

³⁸ Сообщала Соханская Аксакову 1 марта 1866 г. (Семья Аксаковых. С. 272).

³⁹ Однако это все равно совершится через «оказию», но уже в 1867 г. В 1870 г. Погодин изъяснит желание пожертвовать на Волынь еще 100 руб., и Соханская, уже немного разочаровавшаяся в яполотском братстве, предложит направить эту сумму на приобретение священных сосудов для буквально нищенствующего храма в с. Погорельцы (письмо от 9 января 1870 г.).

⁴⁰ Аналог «кассы взаимопомощи».

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 1 об.

⁴² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 84 (м/п копия). Ср. в письме к Аксакову от 15 мая 1867 г.: «Вчера я получила „Русский“ М. П. Погодина. Трудно себе представить охоту человека в таких летах и при таких усидчивых исторических занятиях <издавать> еженедельную урочную газету! И едва ли на долго станет сил даже у почтеннейшего Михаила Петровича выносить, почти единственно на своих плечах, этот труд» (Семья Аксаковых. С. 278).

⁴³ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 3 об., 4. Библиографическую справку об этом цикле см.: Семья Аксаковых. С. 519.

хотя искренно ценила каждую написанную им строку. Сохранилось недатированное письмо, относящееся, скорее всего, к 1868 или 1869 г.:

Высокочтимый Михаил
Петрович!

Из письма Софьи Ивановне Вам объяснится причина моего непонятного молчания на Ваши трогательные строки, написанные дрожащею ослабелою рукою. *Я их целую* — чтобы дать Вам понять, как я ценю их высокую благодушную ласку и с каким благоговением я принимаю ее и радуюсь Вами, старец Вы наш дорогой, которого утрудившиеся руки, если отказываются писать, то они не откажутся благословлять мятущееся поколение заветным благословением: «Делайте не брашно гнблющее, но брашно пребывающее в живот вечный... Дух есть иже оживляет; плоть не пользует ничего»⁴⁴.

Вы мне написали: «благоуспевайте!» О, дай Бог, чтобы ваше слово да стало моим делом! Мы, оставшиеся колосья на пожатой ниве, слишком сиротливо стоим мы одинокие. Нет вокруг нас нашего посева шумящей, сияющей золотом, налитой богатым зерном нивы!* Другие дни, другие сны...⁴⁵ и иное зеленеющее жито кустится на нашем поле и запоздалому колосу, при новых всходах — куда деться с своим созревшим зерном?

Этот притчею, мудрый гадатель, позвольте всё сказать Вам и — замолчать
Кохановскою⁴⁶.

Мотив молчания находим и в письме с двойной датировкой (начато 9 января, закончено 17 февраля 1870 г.):

«Ваша маленькая записочка защемила мне сердце, высокоуважаемый Михаил Петрович! Вы вспомнили обо мне, Вы меня поискали Вашим добрым, дорогим вниманием. Да будет Богом и в Боге благо Вашей душе, умудренной летами и трудами многоопытной и многодумной ученой жизни и не обленившейся, в ее высоком довольстве и покое, сказать слово привета и благожелательства моему сиротливому молчанию! Дайте мне крепко и крепко обеими руками пожать Вашу руку и, если позволите, поцеловать ее.

Что мне сказать Вам о себе? Во-первых, то, что я не получала Ваших писем — иначе, хотя и наложила на себя печать молчания, но не глухоты сердечной — могло ли бы я не отвечать Вам, если бы Ваше высокоценное слово коснулось моего душевного слуха? Но почему же я молчала и молчу теперь? спросите Вы меня с настойчивостию опытного исследователя? Потому, что мне пришлось по мысли и по жизни последние слова из басни: *Две Бочки* Крылова:

И думает свою он крепку думу
Без шуму»⁴⁷.

8 апреля 1871 г. Кохановская рассказывала подруге (А. В. Плетневой) о судьбе своих опытов в жанре драматургии — инсценировке повести «Из провинциальной галереи портретов» («Кража невесты») и упомянутой выше народной комедии. При этом она цитировала только что полученное письмо Погодина: «...Наконец переделала по-своему Кражу Невесты. Между тем по осени еще я послала в редакцию „Зари“ бывшую у меня в портфеле небольшую комедию, которая явилась у меня при толках

⁴⁴ Ин 6:27, 63.

* Оно уже всё смолочено и почти все свезено в амбар.

⁴⁵ Цитата из романа «Евгений Онегин».

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 4. Л. 7–8.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 5–5 об.

и ожидании иметь у нас народный театр и оставалась года два не у дела. Она напечатана в январской книжке, и на днях я получила из Москвы от Погодина очень лестный о ней отзыв. Погодин пригласил к себе царя московской сцены Садовского⁴⁸, который в восхищении и просит пьесу на свой бенефис. „Успех будет (пишет Погодин) громадный на большом театре и на народном такой же. Честь вам и слава“. Итак, я могу надеяться, что в сентябре месяце две моих пьесы будут идти на московском театре и это дает мне законное право быть в Москве и видеть их представление»⁴⁹.

Дело пошло не так, как виделось писательнице: ее комедия для народного театра при жизни автора вовсе не увидела сцены, а премьера «Кражи невесты» в Малом театре состоялась лишь через три года после цитированного письма. Без помощи Погодина это оказалось бы невозможным. А пока, 12 апреля 1871 г., Соханская благодарила мэтра за его теплый отклик и отвечала на высказанный им упрек, почему она обратилась с вопросами, касающимися устройства своей второй пьесы, не к нему, а к Аксакову («...Я было и думала о Вас — да *не дерзнула*. В Ваши лета и при Ваших занятиях утруждать Вас театральными справками и выправками...»⁵⁰). На «лестное предложение» Садовского Соханская отвечала объяснением, что оно совершенно невыгодно в материальном отношении: после бенефиса пьеса стала бы полной собственностью Императорских театров, и автор в дальнейшем не мог бы получать по-спектакльной платы.

В июньском письме 1871 г. Кохановская снабдила Погодина, собравшегося посетить по пути в Крым ее хутор⁵¹, «инструкциями», как к ней лучше проехать. В следующем письме (от 4 ноября) сообщается о судьбе пчелиного роя в Макаровке, получившего почетное название «Погодинский»⁵². Здесь же упоминается и о посланных Погодину рукописях обеих пьес, и новая группа писем будет целиком связана именно с их судьбой.

Погодин впоследствии писал Кохановской 18 февраля 1872 г. из Петербурга. Он всерьез взялся хлопотать о постановке ее пьес и привлек к этому своих приятелей — А. Н. Майкова, П. Н. Батюшкова и Н. П. Барсукова⁵³. Письмо шло до Макаровки почти месяц (получено 12 марта), а ответ был написан 18 марта. Соханская предвидела возможные трудности для «Кражи невесты» и выражала готовность переделать первые действия инсценировки. И в этом письме, и в письме к А. Ф. Аксаковой от 26 апреля Соханская замечала, что для прохождения «театральных мятарств» «необходимо быть автору налицо...»⁵⁴ Однако побывать в столицах она сможет только в ноябре 1873 г.⁵⁵

28 августа 1872 г. Соханская в присущей ей шуточной манере «поздравляет» Погодина с очередной неудачей в его хлопотах об ее произведениях и радуется предстоящему замужеству его младшей дочери. В письме от 1 декабря она благодарит за помощь в вызволении рукописи «Кражи невесты» из Дирекции Императорских театров. В тот же день Соханская писала А. В. Плетневой: «Моя драматическая пьеса к принятию на сцену одобрена, но при этом комитет предоставил себе право сделать

⁴⁸ Речь идет о Прохе Михайловиче Садовском (1818–1872).

⁴⁹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 118–118 об.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 10 об. Письмо к Аксакову от 8 декабря 1870 г., о котором узнал Погодин, см.: *Семья Аксаковых*. С. 286–287.

⁵¹ Намерение осуществилось. Ср. в письме Погодина к С. И. Пономареву от 6 июня 1871 г.: «Я переменял маршрут и еду из Курска на Харьков, к Соханской, на Святые Горы и Таганрог» (Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова... [и др.] к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915. С. 66).

⁵² РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 16 об. Чтобы понять смысл посвящения, нужно знать, что наиболее ценное самой писательницей ее прозаическое произведение носит название «Рой-Феодосий Саввич на спокое», что пчелы и ульи играют в этой повести немаловажную роль и что «Божья пчела» — один из важных символов в творчестве Кохановской.

⁵³ См.: *Семья Аксаковых*. С. 531.

⁵⁴ Там же. С. 299.

⁵⁵ См.: Там же. С. 531.

в первых действиях сокращения и изменения. Но если комитету делать их, то я сочла за лучшее самой переделать. Для этого нужно было выручить рукопись из П-тер>б<урга>, которую я вот только получила при посредстве Погодина»⁵⁶.

Но Погодину, как видно, гораздо ближе была «народная комедия», заботу о которой он выражал в письме, пришедшем в Макаровку в Рождественский сочельник. Соханская отвечала 12 января 1873 г.:

«Вы всё мне говорите о *Ланте*. Вы единственный человек, который дает ему какую-либо цену. Все мои прочие добрые друзья даже избегают намекнуть о нем, как о вещи такой плохой и ничего незначащей, что им, милым, совестно за меня»⁵⁷.

Пытаясь привлечь внимание к этому сочинению, Погодин предложил небольшую заметку о комедии в редактируемый Ф. М. Достоевским «Гражданин». Предназначаемая для шестого номера статья упоминается в письме Погодина к Достоевскому от 25 января 1873 г.⁵⁸ 22 февраля публицист пояснял: «...мне было досадно, что ее прекрасная вещь прошла незамеченною, и я написал, оторвавшись от своих обычных занятий...»⁵⁹ Подождав еще месяц и видя, что статья так и не напечатана, в письме от 29 марта Погодин требовал у Достоевского немедленного возвращения ее и еще трех своих рукописей: «Застрял у вас разбор Кохановской [пьесы], которым я хотел утешить автора, впрочем по достоинству. <...> У Кохановской ведь есть большой роман: вы бы поубедительнее написали к ней и предложили свои условия. Она не из богатых. Сердит я на вас. <...> Статьи мои <...> или печатайте, или возвратите немедленно»⁶⁰.

Из письма от 30 октября того же года⁶¹ выясняется, что рукопись так и не была возвращена автору. Наконец, 12 ноября Достоевский отвечал: «О статье о Кохановской говорил секретарю и не забуду о ней и сам. Найдется — вышлем»⁶².

Статью с призывом к театральным деятелям обратить внимание на несправедливо забытую пьесу Погодин в итоге поместил в «Московских ведомостях»⁶³. Отметив неудачность названия и указав место публикации комедии, Погодин утверждал, что Кохановская занимает «почетное место среди современных писателей», а ее «блистательная» пьеса идеальна для сцены, и выделил в произведении такие качества, как разнообразие характеров, верность в передаче картин жизни и народной речи с ее иронией.

Следующее сохранившееся письмо Кохановской относится ко времени не ранее конца 1874 г.:

Благодарю Вас, высокоуважаемый Михаил Петрович, за то — что Вы при своих многочисленных делах никогда не задумываетесь протянуть руку помощи и даже в таком случае, как мой. В отношении Кражи Невесты можно бы было сделать только то, чтобы она была напечатана — чтобы увидели читающие и пишущие, что это не бессмыслица; а на театре она идет превосходно даже и в том виде,

⁵⁶ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 137 об.—138.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 23—23 об.

⁵⁸ Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным / Вступ. ст. и примеч. Л. Барсуковой // Звенья. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 442.

⁵⁹ Там же. С. 444.

⁶⁰ Литературное наследство. М., 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. С. 329. Упомянутый здесь «большой роман» — это незавершенное произведение «Степная барышня сороковых годов», появления которого на протяжении многих лет ожидали друзья Кохановской.

⁶¹ Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным. С. 452.

⁶² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1986. Т. 29, кн. 1. С. 308.

⁶³ М. П. <Погодин М. П.> О новой пьесе г-жи Кохановской // Московские ведомости. 1873. 20 дек. № 321. С. 4—5.

как ее дают; но ее не хотят давать — так этого переменить нельзя. Всё зависит от произволения Бегичева⁶⁴, которого ни просить, ни кланяться ему через кого бы то ни было я не хочу и не буду — потому что Вы позволите мне настолько уважать себя и свой литературный труд, чтобы не пресмыкаться у пресмыкающегося.

Ваша всею моею сердечною признательностью
Н. Соханская

Обнимаю Вас, моя неоцененная Софья Ивановна!

Любопытное упоминание о Погодине обнаруживается в письме к Плетневой от 27 декабря 1874 г. Откликаясь на просьбу помочь какой-то просительнице, Соханская замечает: «Похлопотать об ее деле я готова всею душою — но удача будет ли? На примете у меня один Мих<аил> Петр<ович> Погодин, но он дышит такой суровой внешностью, что приступить к нему очень *бóздно*; но попробую сделать что могу, а дальнейшее в руке Божией»⁶⁵.

В январе следующего года писательница отказывается прочесть, по просьбе Погодина, — вероятнее всего, в Обществе любителей российской словесности, — фрагмент своей давней статьи о Пушкине. Вот как объяснены мотивы ее отказа:

27 января 1875
Москва.

Высокоуважаемый
Михаил Петрович!

Простите моей неопытности. Мне не приходится читать на Вашей торжественной панихиде <так> в день кончины Пушкина. Не приходится потому, что мало-мальски понимающий дело человек должен знать: *когда* и *что* можно сказать, и *кому* из своих слушателей? Слушатели, которых Вы мне готовите, принадлежат к тем лицам, которых я должна слушать, а не от своего лица поучать их. А то, что Вы назначаете мне прочесть, есть высокое поэтическое поучение о *Духе в человеке*, которое к нынешнему времени странно и ужасно не идет. Я не Вы, который может что-либо кстати, или не кстати, сказать, и Вас все обязаны выслушать со вниманием. Прочтите Вы, это другое дело. Вы Вашею силою Погодина дадите честь моим словам. А мне всё это время живо вспоминаются слова некоего мужа: «Я ни у Господа Бога дураком быть не хочу»⁶⁶, а я по крайней мере и не желаю быть дураю у тех лиц, любезнейший Михаил Петрович, которые будут у Вас на панихиде Пушкина.

Кохановская⁶⁷

Небольшую эпистолярную хронику логично будет завершить письмом соболезнования вдове Погодина, написанным в Славянске, где Кохановская жила в ту зиму, накануне девятого дня по кончине дорогого для нее человека.

Совершилось!..⁶⁸ Дорогая, милая, скорбная Вы наша, неоцененная Софья Ивановна! Ваше сердце сколько неисчислимых раз болело и трепетало всеми предчувственными муками этой неотразимой утраты. Она совершилась! Божие отошло к Богу, а вся вместительная преданность Вашей любви не могла удержать

⁶⁴ Имеется в виду Владимир Петрович Бегичев (1828–1891), драматург, инспектор репертуара московских императорских театров в 1864–1882 гг.

⁶⁵ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 25 об.–26.

⁶⁶ Перифразированные слова из письма Пушкина к жене от 8 июня 1834 г.: «Не хочу быть шутом ниже у Господа Бога».

⁶⁷ НИОР РГБ. Ф. 231/V. К. 20. Ед. хр. 34.

⁶⁸ Ин 19:30.

обновляющейся орлиной царственной юностью⁶⁹ — души земного многодумного старца, который довольно пожил, чтобы возжелать ему иного небесного отечества и там принять невообразимо высшее просветление своих дум и всю божественную лучезарность человеческой мысли, соприкасающейся несозданному Уму и предвечному Слову и Духу Святому, освящающему дух почившего, воспаривший к Нему. Пред этой свежей могилою грешно безутешно плакать. Это великая дверь отворилась тому, кто мудрецом в жизни долго шел и шел, и теперь вступил в чудный свет... О, моя несравненная, сирая и вдовая Софья Ивановна! завтра *девятый день* и вы, и я будем молиться в церкви. Это одно, что нужно — единое на потребу⁷⁰ Ему. А утешать Вас — каким земным утешением? Когда Великий Бог сказался великой скорбию вашему сердцу. Он один ваш Советник и Утешитель. Да будет воля Его!

Молящаяся с Вами о Нем и о Вас,

Ваша преданная
Вам душою
Над<ежда> Соханская

Славянск.

Ночь на 17 декабря
1875⁷¹.

Источники и литература

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. Кн. XVII. СПб., 1903. Кн. XIX. СПб., 1905.
2. Бирюкова М. А., Стрижев А. Н. Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 200–226.
3. Викторovich В. А. Уроки одной судьбы // Коломенский альманах. Коломна, 2018. Вып. 22. С. 235–240.
4. Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным / Вступ. ст. и примеч. Л. Барсуковой // Звенья. М.; Л., 1936. Т. VI. С. 439–454.
5. Письма к Н. С. Соханской (Кохановской) М. Н. Каткова / Сообщ. С. Пономарев // Русское обозрение. 1897. Февр. С. 1020–1028.
6. Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская), 1823–1884: Биограф. очерк. СПб., 1909.
7. М. П. <Погодин М. П.> О новой пиесе г-жи Кохановской // Московские ведомости. 1873. 20 дек. № 321. С. 4–5.
8. Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 277–312.
9. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.
10. Соханская Н. С. Письма к П. А. Плетневу // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621.
11. Соханская Н. С. Письма к А. В. Плетневой // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162–164.
12. Соханская Н. С. Письма к М. П. Погодину // РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320; НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 4; Ф. 231/V. К. 20. Ед. хр. 34.
13. Соханская Н. С. Письма к С. И. Погодиной // НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 5.
14. Фетисенко О. Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 303–321.

⁶⁹ Ср.: Пс 102:5.

⁷⁰ Лк 10:42.

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 231/П. К. 31. Ед. хр. 5. Л. 5–6 об.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

Д. А. Бадалян

Журнал «Московский наблюдатель», С. С. Уваров и московская цензура: к истории борьбы в русской периодической печати 1830-х гг.

УДК 070.13(470)+1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_106

Аннотация: В статье представлена история создания и первые годы выхода в свет журнала «Московский наблюдатель», учрежденного в 1835 г. группой литераторов и ученых, близких к кругу «любомудров» и будущих славянофилов. Деятельность издания рассмотрена в контексте журнальной борьбы, которую с середины 1830-х гг. все более определяло скрытое противостояние III Отделения и Министерства народного просвещения. Каждое из этих ведомств поддерживало ряд близких ему по взглядам периодических изданий, а Министерство народного просвещения во главе с С. С. Уваровым способствовало и созданию новых, подконтрольных ему журналов. Эти журналы, в том числе «Московский наблюдатель», пропагандировали идею народности, выступали за развитие национальной литературы и национальной культуры. Уваров рассчитывал на активное участие «Московского наблюдателя» в борьбе с журналом «Библиотека для чтения», редактируемым О. И. Сенковским, и с иными изданиями, покровительствуемыми III Отделением. Начинаясь в обществе борьба «национальных» и «космополитических» сил представлена также через различное отношение к журналу органов цензуры в Москве и в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: «Московский наблюдатель», история русской журналистики, журнальная борьба, периодическая печать, С. С. Уваров, В. П. Андросов, М. П. Погодин, история цензуры, народность, славянофильство, С. Г. Строганов.

Об авторе: **Дмитрий Александрович Бадалян**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: dmit.bad@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9148-1027>

Для цитирования: Бадалян Д. А. Журнал «Московский наблюдатель», С. С. Уваров и московская цензура: к истории борьбы в русской периодической печати 1830-х гг. // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 106–129.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20–011–42018.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Dmitrii A. Badalian

***The Moscow Observer* journal, S. S. Uvarov and Moscow censorship: to the history of struggle in the Russian periodicals of the 1830s**

UDC 070.13(470)+1(091)(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_106

Abstract: The article focuses on the history of creation and initial years of the publication of *The Moscow Observer* (*Moskovskiy Nablyudatel'*) journal. The journal was founded in 1835 by a group of writers and scholars close to the circles of the so-called “wisdom-lovers” and future Slavophiles. The activity of the journal publication is discussed within the context of the journalistic struggle, which since the mid-1830s increasingly determined the latent confrontation between the Department III of His Imperial Majesty’s Own Chancellery and the Ministry of Public Education. Each of these institutions supported a number of periodicals that promoted views close to their own; additionally, the Ministry of Public Education, headed by S. S. Uvarov, contributed to the creation of new journals under its control. These journals, including *The Moscow Observer*, promoted the idea of nationality, advocated the development of national literature and national culture. S. S. Uvarov counted on the active participation of *The Moscow Observer* in his struggle with the journal *Library for Reading*, edited by O. I. Senkovsky, as well as other publications sponsored by Department III. The struggle between “national” and “cosmopolitan” forces that started in the Russia society at that time is also examined through the analysis of different attitudes towards the journal on the part of various censorship bodies in Moscow and St. Petersburg.

Keywords: *The Moscow Observer* (*Moskovskiy Nablyudatel'*) journal, history of Russian journalism, journalistic struggle, periodicals, S. Uvarov, V. P. Androsov, M. P. Pogodin, history of censorship, nationality, Slavophilism, S. G. Stroganov.

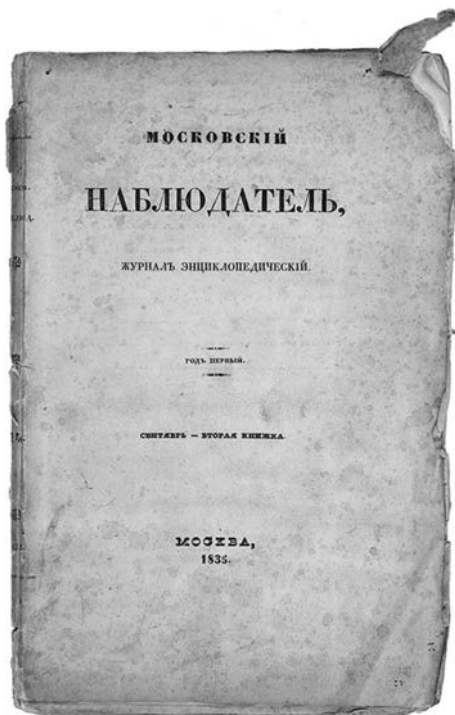
About the author: Dmitrii Aleksandrovich Badalian

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of The National Library of Russia, Associate Professor at Saint-Petersburg State University.

E-mail: dmit.bad@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9148-1027>

For citation: Badalyan D. A. *The Moscow Observer* journal, S. S. Uvarov and Moscow censorship: to the history of struggle in the Russian periodicals of the 1830s. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 106–129.



Обложка «Московского наблюдателя» за сентябрь 1835 г.

Выходивший в 1835–1839 гг. энциклопедический журнал «Московский наблюдатель» возник в результате объединенных усилий ряда московских литераторов и в первые годы издавался ими вскладчину. С самого начала и до весны 1838 г. его редактором был В. П. Андросов, а среди участников — М. П. Погодин и А. С. Хомяков. Погодин в 1835 г. опубликовал в этом журнале пять научных статей и рецензий, а также стихотворные «Сцены из жизни Петра Великого». Хомяков в 1835–1836 гг. участвовал в издании шестью стихотворениями и статьей «Замечание на статью о чересполосном владении, помещенную в 20 № „Земледельческой газеты“»¹.

I.

Время, когда «Московский наблюдатель» выходил в свет, стало особым периодом в истории журнальной борьбы. Литературная полемика, подчас очень резкая, велась между отдельными изданиями в России и прежде, примеры чему несложно найти и в XVIII столетии. Вокруг полемизирующих изданий, как правило, формировались «партии», имевшие общую эстетическую или даже общественно-политическую платформу.

Однако именно в 1820–1830-х гг. столкновения между периодическими изданиями получили новый характер. Дело не только в том, что журнальная полемика оказалась интенсивнее и приобрела очевидный политический оттенок, но и в том, что ресурсы прессы — обычно частной, а порой и государственной — стали активно использовать в своих целях отдельные высокопоставленные чиновники и возникавшие вокруг них группировки. Таким образом, многие издания двух столиц включились в формировавшиеся тогда системы патроната и клиентелы. Иначе говоря — неформальных отношений, которые налаживали между собой редакторы и государственные деятели.

К примеру, в 1821 г. журнал «Невский зритель» опубликовал сатиру К. Ф. Рыльева «К временщику», направленную, как известно, против графа А. А. Аракчеева, в ту пору главного начальника Отдельного корпуса военных поселений. Как считают А. Г. Готовцева и О. И. Киянская, поэт и издатели журнала «исполняли политический заказ, исходивший непосредственно от Голицына»², т.е. министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына. Именно поэтому столь оскорбительная для влиятельной политической персоны выходка не была остановлена цензурой и не вызвала никаких последствий для автора и издателей.

Дело в том, что между А. А. Аракчеевым и А. Н. Голицыным шла долгая скрытая борьба. Менее чем через три года она завершилась поражением последнего. Аракчееву и его союзникам удалось убедить Александра I отказаться от пути, который

¹ Отметим, что в 2005 г. В. М. Гнеденко заявил об атрибуции Хомякову повести «Гедзара» (напечатанной в 4-м номере журнала за 1835 г. под криптонимом «В. П.»), однако не представил никаких объяснений, на чем основывается такая атрибуция (Гнеденко В. М. Журнал «Московский наблюдатель» в 1835–1837 годах. Историческое и филологическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005. С. 15).

² Готовцева А. Г., Киянская О. И., Рылеев М., 2013. С. 123.

прокладывал министр, ставший активным приверженцем идей интерконфессионального мистицизма. Однако тогда, в 1821 г., Голицыну было легче кого бы то ни было организовать печатное нападение на своего противника и найти для этого подходящего литератора, т.к. в его распоряжении имелся мощный инструмент влияния на периодическую печать — цензура.

У Аракчеева такого инструмента не было. И даже если близкие к нему царедворцы предпринимали попытки привлечь на свою сторону прессу, они носили эпизодический характер и не оказались столь успешны. Так, граф М. А. Милорадович, о котором С. Н. Глинка писал, что он «раболопствовал перед Аракчеевым», по словам этого журналиста, в течение 1825 г. дважды пытался заручиться поддержкой издаваемого им «Русского вестника»³. Причем во второй раз для того, чтобы дискредитировать в глазах императора Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Однако Глинка проигнорировал его предложения.

Было это в тот недолгий период, когда оба издателя — Булгарин и Греч — уже не могли пользоваться прежним покровительством Голицына, отправленного в отставку в 1824 г., а новых покровителей еще не приобрели. Таковых они нашли в лице А. Х. Бенкендорфа и М. Я. фон Фока, после того как те возглавили созданное в 1826 г. III Отделение.

Для этого были особые обстоятельства: из всех государственных учреждений только два — Министерство народного просвещения и III Отделение — имели законом приданные им цензурные функции. Причем на практике наибольшей властью в этой сфере обладало именно ведомство Бенкендорфа. Для Министерства народного просвещения цензура была обязанностью: оно должно было контролировать почти все выходящие в стране издания (исключение составляла печатная продукция Санкт-Петербургской Академии наук и немногих научных обществ). Соответственно, Министерство отвечало за все упущения своих цензоров. III Отделение брало на себя цензуру в тех случаях, когда считало это нужным. Оно не только имело возможность призвать к ответу того или иного журналиста или издателя, но и обратить внимание императора на прегрешения цензоров Министерства народного просвещения. Уже поэтому неудивительно, что Булгарин и Греч прибегли к покровительству именно ведомства Бенкендорфа. Однако было и другое важное обстоятельство, объединявшее журналистов и руководителей III Отделения, — враждебное отношение к любым попыткам развития русского национального сознания⁴.

Постепенно у III Отделения сформировался круг опекаемых им изданий и литераторов. Однако издания Булгарина и Греча — газета «Северная пчела» и журнал «Сын отечества» — долгие годы были самыми близкими к руководству III Отделения. Их отношения с этим ведомством не прервались после смерти фон Фока, а затем и Бенкендорфа. Не позднее 1829 г. в клиентелу III Отделения вошел Н. А. Полевой, издававший журнал «Московский телеграф», а потом — О. И. Сенковский, в 1834 г. ставший редактором журнала «Библиотека для чтения».

Опека III Отделения означала такие привилегии и такое положение, на которые не могли рассчитывать иные издания. Ситуацию, сложившуюся в журналистике середины 1830-х гг., князь В. Ф. Одоевский описывал следующим образом: «Намекнуть о монополии „Северной Пчелы“ на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время „Библиотека для чтения“, „Сын Отечества“ и „Северная Пчела“, братски соединенные, держали в блокаде все, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три... конца. <...> вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т. п. вещах...»⁵

³ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 402, 395, 404.

⁴ Подробнее об этом см.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 315–329; Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–209.

⁵ Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 47 (3-я пагин.).



Портрет графа С. С. Уварова.
Худ. А. Маурин, 1830-е гг.

Если же говорить отдельно о журналистике Москвы, там ситуация была несколько иная. В 1832 г., перед самым приходом С. С. Уварова в Министерство народного просвещения, в Белокаменной начал было издаваться журнал И. В. Киреевского «Европеец», в котором приняли участие или намеревались участвовать некоторые будущие сотрудники «Московского наблюдателя» (А. С. Хомяков, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, В. Ф. Одоевский). Однако усилиями III Отделения это издание было закрыто после выхода второго номера. В результате этого лидирующие позиции в Москве занимали тесно опекаемый III Отделением журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф» и журнал Н. И. Надеждина «Телескоп» (с приложением — газетой «Молва»), позднее принявший покровительство министра народного просвещения.

Уваров прекрасно понимал значение прессы для формирования общественного мнения⁶. И в середине 1833 г., вскоре после того как он приступил к исполнению обязанностей министра, по его инициативе начали издаваться «Ученые записки Московского университета», а в 1834 г. Уваров добился закрытия «Московского телеграфа». В оставшиеся два года выхода в свет «Телескопа» страницами этого журнала пользо-

вались некоторые будущие авторы «Московского наблюдателя», но все реже и реже. Неслучайно в сентябре 1834 г. Андросов в письме А. А. Краевскому рассказывал, что «Телескоп» «заржавел, кажется, невозвратно. Издатель нисколько не заботится о журнале, наполняет Бог весть как и чем. Пишущая молодежь с досадою почесывает руки и кусает перья: некуда деться, если бы кто и написал что-нибудь»⁷.

Поэтому не удивительно, что вскоре, в 1835 г., появился «Московский наблюдатель», и еще важно отметить: позднее, после закрытия «Телескопа», Уваров счел нужным учредить журнал «Москвитянин». В конце 1837 г., когда уже действовал запрет на выпуск новых периодических изданий⁸, министр устроил дело так, что император подписал прошение Погодина и Шевырева об издании «Москвитянина». Судя по всему, в тот момент журнал был нужен Уварову более, чем этим двоим⁹.

⁶ Еще во время Отечественной войны 1812 г. при непосредственном участии Уварова в Санкт-Петербурге были созданы и продолжили регулярное издание журналы и газеты, которые вели антинаполеоновскую пропаганду на трех языках: «Сын отечества», «Русский инвалид», «Der Russische Invalide», «Der Patriot», «Conservateur impartial». В последней газете сам Уваров выступал как соредaktor и автор статей (*Сироткин В. Г.* Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 87–89; *Его же.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и Новейшая история. 1981. № 1. С. 142–143).

⁷ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 17 об.–18.

⁸ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 227.

⁹ Погодин писал М. А. Максимовичу 26 февраля 1838 г.: «Я с Шевыревым получил позволение издавать журнал „Москвитянин“. Что-то не хочется! Устарел!» (Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 14). Важнее журнала Погодину и Шевыреву были их

Министр помогал создавать новые и стремился привлечь к себе уже действующие издания, которые бы вели пропаганду его или близких ему взглядов. Ведь содержание известной теперь формулы «Православие. Самодержавие. Народность» в 1830–1840-е гг. разъяснялось и продвигалось исключительно через печать, подконтрольную Уварову (лишь десятилетия спустя, в интерпретациях А. Н. Пыпина, эта триада была представлена как выражение общеимперской официальной идеологии¹⁰). Так, еще будучи исправляющим должность министра, Уваров начал издание «Журнала Министерства народного просвещения», в первом же номере которого увидела свет речь П. А. Плетнева «О народности в литературе». В «Телескопе» более всего этой цели послужила статья Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», а в первом номере «Москвитянина» выделялась статья Шевырева «Взгляд русского на образование Европы».

II.

Редактор «Московского наблюдателя» экономист и статистик В. П. Андросов служил чиновником особых поручений при московском военном генерал-губернаторе, а в 1833–1840 гг. одновременно являлся редактором «Журнала для овцеводов». В молодые годы Андросов был близок «Обществу друзей» С. Е. Раича и «Обществу любителей», что и определило его тесные связи с кругом журнала «Московский вестник», который спустя время преобразился в круг «Московского наблюдателя»: С. П. Шевырев, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. А. Мельгунов и другие, ставшие вкладчиками нового издания.

Интерес к созданию такого журнала у Андросова и его окружения назревал давно. 25 июля 1832 г., рассказывая в письме А. А. Ивановскому о своем литературном круге «из молодых», Андросов, отметив Н. А. Мельгунова, добавил: «Мы даже с ним сообразили было издавать журнал, но обстоятельства ему не позволили, а я один пока что не решаюсь»¹¹. Спустя два года в уже цитированном письме к Краевскому 7 сентября 1834 г. Андросов рассказывал: «Все требуют журнала и, по благосклонности ко мне, хотели бы, чтобы я принял редакцию. Не зная, не предрасположен ли ко мне министр, я удерживаюсь от просьбы на разрешение издавать журнал, хотя, признаюсь, действительно *настает потребность*»¹².

Вероятно, последняя фраза имела целью зондаж настроений Уварова. Ведь адресат письма служил в его ведомстве канцелярским чиновником. Ответное послание Краевского не сохранилось, но можно предположить: отправляя это письмо, Андросов не догадывался, насколько он близок к осуществлению своего замысла. Ключевым событием для будущих издателей явился приезд министра в их город: с 18 сентября по 29 октября Уваров находился в Москве для осмотра университета и прочих учебных заведений¹³.

В это время будущие вкладчики договорились о создании журнала и обсудили его программу. Целью издания они заявили «наблюдать за всем, что является в России и вне России достопримечательного», будь то в науке, в искусстве и в различных областях жизни¹⁴. Соблюдая осторожность, издатели не делали никаких резких заявлений. Ярче всего они представили свою позицию, описывая раздел журнала «Иностранная критика»: «...содействовать к утверждению собственного нашего национального

заграничные путешествия. Только в 1841 г., когда оба вернулись из них, они приступили к изданию «Москвитянина».

¹⁰ Первым на это указал Н. И. Казаков в статье «Об одной идеологической формуле николаевской эпохи» (Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 5–41).

¹¹ РО ИРЛИ. Сигн. 9297/8. Л. 11.

¹² ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 18.

¹³ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917. СПб., 2002. С. 763.

¹⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724. Л. 3.



М. П. Погодин.
Литография

взгляда на произведения наук и словесности, выходящие на Западе»¹⁵.

Как раз тогда Надеждин предложил Мельгунову и его товарищам купить «Телескоп», но при этом он хотел остаться в журнале редактором «с тем, чтобы читать последнюю корректуру». Однако будущие вкладчики отнесли к такому варианту как самому неподходящему¹⁶. Редактором журнала «после долгих и жарких споров» они избрали Андросова. Рассказывая об этом 25 октября в письме князю В. Ф. Одоевскому, Мельгунов добавлял: «Не удивляйтесь этому: в Москве нет другого, решительно нет. Он один может посвятить все время на издание. К тому же он деятелен. Но чтоб застраховать журнал от дурного вкуса, дурного выбора статей и пр[очего], за ним будут надзирать Погодин, Шевырев и я. Мы составим частный комитет, в котором будут предварительно рассматриваться статьи в цензурном и литер[урном] отношении»¹⁷. Сначала Мельгунов пытался уговорить Погодина в одиночку принять на себя надзор за редакторской деятельностью Андросова. «Установить домашнюю цензуру», как выразился Мельгунов в письме к Погодину, нужно было, судя по всему, чтобы предостеречь журнал от возможных ударов его высокопоставленных противников. «Ты или никто, — настаивал Мельгунов, — если же откажешься, то не ручаюсь, чтобы не вздумали запретить журнал

за первое неосторожное выражение»¹⁸. Такой страх возник не понапрасну — москвичи помнили, как в феврале 1832 г. журнал «Европеец» был закрыт именно «за первое неосторожное выражение»¹⁹.

В 1832 г., во время первой московской инспекции Уварова, тогда еще товарища министра, ему был представлен профессор университета Погодин. Уваров побывал на его публичной лекции и остался очень доволен²⁰, а вскоре он познакомился с Шевыревым, которому предложил должность адъюнкта по кафедре русской словесности²¹. Теперь, когда необходимо было сделать важный шаг — представить программу журнала высшему начальству, — два профессора обсудили это между собой и договорились: Шевырев изложит идею журнала московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, а Погодин возьмет на себя главное — переговоры с Уваровым²².

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. Кн. 4. СПб., 1891. С. 229.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 758. Л. 16 об.-17.

¹⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 229.

¹⁹ Березкина С. В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. Сборник научных трудов. Вып. 29. СПб., 2004. С. 226–248; Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 207–208.

²⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 78.

²¹ Там же. С. 87.

²² Там же. С. 229.

Позднее Мельгунов, передавая А. В. Веневитинову обстоятельства учреждения журнала, рассказывал: «Министр, в бытность свою здесь, изъявил на то свое согласие. Князь Д. В. Голицын взялся ходатайствовать за нас»²³. Судя по письму Мельгунова к Одоевскому, устное одобрение Уварова досталось издателем без особых хлопот: министр еще не покинул Москву, а московские литераторы собрали 10 тысяч рублей — почти половину той суммы, с которой они начнут выпускать журнал²⁴. Однако Андросов в письме М. А. Максимовичу 29 декабря 1834 г. добавлял новые подробности: «Весьма трудно было получить разрешение, но, благодаря князя <так!> Дмитрия Владимировича и министра Сер[гея] Сем[еновича], принявшего это дело горячо, мы выхлопотали наконец»²⁵. На поддержку генерал-губернатора москвичи надеялись изначально, а вот реакция Уварова, судя по всему, для них оказалась несколько неожиданной. Если же он, министр, горячо принял это дело, то кто являлся причиной сомнений будущих издателей? И кто мог прежде тормозить их дело? Вернемся к этому вопросу позднее.

Отметим, что официальное прошение о новом журнале Андросов подал не в конце 1834 г., как писал Н. П. Барсуков²⁶, а в конце октября либо в самых первых числах ноября, т. е. почти одновременно с отъездом из Москвы Уварова. Это видно из того, что 6 ноября Московский цензурный комитет направил, как было принято в таких случаях, запрос о потенциальном редакторе по месту его службы — военному генерал-губернатору Д. В. Голицыну. Тот дал будущему редактору самую лучшую характеристику: «Андросов, сколько по благородным своим качествам и отличной нравственности, столько же по трудолюбию и обширным познаниям, совершенно способен и благонадежен к выполнению предпринимаемого им издания журнала»²⁷.

Погодин в письме к Максимовичу 16 ноября 1834 г. указал на самое прямое участие генерал-губернатора в деле учреждения «Московского наблюдателя»: «В Москве затеялся журнал, по мысли князя Дмитрия Владимировича, который хочет, чтобы Москва учила вкусу и литературе и т. п.»²⁸. По воспитанию и образованию Д. В. Голицын, как и Уваров, был вполне европейский человек — он с 10 лет жил и получал образование во Франции, путешествовал по Европе, где провел около 9 лет. Более того, «европейскость» князя имела гипертрофированную форму: по-русски он писал и даже говорил хуже, чем по-французски. Тем не менее, на своем посту он, как и новый министр просвещения, поддерживал развитие русской культуры, русского самосознания, шла ли речь о Художественном классе (из которого впоследствии выросло Училище живописи, ваяния и зодчества), об Обществе истории и древностей российских или о литературном журнале. Впрочем, оказав помощь «Московскому наблюдателю» в начале его пути, князь почти исчерпал средства, находящиеся в его распоряжении: далее издание вступало в сферу, власть над которой принадлежала органам цензуры.

17 ноября прошение о новом журнале и связанные с ним документы были направлены Московским цензурным комитетом в Главное управление цензуры²⁹. Там уже 26 ноября, без проволочек, было принято решение: поддержав новое издание, испросить на него «высочайшее соизволение». Удивительна формулировка, внесенная в журнал заседаний высшего цензурного органа: «Главное управление цензуры, согласно с прежним своим заключением о пользе нового литературного журнала в Москве для противодействия петербургским периодическим изданиям, сделавшимся почти монополией немногих лиц, признало, что дозволение г. Андросову предпринимаемого им повременного сочинения может послужить на пользу словесности»³⁰.

²³ Там же. С. 230.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 758. Л. 17.

²⁵ К истории возникновения «Московского наблюдателя» // Голос минувшего. 1917. Кн. 1. С. 276.

²⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 231.

²⁷ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724. Л. 2.

²⁸ Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С. 7.

²⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 5–5 об.

Не только Уваров возлагал на новое издание особые надежды, но и его редактор был готов всячески служить министру. В письме Краевскому 16 марта 1835 г. он подчеркивал: «Вообще прошу Вас принять уполномочие на журнал и располагать им в пользу *властей*, как Вы признаете для выгод этого дела полезным»³¹. Надо отметить: слово «*властей*» автором письма было подчеркнуто, а Краевский к тому времени стал помощником редактора в «Журнале Министерства народного просвещения», т. е. в глазах Андросова он в тот момент являлся представителем Уварова. С той же почтой редактор нового журнала отправил его первую книгу лично министру³².

Судя по всему, главное, что ожидал от нового издания Уваров и что с самого начала создатели журнала считали одной из важнейших его задач, — это активное участие в литературной борьбе. Погодин, в первый раз заговорив в дневнике о будущем «Московском наблюдателе», добавил: «Неужели оставить литературу на жертву этим негодьям»³³. Но пока эта борьба не началась, даже в личной переписке, ни он, ни его товарищи не позволяли себе столь откровенных заявлений и не называли своих противников по именам. Андросов 26 декабря 1834 г. в письме к Краевскому упрасивал его не только напечатать объявление о выходе нового издания в «Журнале Министерства народного просвещения», но и обратиться с тем же к владельцу «Библиотеки для чтения», которая вскоре станет основным противником московского журнала. Он писал: «Я просил бы Вас покорнейше, если Вы имеете какие-либо приятные сношения с Смирдиным, предложить ему объявить о подписке на известном коммерческом условии. Я не могу обидеть его подозрением, чтобы опасение за успех „Библиотеки“ заставило его отказать нам. Мы им не вредны. Репутация их создана. Мы не имеем никаких враждебных замыслов разрушить ее»³⁴.

Судя по всему, Уваров, будучи в Москве, не только имел откровенный разговор с Погодиным, но даже подбодрил и укрепил его в намерении вступить в журнальную борьбу с неугодными министру столичными изданиями. В то время Уваров считал свое положение при дворе весьма прочным и рассчитывал на успех в этой борьбе. Рассчитывал он и на активность «Московского наблюдателя». Чем иным можно объяснить то, что 9 декабря Уваров, докладывая Николаю I о готовящемся в Москве журнале, прямо заявил о потребности в «повременном издании, которое могло бы служить некоторым противодействием петербургским периодическим сочинениям, находящимся почти в одних руках и сделавшимся чрез то как бы монополиею немногих лиц»³⁵. Такого министр народного просвещения не позволял себе ни до, ни после. И император на его докладе наложил резолюцию: «Согласен»³⁶.

На следующий день Главное управление цензуры направило в Московский цензурный комитет известие о разрешении издания «Московского наблюдателя», но при этом было добавлено, что из программы журнала надлежит «исключить имя И. Киреевского, издателя подвергшегося запрещению журнала „Европеец“»³⁷. Несомненно, сделано это было по распоряжению Уварова: И. Киреевский был назван среди других потенциальных авторов в программе, представленной издателями. Но уже в Главном управлении его имя взяли в квадратные скобки³⁸, а в тексте программы, представленном императору, оно было исключено³⁹. Министр не мог не знать, что усилиями III Отделения И. В. Киреевскому в глазах императора была создана репутация неблагонадежного журналиста, сторонника революции, и объявление о его участии

³¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 62.

³² Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 117.

³³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 228.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 20 об.–21.

³⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724. Л. 8 об.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 14.

³⁸ Там же. Л. 4 об.

³⁹ Там же. Л. 12 об.



Сенковский, Греч и Булгарин у книжной лавки Смирдина.
Карикатура Н. А. Степанова, 1840-е гг.

в новом журнале повредит всему изданию. В итоге в «Московском наблюдателе» имя этого автора не появилось ни разу (впрочем, В. М. Гнеденко утверждал, что И. В. Киреевский — автор статьи «Об участии и нравах женщин между нынешними народами Европы» (1835. № 1. С. 265–291), представленной в журнале как перевод из «Revue Britannique», но он не объяснил на чем основана такая атрибуция⁴⁰).

Кого именно имел в виду Уваров, говоря о петербургской периодике, находящейся «почти в одних руках»?

В начале этого же 1834 г. цензор А. В. Никитенко отметил в дневнике: «Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением „Библиотеки для чтения“. Приказание это такого рода, что если исполнить его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писари, чем оставаться в литературе. Министр очень резко говорил о его „полонизме“, о его „площадных остротах“ и проч.»⁴¹.

В апреле 1834 г., после запрещения издания «Московского телеграфа», Никитенко записал в дневнике монолог Уварова о Полевом, которого тот называл «проводником революции» и говорил, что он «готов претерпеть все за идею». Вместе с тем министр сказал несколько слов и о петербургских журналистах: «С Гречем или Сенковским я поступил бы иначе; они трусы; им стоит угрозить гауптвахтою, и они смиряются»⁴². В декабре того же 1834 г. Греч обратился с прошением о разрешении издания «прибавлений из статей литературных» к газете «Северная пчела». Санкт-Петербургский цензурный комитет не возражал, но, когда дело дошло до Главного управления цензуры, Уваров нашел причину отказать Гречу в его просьбе⁴³.

⁴⁰ Гнеденко В. М. Журнал «Московский наблюдатель» в 1835–1837 годах... С. 15.

⁴¹ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 1. 1826–1857. [М.; Л.,] 1955. С. 134.

⁴² Там же. С. 141.

⁴³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 730. Л. 1–3 об.

Заметим, Уваров не стал называть в одном ряду с Сенковским и Гречем Булгарина, да и в случае цензурных разбирательств с его изданием вел себя осторожно.

Можно говорить о своего рода иерархии, существовавшей среди клиентелы III Отделения: самым близким к нему и самым защищенным был, безусловно, Булгарин. Потому и Уваров остерегался нападать на него. Меньшей близостью и меньшей степенью личной защиты пользовался Греч, еще меньшей — Сенковский. Именно он стал основной мишенью для критических статей «Московского наблюдателя». Главным образом ему и редактируемому им журналу были посвящены две статьи Шевырева в первом же номере «Московского наблюдателя»⁴⁴. Затем со статьями о нем выступили Н. И. Павлицев и Андросов (разбор произведений Сенковского первый представил под криптонимом, второй — анонимно)⁴⁵. Позднее на смену статьям пришли мелкие неподписанные заметки о «Библиотеке для чтения»⁴⁶.

Скорее всего, при учреждении журнала Уваров рассчитывал на борьбу «Московского наблюдателя» с Гречем, а возможно, и с Булгариным. Но столкновение с ними произошло не сразу и лишь в ответ на выпады их изданий. Характерно, что Булгарин вовсе не упоминался в письмах Андросова к Краевскому, с которыми тот регулярно обращался к нему во время издания журнала. С Гречем же Андросов стремился поддерживать нейтральные отношения, но тот, судя по письмам редактора «Московского наблюдателя», отвечал ему равнодушным или даже презрительным молчанием. Так, в 1835 г. Гречу высылался каждый свежий номер «Московского наблюдателя», однако его изданий редакция в ответ не получала, и уязвленный этим Андросов просил Краевского передать тому свое «справедливое сетование», а в другой раз заявил: «Гречу при случае прошу сказать, что „Пчелы“ я его не вижу: читаю чужую, а от него листка не получил. Он, верно, не учился правам и не знает права *возмездия*»⁴⁷.

Последнее письмо было отправлено в мае 1836 г., когда «Московский наблюдатель» уже вступил в полемику с «Северной пчелой» и прямо назвал в качестве своих оппонентов не только Сенковского, но и Булгарина. Закачивая посвященную им статью, автор «Московского наблюдателя» призвал «литераторов русских» объединяться для того, чтобы «общими силами подвигать словесностью нравственный успех общества и противодействовать духу промышленности, духу безвкусыя и духу междоусобия, который сродно питать пришельцам, ищущим приключений в нашей словесности»⁴⁸.

III.

Едва ли не постоянной темой писем Андросова к Краевскому начиная с 1835 г. стали жалобы на московскую цензуру и действия конкретных цензоров. Так, 19 февраля 1835 г., т. е. в самый тот день, когда было выдано цензурное разрешение на первую книгу журнала, редактор его сообщил: «Первый № уже в наборе: хлопочем с ценсурой,

⁴⁴ Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 5–29; Его же. О критике вообще и у нас в России // Там же. С. 493–525.

⁴⁵ П-щ-в Н. [Павлицев Н. И.] Брамбеус и юная словесность // Там же. 1836. Ч. 2. Июнь. Кн. 1. С. 442–465; Кн. 2. С. 599–637; [Андросов В. П.] Как пишут критику // Там же. Ч. 6. Апрель. Кн. 1. С. 470–494.

⁴⁶ Например: Шуточки «Библиотеки для чтения» // Там же. 1836. Ч. 8. Июль. Кн. 1. С. 137–140; Мозги человеческие, открытые «Библиотекой для чтения» // Там же. 1837. Ч. 12. Июнь. Кн. 1. С. 379–380; Два новых прихода в Москве и плески фонтанов Тверского бульвара // Там же. С. 380–386.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 41 об., 68 об.

⁴⁸ Наблюдатель. Москва и Петербург в литературных отношениях // Московский наблюдатель. 1836. Март. Кн. 1. С. 187. Н. П. Колюпанов включил эту статью в список работ Шевырева (Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. 2. Приложение первое. С. 9), а И. Ф. Масанов связал ее авторство с Андросовым (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 246). Атрибуцию Масанова поддержал К. Г. Исупов: Москва — Петербург: Pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания: Антология. СПб., 2000. С. 96, 619.

которая здесь поопасливее вашей. Я бы очень желал толкнуть книжку к 1 марта. Но затруднения на каждом шагу, нет на каждой неделе»⁴⁹.

После выхода этой книги Андросов сетовал 16 марта Краевскому: «Цензура вырезывала, выкраивала столько, что истинно не было возможности уберечься от греха типографского»⁵⁰. Из картинок у меня забраковала вазу Лафайета, картинку превосходную, имеющую только несчастье называться лафайетскою и на которой нет ничего, что могло бы дать какой-нибудь соблазн нашему православию»⁵¹.

Объясняя опоздание с выпуском второго номера, редактор «Московского наблюдателя» восклицал 24 апреля: «Поверите ли, что в этой книжке надобно было выдирать и перепечатывать одну страницу, на которой без ведома цензора поставлено было: „продолжение впредь“, не больше и не меньше. Как сметь? Не дали билета, и нужно было передирать все уже заготовленные переплеты. В этих толках и в праздниках прошли две недели»⁵². Речь шла, вероятно, о «Письме из Флоренции». Это единственное произведение, напечатанное в том номере журнала с продолжением. В итоге оно вышло в свет с пометой «Конец письма в следующей книжке»⁵³.

Андросов рассказывал в том же послании, что цензор Л. А. Цветаев отказался пропустить в печать стихотворение Н. Ф. Павлова «Ангел мира». Его отправили в типографию лишь после того, как редактор предложил заменить «ангела» на «гения». Автор же, узнав об этом, заявил: «Ну как это гений: не те звуки, нет, я поеду к цензору и попрошу его». И, действительно, он было добился разрешения «ангела». Но уже когда печать стихотворения шла, цензор отменил свое решение. С потерей времени и средств в свет вышел «Гений мира»⁵⁴.

После выхода третьей книги Андросов 19 мая рассказывал тому же адресату: «Мы до того добились об здешнюю ц[ензуру] что скоро нельзя будет печата[ть] ни одной басни — везде приложим, ни одной повести — указание на действительные семейные происшествия; ни одного мнения об улучшении промышленности — упрек настоящему порядку вещей. Ограничиваясь возможно простотой в содержании и направлении статей, никак нельзя думать, что ушел от пронизательных взглядов ц[ензуры]. Начнут теревить какое-нибудь имя, место и пр[очее]. А сколько отнимает это времени. Значительное периодическое издание решительно невозможно в Москве»⁵⁵.

10 июня Андросов снова жаловался: «Не думайте, чтобы медленность происходила от недостатка статей или даже, как ни гадки у нас рабочие люди, от типографии: все цензура, одна цензура. Представить нельзя, до чего простирает она мудрую свою осмотрительность. Не говорю уже о целых пьесах бракуемых, — нет фразы, слова, буквы — все это перебирается во всех возможных приложениях, сколько можно невыгодных для журнала»⁵⁶.

10 ноября 1835 г. Андросов вынужден был вернуть присланную ему В. Ф. Одоевским первую часть цикла «Русские ночи». В письме Краевскому он объяснял: «Статья

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 42 об. Т. к. первая книга «Московского наблюдателя» вышла в марте 1835 г., то именно с этого месяца в течение четырех лет начиналась нумерация журнала. Изменилась она лишь при новом владельце журнала в 1839 г.

⁵⁰ Редактор журнала имел в виду опечатки, допущенные при перевёрстке и исправлениях, вносимых в уже набранный текст.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 61 об.

⁵² Там же. Л. 31.

⁵³ *Эолова арфа* [Тургенев А. И.]. Письмо из Флоренции // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Кн. 1. С. 327.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 31–31 об. При дальнейших публикациях стихотворение сохранило слово «гений», повторяемое в нем пять раз. В частности, в строках «Есть со мною мой хранитель / В небе гений есть другой». Само произведение стало называться по первой строке «Гений мира, упований...» (см., например: *Павлов Н. Ф. Сочинения: Три повести. Новые повести. Стихотворения. Статьи.* М., 1985. С. 233).

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 32–33 об.

⁵⁶ Там же. Л. 36.

превосходная, но не понравилась цензуре»⁵⁷. Получив рукопись обратно, автор представил ее в столичную цензуру, и та отнеслась к ней иначе. 4 марта 1836 г., уже после получения разрешения на публикацию первой книги журнала за этот год, Андросов рассказывал Краевскому: «Статью кн. Одоевского, пропущенную петерб[ургской] цензурой, я с триумфом предъявил здешней и получил разрешение печатать. Она явится со многими другими порядочными вещами в № 1 на этот год, который меня мучит своею медленностью»⁵⁸.

Приведенные ламентации — только часть того, что рассказывал о своих цензурных бедах Андросов. Как можно объяснить такие проблемы у периодического издания, входящего в сферу интересов министра народного просвещения?

Позднее очень похожим образом складывались отношения с цензурой у более близкого к Уварову «Москвитянина». Руководивший московской цензурой граф С. Г. Строганов, по словам Погодина, «старался вредить журналу»⁵⁹ и явился одним из главных его врагов⁶⁰. А. С. Бодрова, приводя множество примеров придирчивости московских цензуров, рассказывает: «Постоянные затруднения с прохождением цензуры летом 1844 года заставили Погодина думать о возможном перенесении издания в Петербург, где цензурные обстоятельства, по общему мнению, были более благоприятными»⁶¹.

Издавая «Москвитянина», Погодин в исключительном случае мог отправить рукопись в столицу (так он поступил со статьей «Петр Великий», открывавшей самый первый номер журнала), но делать так регулярно он не мог. В таком же, если не в более сложном, положении находился и Андросов. 16 марта 1835 г. он писал Краевскому: «Павлова не пропускают „Романса“, так нет ли возможности получить разрешение у Вас?»⁶². Что именно ответили ему из Петербурга — неизвестно. Но судя по тому, что стихотворение «Романс» не появилось в журнале, такой возможности не было. Почему сделали исключение для Одоевского, понять не сложно: к тому времени князь девять лет служил в различных цензурных органах, сам занимался цензурованием и участвовал в разработке Цензурного устава 1828 г.

Добавим, что и Андросов, подобно Погодину, позднее оказался вынужден обсуждать возможность переноса издания в Санкт-Петербург. Впервые разговор об этом возник в ноябре 1836 г. И хотя главной причиной к тому явилась убыточность издания, он также отмечал цензурные обстоятельства: «...все литераторы, которых не заманишь в „Библиотеку“, охотно будут работать для „Наблюдателя“ петербургского, по крайней мере я ручаюсь за московских: они усердно помогут делу, тем более что в Петербурге они не встретят тех затруднений, какие в Москве часто охлаждают их деятельность»⁶³.

Особо придирчивое отношение московской цензуры к «Москвитянину» можно объяснить двумя факторами. Первый — многолетняя вражда Строганова к Уварову⁶⁴. Второй — личные пристрастия графа, который симпатизировал и даже покровительствовал западникам, не исключая таких, как А. И. Герцен и В. Г. Белинский, а про славянофилов говорил, что «это люди опасные». Именно такую характеристику он дал

⁵⁷ Там же. Л. 71.

⁵⁸ Там же. Л. 39.

⁵⁹ Бодрова А. С. О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензуров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 353.

⁶⁰ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб., 1901. С. 37.

⁶¹ Бодрова А. С. О журнальных замыслах, чуткой цензуре... С. 351.

⁶² ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 62 об.

⁶³ Там же. Л. 51–51 об.

⁶⁴ Тем не менее, будучи московским попечителем, Строганов избегал открытого участия в соперничестве Бенкендорфа и Уварова. Однако через два месяца после того как его отправили в отставку, в феврале 1848 г., граф подал императору записку «О либерализме, коммунизме и социализме, господствующих в цензуре и во всем Министерстве народного просвещения», что стало частью кампании, организованной III Отделением.

им в 1849 г. в беседе с императрицей Александрой Федоровной в ответ на высказанное ею желание познакомиться со славянофилами⁶⁵.

В ситуации с «Московским наблюдателем» дело обстояло несколько иначе. Строганов был назначен попечителем Московского учебного округа и по должности — председателем местного цензурного комитета уже после выхода журнала — 1 июля 1835 г.⁶⁶ И его появление во главе московской цензуры не отразилось радикальным образом на положении издания, еще прежде испытывавшего целый ряд цензурных стеснений. Судя по всему, при Строганове они не ослабли и сразу же не усилились. Значит, многие проблемы «Московского наблюдателя» были вызваны отношением к нему московской цензуры в целом. Добавим, что и Андросов еще до выхода первого номера журнала, 1 февраля 1835 г., рассказывал своему петербургскому приятелю: «При появлении в Комитете цен[зуры] на нас смотрят как на врагов личных, желающих и ищущих падения достойных членов»⁶⁷. На «нас» — т. е. на литераторов и ученых круга «Московского наблюдателя», которых, судя по этим словам, цензоры воспринимали как особое, отличное от окружающих сообщество.

В то время категориями европейского космополитизма продолжали мыслить не только остзейцы и приезжие иностранцы, но и значительная часть чиновников. В их сознании идея службы государству, т. е. государю⁶⁸ (волю которого чиновнику представлял его начальник), исключала как лишние представления о родине и нации.

На глазах таких чиновников тогда только-только разворачивался процесс «нациостроительства», т. е. формирования в русском обществе первых представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах — всего того, что позднее обобщенно назовут национальным сознанием и будут считать в первую очередь заслугой славянофилов. В середине 1830-х гг. деятельность малой горстки людей (включавшей тех, кого позднее назовут славянофилами) и единственное их издание, в котором они повторяли мысли о «национальном духе» и «национальном мнении», вызывали настороженность, раздражение, а порой и возмущение. Пример такого чиновника являл Д. П. Голохвастов. Двоюродный брат А. И. Герцена, он в 1831–1847 гг. служил товарищем попечителя Московского учебного округа, а затем стал попечителем. О космополитизме этого крупного должностного лица свидетельствуют черновики его писем. Даже подготавливая отчет Строганову об услышанной им публичной лекции Шевырева о народности, Голохвастов периодически затруднялся сформулировать свои мысли по-русски и переходил на французский язык⁶⁹. И зачастую именно этот человек осуществлял повседневное руководство цензурным комитетом. Да и не только им, а всеми учебными учреждениями Москвы и Московской губернии.

Подчеркнем: до начала 1836 г. нам не известно ни одного случая, чтобы Главное управление цензуры (где наблюдали и за московскими изданиями, тем более имевшими массовую аудиторию) высказало этому журналу какие-либо претензии или замечания. Более того, в 1835 г., как пишет Ц. Х. Виттекер, «Уваров предупреждал Московский цензурный комитет, что необходимая строгость не должна вырождаться в притеснение безобидной литературной деятельности и ожесточать писателей»⁷⁰. Случай для николаевского времени беспрецедентный! Очевидно, что такое указание

⁶⁵ Хомяков А. С. Сочинения: В 8 т. Т. 8: Письма. М., 1900. С. 192.

⁶⁶ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2006. С. 753.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 26 об.

⁶⁸ При этом почти одинаково мыслили и русский дворянин граф А. А. Аракчеев, и сын французского эмигранта Я. И. Де Санглен. Первый в 1812 г. мог воскликнуть: «Мне до вашего отечества дела нет, я знаю одного государя» (*Свербеев Д. Н. Мои записки*. М., 2014. С. 511); второй утверждал: «В монархическом правлении <...> государь есть отечество. Они — нераздельны» ([*Борисевич А. Т.*] «Русский инвалид» за сто лет. 1813–1913. (Юбилейный очерк). Ч. 1. СПб., 1913. С. 29).

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 56. Л. 51–54.

⁷⁰ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 129.

министра было направлено на поддержку «Московского наблюдателя» и «Телескопа»: других периодических изданий, рассчитанных на массового читателя в Москве, тогда не выходило.

Андросов если не в полной мере осознавал причины отношения местной цензуры к «Московскому наблюдателю», то лучше многих ощущал результаты ее деятельности. 4 марта 1836 г., обсуждая в письме издательские планы Краевского, он добавлял: «В Петерб[урге], впрочем, многие затруднения, задерживающие периодическое издание в Москве, не существуют»⁷¹. Ту же мысль он повторил и спустя полгода, 23 сентября 1836 г.: «...у Вас в Петербурге все-таки более средств и возможности вести журнальное дело, нежели у нас, где цензор не позволил даже напечатать, что *наша Египетский действует деспотически*»⁷².

С таким же отношением местной цензуры сотрудники «Московского наблюдателя» встречались на поприще, не связанном с их журналом. Из письма Андросова от 1 февраля 1835 г. известно, что Погодин представил в цензуру «свои лекции истор[ические]» (т.е. «Лекции профессора Погодина по Герену»). Сначала их цензурой занимался профессор-правовед Л. А. Цветаев. Тяжело заболев⁷³, он некоторое время продолжал цензуру книги, но затем направил в комитет рапорт о невозможности из-за болезни выполнять обязанности цензора, а вместе с ним «лист корректурный с таким отзывом, что он *нашел тут такие понятия о царской власти, которые его ужаснули*»⁷⁴. И это при том, что в книге рассматривалась история не России, а Древнего мира. После того как «Лекции» Погодина были переданы на цензуру профессору-историку М. Т. Каченовскому, тот захотел рассмотреть их с самого начала и представить «высшему начальству»⁷⁵. Трения и споры цензора с автором и внесение вынужденных исправлений продолжались очень долго. Две части книги получили цензурное разрешение лишь 11 июня и 22 ноября 1835 г. (вторая часть, на титуле которой указано «1836», вышла свет в конце 1837 г., но ее издание задержал сам автор⁷⁶).

Однако еще в феврале Погодин представил в Московский цензурный комитет две другие свои книги. Когда ему заявили, что их цензурой будет заниматься тот же Каченовский, автор попытался добиться замены его другим цензором. «...А то он, — писал Погодин, — черт знает что отыщет в них»⁷⁷. Когда же Голохвастов отказал ему в этом, историк, взяв отпуск, отправился с рукописями книг в Санкт-Петербург к Уварову. Никитенко 19 марта, после общения с историком, записал в дневнике: «Погодин говорит, что в Москве удивляются здешней свободе печати»⁷⁸. И действительно, отношение столичной цензуры к Погодину и его произведениям оказалось другим: в Санкт-Петербург он приехал 23 февраля, 14 марта Никитенко подписал разрешение на его пьесу «История в лицах о Димитрии Самозванце», а 15 марта — профессор-историк А. Л. Крылов на учебник «Начертание русской истории для училищ» (обе книги были напечатаны в типографии Московского университета).

Нетрудно понять: инициаторами описанных инцидентов и, казалось бы, бессмысленных придирок, являлись не сами сотрудники цензурного комитета: журнал за время издания сменил нескольких цензоров, но ни один из них не выделялся своей снисходительностью (и ведь среди них были профессора университета, а Каченовский считался даже приятелем Погодина!). Значит, указания о чрезвычайной, доходящей до абсурда, строгости к «Московскому наблюдателю» поступали им от вышестоящего начальства.

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 40 об.

⁷² Там же. Л. 46–46 об.

⁷³ Цветаев скончался 7 февраля 1835 г. (Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века. Биобиблиографический справочник. СПб., 2013. С. 371).

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 26.

⁷⁵ Там же. Л. 26 об.

⁷⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 20.

⁷⁷ Там же. Кн. 4. С. 264.

⁷⁸ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 171.

Положение дел в московской цензуре говорит о том, что к середине 1830-х гг. в Москве сложилась своего рода «чиновничья партия», противостоявшая кругу таких деятелей, как Погодин, Хомяков или И. В. Киреевский. Сложилась она за десятилетие до борьбы, развернутой со «славянофилами» (в то время этому термину предавалось максимально широкое значение) в Санкт-Петербурге. Причем в столице видимый «фронт» этой борьбы был сформирован не среди чиновничества, а в периодических изданиях: именно тогда, в 1842–1843 гг., начались яростные нападки на славянофилов В. Г. Белинского. Управляли же этим «фронтом» противники Уварова. Позднее, в 1847 г., III Отделение даже докладывало императору, что поощрило издателя «Отечественных записок» Краевского (ставшего тогда для тайной полиции весьма полезным клиентом) «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней»⁷⁹. Возможно, и в Москве в 1830-е гг. не обошлось без влияния III Отделения.

IV.

Самая существенная перемена в положении московского журнала и одновременно самый громкий в его истории цензурный скандал связаны с событиями конца декабря 1835 – января 1836 г. – с публикацией сатиры А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» и реакцией на нее Уварова, узнавшего себя в персонаже стихотворения. Эта известная история подробнее всего была исследована в советское время Н. Н. Петруниной⁸⁰, а позднее – Н. В. Перцовым и И. А. Пильщиковым⁸¹. Отметим основные связанные с нею факты: созданное в ноябре и законченное не позднее начала декабря 1835 г. стихотворение-памфлет было передано Пушкиным для публикации в «Московский наблюдатель». Редакция поместила его в сентябрьской книге журнала, которая 22 декабря получила цензурное разрешение, подписанное П. С. Щепкиным. Около 15 января 1836 г. эта книга появилась в Санкт-Петербурге, после чего Уваров обратился к Николаю I с жалобой на поэта. Быстрее и проще всего это можно было сделать через главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Таким путем Уваров и пошел. Император велел Бенкендорфу передать поэту его строгий выговор. И между 16 и 20 января состоялось объяснение Пушкина с Бенкендорфом. Из сохранившихся сообщений современников известно, что для поэта оно закончилось благополучно. Так, Ф. Ф. Вигель (в записи П. И. Бартечева) рассказывал: «Когда Бенкендорф призвал Пушкина и спросил его [с угрозою], на кого он написал эти стихи, тот с смелою любезностью отвечал: „На вас!“ Бенкендорф рассмеялся, и Пушкин убедил его, что Уваров имеет одинаковое с ним, Бенкендорфом, основание почитать себя обиженным»⁸². В том же духе о встрече рассказывал А. Я. Булгаков⁸³. В несколько иной, но столь же комичной интерпретации передает эту встречу К. И. Фишер⁸⁴, а в пересказе Н. И. Куликова шеф жандармов «сердито улыбнулся»⁸⁵. Как бы то ни было, этой встречей формальная сторона дела была исчерпана (возможно, Бенкендорф, предложил Пушкину встретиться и объясниться с Уваровым,

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 19. Л. 102.

⁸⁰ Петрунина Н. Н. «На выздоровление Лукулла» // *Ее же*. Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 323–361.

⁸¹ Перцов Н. В., Пильщиков И. А. «Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина) // *Philologica*. 2003/2005. Vol. 8. № 19/20. С. 57–90.

⁸² Из пушкинианы П. И. Бартечева // *Летописи Государственного Литературного музея*. Кн. 1. М., 1936. С. 534.

⁸³ Булгаков А. Я. «У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...» (из «Современных записок и воспоминаний...») А. Я. Булгакова. Записки 1836–1859 гг.) // *Встречи с прошлым*. М., 2000. Вып. 9. С. 26.

⁸⁴ Фишер К. И. Записки сенатора. М., 2008. С. 13.

⁸⁵ Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. Очерки и воспоминания // *Русская старина*. 1881. Т. 31. Август. С. 618.

но неизвестно, состоялось ли их объяснение⁸⁶). В. Э. Вацуро резонно предположил: «...очень вероятно, что шеф жандармов с тайным удовольствием видел своего недруга, выставленным на общее посмешище»⁸⁷. Но оказалась в этой ситуации Бенкендорф союзником министра, встреча с ним закончилась бы для Пушкин отнюдь не смехом. Вспомним хотя бы А. А. Дельвига, которому в 1830 г. шеф жандармов устроил выволочку с криком и руганью из-за куда менее значительного повода. В результате ее друг Пушкина заболел и вскоре скончался.

В данном случае эта история интересна именно участием в ней издателей «Московского наблюдателя». Без сомнения, Андросов и его товарищи не догадывались, кто именно дал повод к написанию этих стихов, — об этом заявлял сам Пушкин⁸⁸, его современники⁸⁹, такое же мнение выразила и Н. Н. Петрунина⁹⁰. Тем не менее, публикация сатиры Пушкина нанесла удар по пусть и не самому тесному союзу «Московского наблюдателя» с Уваровым. Именно после этого разгневанный на Пушкина министр дал понять издателям московского журнала, что они лишились его расположения.

После того как в феврале 1836 г. в столицу пришла октябрьская книга «Московского наблюдателя» (№ 16), министр народного просвещения распорядился объявить его цензору строгий выговор. 25 февраля Строганов вызвал к себе Погодина. Тот после встречи с попечителем оставил в дневнике следующую запись: «Строжайши<й> выговор Цензору от Увар<ова> за Петра. — Я объяснил что ни он ни я виноваты. — Каков Уваров за Лукулла. — Не утерпел чтоб не поехать и не посмеяться с Акс<аковым> Сергеем Тимофеевичем»⁹¹. Последняя фраза имеет особый смысл. Ведь С. Т. Аксаков без малого пять лет служил сторонним цензором Московского цензурного комитета (и был уволен по распоряжению императора). Именно он должен был понимать знаки, посылаемые министром провинившимся перед ним москвичам.

Не только Погодин и его ближайшие друзья рассматривали выговор и вызов к московскому попечителю как отдаленное следствие публикации пушкинской сатиры. Так, Д. В. Давыдов 6 апреля, спрашивая Пушкина в письме из своего симбирского имения: «Нет ли прижимки твоему журналу со стороны наследника Лукулла?», тут же добавил: «Я знаю, что *Наблюдатель* охает; было замечание Строганову насчет какой-то статьи Погодина»⁹². Отметим, что цензором, получившим выговор министра, был тот самый П. С. Щепкин, который выписал разрешение на номер с пушкинской сатирой. Однако и выговор цензору, и вызов Погодина к попечителю имели вполне веское основание: публикацию «Сцен из жизни Петра Великого» — так Погодин назвал сокращенную редакцию второго действия из трагедии «Петр I», законченной им в 1831 г. Еще тогда ее издание запретил лично Николай I⁹³.

Что мог сказать автор в оправдание цензора? Вероятно, то, что Щепкин приступил к исполнению обязанностей стороннего цензора с 5 ноября 1835 г.⁹⁴ и был не в курсе запрета, объявленного четырьмя годами ранее. Что могло послужить оправданием

⁸⁶ Петрунина Н. Н. «На выздоровление Лукулла». С. 355.

⁸⁷ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 208.

⁸⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: 1837–1937. Т. 16: Переписка. 1835–1837. М.; Л., 1949. С. 78, 378.

⁸⁹ Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская старина. 1887. Т. 53. Январь. С. 43.

⁹⁰ Петрунина Н. Н. «На выздоровление Лукулла». С. 352.

⁹¹ Перцов Н. В., Пильщиков И. А. «Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина). С. 63.

⁹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: 1837–1937. Т. 16: Переписка. 1835–1837. С. 102.

⁹³ М. М. Дмитриев излагал мотивы запрета следующим образом: «...так как в ней представлен заговор, а заговоров боялся Николай Павлович даже и в книгах, то он и запретил ее, надписавши собственноручно: „Память Петра Великого должна быть для нас так священна, что я нахожу неприличным представлять его на сцене, а потому и к напечатанию эта трагедия не может быть дозволена“» (Дмитриев М. М. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 336).

⁹⁴ Цензоры Российской империи. С. 391.

автору — представить сложнее. Возможно, Погодин сослался на то, что фрагмент того же второго действия «Петра I» уже был напечатан с разрешения петербургской цензуры в альманахе «Новоселье» под заглавием «Отрывок из драматической поэмы»⁹⁵. Тем не менее, очевидно, Уваров послал сигнал: если прежде в столице смотрели на «Московский наблюдатель» со снисхождением и Главное управление цензуры не высказывало в его адрес никаких замечаний, теперь его будут рассматривать куда строже.

Следующий подобный сигнал поступил журналу осенью 1836 г. 14 сентября Уваров указал Строганову на статью «О религии древних персов» из июльской книги журнала. Ее автор, К. Дьяконович-Лога, споря с Надеждиным, сослался на «новые предположения этнологов о разнообразии происхождения рода человеческого», которые, как отметил он, «принимаются за правду очень многими, повторяются даже в учебниках или в учебных курсах»⁹⁶.

Уваров заявил, что «неуместность и предосудительность этого замечания в опровержение Св. Писания» очевидна, и распорядился: цензору, пропустившему статью⁹⁷, сделать строгий выговор в присутствии Цензурного комитета. Далее министр продолжал: «...г. издатель „Московского наблюдателя“ на основании взятой с него в начале прошлого года подписки не менее цензора подлежит в этом случае ответственности, и я прошу Ваше Сиятельство, пригласив его в Цензурный комитет, объявить ему, что ежели направление его издания не переменится и в „Наблюдателе“ еще будут встречаться подобные явно непозволительные места, то Главное управление цензуры вынуждено будет принять надлежащие меры с удалением цензора к прекращению вовсе издаваемого ими журнала»⁹⁸.

Этот сигнал казался куда серьезнее первого. И, вероятно, неслучайно именно после этого Андросов впервые поделился с Краевским своими сомнениями в необходимости продолжать издание. 23 сентября он заявил: «Я не решил еще, что мне делать с своим „Наблюдателем“. Кинуть жаль, а продолжать — не выгодно. Посмотрю»⁹⁹. А уже в ноябре, отвечая ему же, рассказывал о последствиях сентябрьской истории: «Сетования и опасения Ваши после известной строчки весьма основательны. Особенно это разрушительно отзывается в наших журнальных страницах в первое время. Пуганая ворона куста боится»¹⁰⁰.

Учтем то, что повод, избранный Уваровым для укола «Московскому наблюдателю», по меркам того времени отнюдь не выглядел надуманным. Одоевский 30 декабря 1836 г. писал Шевыреву: «...вы, господа, тиснули недавно, что человеческое не происходит от Адама. Как вам не бросилось это в глаза? Горе да и только!»¹⁰¹

Спустя время, в январе 1837 г., Шевырев рассказывал в письме Одоевскому: «Уже много мы слышали и даже читали об этой строке „Наблюдателя“, на которой хотели основать грозный приговор ему, призвавши в обвинители Адама, но нас спас прекрасный Иосиф Сенковский. У нас строка (Бог знает как прошла между ног у Перевощик(ова): ты знаешь, он вроде Полифема), а в „Библиотеке“ целая страница о том же, у вас под носом, да вы не видите, не кричите. Зри статью „Гизо как историк“»¹⁰².

⁹⁵ Погодин М. П. Отрывок из драматической поэмы // Новоселье. СПб., 1833. С. 518–522.

⁹⁶ Дьяконович-Лога К. Несколько замечаний о религии древних персов // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 8. Июль. Кн. 1. С. 97 (3-я пагин).

⁹⁷ Им был профессор астрономии Д. М. Перевощиков. Он служил цензором Московского цензурного комитета от университета с 13 июня 1835 г. и уже 10 июля 1837 г. вышел с этой должности в отставку (Цензоры Российской империи. С. 287).

⁹⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 899. Л. 3–3 об.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 46 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 75.

¹⁰¹ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 5. С. 58.

¹⁰² Речь идет об анонимной статье, в которой, в частности, велись такие рассуждения: «...один ли человек родился первоначально на земле и все без изъятия ныне известные племена произошли от него или могло после этого первого человека и после времен Моисеевых в разных частях планеты родиться еще несколько человек новых пород, представителей

То-то и есть: своих бережете. У вас спускают; <...> а у нас ничего дурного не позволяется сказать, ни о Сенковском, ни о Полевом, как будто бы это люди заживо святые. Попробуйте, скажи, тотчас бумага от У[варова]: „В журналах московских замечается страсть к полемике“»¹⁰³.

По поводу последних слов Шевырева надо заметить: он не догадывался, что такие же распоряжения о полемике министр направлял и в отношении петербургских периодических изданий. К примеру, 14 октября (т. е. в тот самый день, когда Уваров дал указание по поводу публикации в «Московском наблюдателе» и, судя по исходящему номеру, уже после того) министр подписал распоряжение петербургскому попечителю принять меры к прекращению излишних прений¹⁰⁴.

То, что министр, еще два года назад прямо заявивший императору о необходимости иметь в периодической печати противовес петербургским изданиям, теперь стремился предотвратить журнальные столкновения, скорее всего, говорит об изменении расклада сил, влиявших на Николая I и его отношение к печати. Мнение Уварова в глазах императора лишилось пока только некоторой доли прежней своей силы и авторитета.

Строганов же, утвердившись на посту московского попечителя, ни на йоту не облегчил положение «Московского наблюдателя». Сотрудник журнала Н. Ф. Павлов в письме к Краевскому рассказывал в подробностях о цензурных перипетиях, пережитых майским номером журнала за 1837 г.: цензор В. И. Булыгин не пропустил по неясной причине статью Павлова о письмах Карамзина. Затем он не позволил напечатать в конце публикуемой части повести «продолжение впредь»¹⁰⁵. Иначе говоря, недавно принявший на себя обязанности цензора Булыгин¹⁰⁶ использовал тот же самый нелепый повод придрасться к журналу, что и уже покойный Цветаев двумя годами ранее. Значит, эти абсурдные придирки не были инициативой отдельных цензоров.

Окончательно в том убеждает другой эпизод, описанный Павловым: «Погодин в объявлении о журнальных новостях пишет между прочим: „Павлов издает еще Три повести“; г. Булыгин зачеркивает красными чернилами эту фразу, вредную для общественного спокойствия. Погодин говорит: „Киреевский готовится к изданию собранные им русские песни“; г. Булыгин опять начинает путешествие по бумаге красными чернилами. Ему твердят, да это не тот Киреевский; г. Булыгину все равно. <...> Завтра на него принесут жалобу; не знаю, пропустят ли наши имена»¹⁰⁷. В итоге в майской книге в разделе «Журнальные отметки» так и не появилось ни одного краткого сообщения об успехах московских литераторов. Его составляли новости исключительно из европейских стран. Значит, жалоба на деятельность молодого цензора не получила удовлетворения, а это говорит о том, что сделанные им исправления и исключения текста были санкционированы руководством цензурного комитета.

Весьма показательно, что когда в 1838 г. журнал перешел под негласное руководство В. Г. Белинского, тот поначалу тоже сетовал на проблемы с цензурой, но затем в письмах к друзьям он не вспоминал цензуру целый год — с августа 1838 по август 1839 г.¹⁰⁸

и родоначальников тех юных племен, которые мы открыли в Америке, Южной Африке и Австралии? Положим, что вы допустили последнее, так как оно нисколько не противно Священному Писанию...» (Гизо как историк // Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. С. 5).

¹⁰³ Из переписки князя В. Ф. Одоевского. Х. Письма С. П. Шевырева // Русская старина. 1904. № 5. С. 368.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 899. Л. 6.

¹⁰⁵ Вероятно, речь шла о повести А. А. Заволжского «Соседи», публикация первой части которой завершалась словами «Окончание следует» (С. 214).

¹⁰⁶ На службу сторонним цензором он поступил 13 февраля 1837 г. и оставил ее уже в июне следующего года (Цензоры Российской империи. С. 111).

¹⁰⁷ Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 368.

¹⁰⁸ См.: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 11: Письма: 1829–1840. М., 1956. С. 260, 374.

Борьба «чиновничьей партии» с «Московским наблюдателем» имела скрытый характер (точно так же как в столице усобица Уварова с Сенковским), и сами сотрудники журнала отдельные эпизоды этой борьбы воспринимали как проявление глупости конкретных цензоров. Так, Погодин писал 1 декабря 1836 г. Одоевскому: «...бестолковое нашей цензуры придумать ничего нельзя, и я не понимаю, как ее терпят попечитель и министр»¹⁰⁹. Вскоре после этого, 30 декабря, Одоевский заявлял Шевыреву: «Ясно вижу, хотя и не понимаю, отчего журнал в Москве издавать нельзя»¹¹⁰.

Спустя много месяцев, 8 сентября 1837 г., Шевырев, обращаясь к Одоевскому, после слов о произведениях Пушкина добавил: «Вижу более и более, что необходимо существование „Наблюдателя“. Если бы покойник (не тем будь помянут) нам не напроказил, дело шло бы лучше. — Поддерживать журнал мы думаем». А закончил автор письма словами: «Прощай. Пора к министру, который теперь здесь»¹¹¹.

Последняя фраза говорит о том, что Уваров вернул свое расположение Шевыреву и, как увидим далее, Погодину. Но «Московский наблюдатель» поддерживать не собирался. Министру был нужен совершенно новый, лояльный ему журнал.

Журнал Андросова продолжал влачить довольно унылое существование, когда в декабре 1837 г. Уваров, как уже было отмечено, получил у императора разрешение двум московским профессорам выпускать новое ежемесячное издание. Вполне возможно, первые переговоры об этом с министром состоялись именно в сентябре. А уже 2 ноября обсуждение журнала приняло гласный характер и его опять поддержал генерал-губернатор Д. В. Голицын¹¹². Характерно, что Погодин поначалу называл новый журнал «Наблюдателем». В своем дневнике он записал о разговоре, состоявшемся на литературном обеде у генерал-губернатора: «...решено было издавать *Наблюдатель* (sic) мне и Шевыреву. <...> Жуковский хорошо говорил за нас. А Строганов все лавирует»¹¹³.

В сложившейся ситуации московскому попечителю, вероятно, в конце концов оказалось неудобно действовать вопреки интересам Москвы, публично выраженным ее генерал-губернатором, а также воспитателем наследника. Через две недели, 16 ноября, Строганов, совершая очередное «лабиринтное», подписал представление Уварову, в котором просил того ходатайствовать у императора о разрешении журнала «Москвитянин». При этом он добавлял: «Имею честь напомнить, что ваше высокопревосходительство изъявили готовность свою в случае надобности поддержать некоторым пособием со стороны казны издание московских журналов»¹¹⁴. Последние слова косвенно подтверждают предположение, что Уваров еще при сентябрьском визите в Москву согласился поддержать будущий журнал Погодина и Шевырева (ведь никаких других местных журналов в то время не планировалось). Однако в полной мере своего замысла он попечителю раскрывать не стал.

И хотя Андросов продолжал издавать «Московский наблюдатель» до мая 1838 г., когда тот перешел в собственность к владельцу типографии Н. С. Степанову, Уваров разочаровался и в журнале, и в его редакторе. После 1836 г. он не проявлял к изданию никакого интереса, за исключением одного случая: когда в 1837 г. К. А. Полевой

¹⁰⁹ Из переписки князя В. Ф. Одоевского. IV. Письма М. П. Погодина // Русская старина. 1904. Март. С. 710.

¹¹⁰ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 58.

¹¹¹ ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 758. Л. 19.

¹¹² Погодин позднее вспомнил о начале «Москвитянина»: «На обеде у князя Дмитрия Владимировича Голицына решено было издание. Просвещенный московский градоначальник взялся ходатайствовать об этом деле вместе с Жуковским, потому что разрешение издавать журнал сопряжено было тогда с великими затруднениями» (Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 26).

¹¹³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 108. Показательно, что за неделю до этого разговора и Павлов в письме Краевскому высказывался за преобразование «Наблюдателя» (Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому. С. 91).

¹¹⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 109.

попытался получить право на издание «Московского наблюдателя» и ему было в этом отказано¹¹⁵. Очевидно, не в интересах Уварова было уступать своему противнику журнал, даже если для него самого издание оказалось бесполезным.

Успех «Московского наблюдателя» стоит объяснять комплексом причин. Вероятно, далеко не в полной мере соответствовал своей должности редактор журнала. Потому министр и недавние сотрудники Андросова решили новое издание устраивать без него. С большой долей уверенности можно говорить о равнодушии к журналу читательской аудитории, в первую очередь московского общества. Поэтому и Андросов в сентябре 1836 г. восклицал: «Русская публика — сфинкс пустоголовый. <...> Читатели наши требуют наслаждений, чаще — вещь важная — мнений готовых»¹¹⁶. Свидетельствует об этом и то, что обновленный журнал, переданный Степановым в распоряжение Белинского и его товарищей, был закрыт в 1839 г., т.к. не набрал необходимого числа подписчиков. Вероятно, во многом был прав и Гоголь, когда еще до выхода «Наблюдателя» упрекал своих приятелей, основных сотрудников журнала, в лени и равнодушии к собственному детищу¹¹⁷. Однако все эти факторы многократно усиливали постоянное вмешательство в дела издания московской цензуры. Она не только строила препятствия журналу, тормозила его выход, но и обесцвечивала его, лишая оригинальных черт. В итоге то, что выходило под обложкой издания, не могло привлечь ни широкую читательскую публику, ни талантливых авторов. И как следствие этого — «Московский наблюдатель» оказался не интересен Уварову.

Министру для воплощения его замыслов нужен был новый энциклопедический журнал с новыми издателями. Будущее покажет, что и этот журнал попадет в весьма сильную зависимость от московской цензуры. Имея на посту попечителя учебного округа влиятельного и ловкого недруга, Уваров был вынужден сносить многие его козни и тайные происки. Чем поддерживалось и укреплялось влияние Строганова, который долгое время оказывал негласное сопротивление начинаниям министра, — только лишь доверием императора и обычными аристократическими связями? Не опиралось ли оно на покровительство III Отделения — вопрос для отдельного исследования. Уваров недооценил своих скрытых противников, которые сумели изменить расклад сил в придворных кругах. Поэтому история «Московского наблюдателя» представляет, вероятно, первый случай, когда местная цензура долго, целенаправленно и успешно действовала вопреки желания и стремлений министра народного просвещения.

Источники и литература

1. Письма В. П. Андросова А. А. Краевскому // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 391 (Краевский А. А.). Д. 152.
2. Письма С. П. Шевырева В. Ф. Одоевскому с приписками Н. А. Мельгунова // ОР РНБ. Ф. 539 (Одоевский В. Ф.). Оп. 2. Д. 758.
3. Письма В. П. Андросова А. А. Ивановскому // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сигн. 9297/8.
4. Письма Д. П. Голохвастова родным и знакомым // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 404 (Голохвастов Д. П.). Д. 56.
5. Журнал докладов государю императору... 1848 // Государственного архива Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение СЕИВК). 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 19.

¹¹⁵ К истории возникновения «Московского наблюдателя» // Голос минувшего. 1917. Кн. 1. С. 275.

¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 152. Л. 46.

¹¹⁷ Гоголь писал Погодину 7 февраля 1835 г.: «Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать!» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Письма. 1820–1835. М., 1940. С. 538).

6. О разрешении В. П. Андросову издания журнала «Московский наблюдатель». 1834 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 772 (Главное управленческие цензуры). Оп. 1. Д. 724.
7. Об отказе в разрешении издателю газеты «Северная пчела» Н. И. Гречу выпуска особых литературных приложений к ней. 1834 // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 730.
8. О строгом выговоре цензору за пропуск в журнале «Московский наблюдатель» статьи «О религии древних персов». 1836 // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 899.
9. [Андросов В. П.] Как пишут критику // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 6. Апрель. Кн. 1. С. 470–494.
10. [Борисевич А. Т.] «Русский инвалид» за сто лет. 1813–1913 (Юбилейный очерк). Ч. 1. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. 236 с.
11. Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.
12. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х кн. Кн. 4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 450 с.
13. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х кн. Кн. 5. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 520 с.
14. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х кн. Кн. 6. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 400 с.
15. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 11: Письма: 1829–1840 / Подг. текста и прим. К. П. Богаевской; ред. Н. Ф. Бельчиков. М.: Издательство АН СССР, 1956. 718 с.
16. Березкина С. В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. Сборник научных трудов. Вып. 29. СПб.: Наука, 2004. С. 226–248.
17. Бодрова А. С. О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермьковский сборник / Под науч. редакцией: Н. Н. Мазур. Ч. 2. М.: Новое издательство, 2010. С. 350–371.
18. Булгаков А. Я. «У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...» (из «Современных записок и воспоминаний...») А. Я. Булгакова. Записи 1836–1859 гг.) / Публ. С. В. Шумихина // Встречи с прошлым. М.: Русская книга, 2000. Вып. 9. С. 17–112.
19. Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. С. 1–65 (3-я пагин.).
20. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. 381 с.
21. Виттекер Ц. X. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
22. Гизо как историк // Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. С. 1–40 (3 пагин.).
23. Глинка С. Н. Записки. М.: Захаров, 2004. 464 с.
24. Гнеденко В. М. Журнал «Московский наблюдатель» в 1835–1837 годах. Историческое-философские взгляды русских шеллингианцев. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005. 22 с.
25. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Письма: 1820–1835 / Ред. В. В. Гиппиус. М.: Издательство АН СССР, 1940. 540 с.
26. Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.
27. Два новых прихода в Москве и плески фонтанов Тверского бульвара // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 12. Июнь. Кн. 1. С. 380–386.
28. Дмитриев М. М. Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нещумовой. Вступит. статья К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М.: НЛЮ, 1998. 752 с.
29. Дьяконович-Лога К. Несколько замечаний о религии древних персов // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 8. Июль. Кн. 1. С. 89–115.
30. Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская старина. 1887. Т. 53. Январь. С. 16–46.
31. Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 5. С. 47–87.
32. Из переписки князя В. Ф. Одоевского. IV. Письма М. П. Погодина // Русская старина. 1904. Март. С. 705–716.

33. Из переписки князя В. Ф. Одоевского. X. Письма С. П. Шевырева // Русская старина. 1904. Май. С. 367–375.
34. Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публ. и коммент. М. А. Цявловского // Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 1. М., 1936. С. 489–562.
35. К истории возникновения «Московского наблюдателя» [Письмо В. П. Андросова М. А. Максимовичу, 29 декабря 1934 г.] / Вступ. статьи В. П. Науменко, В. И. Семевского // Голос минувшего. 1917. Кн. 1. С. 273–277.
36. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 5–41.
37. Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. 2. XII, 436, 153 с.
38. Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. Очерки и воспоминания // Русская старина. 1881. Т. 31. Август. С. 599–622.
39. Мозги человеческие, открытые «Библиотекой для чтения» // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 12. Июнь. Кн. 1. С. 379–380.
40. Мордовченко Н. И. Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. Т. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. С. 106–150.
41. Москва — Петербург: Pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания: Антология / Сост. К. Г. Исупов. СПб.: Издательство РХГИ, 2000. 711 с.
42. Наблюдатель. Москва и Петербург в литературных отношениях // Московский наблюдатель. 1836. Март. Кн. 1. С. 181–187.
43. Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. Т. 1. 1826–1857. [М.; Л.:] Гослитиздат, 1955. 543 с.
44. Павлов Н. Ф. Сочинения: Три повести. Новые повести. Стихотворения. Статьи / Сост., авт. послесл. и примеч. Л. М. Крупчанов. М.: Советская Россия, 1985. 304 с.
45. Перцов Н. В. Пильщиков И. А. «Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина) // Philologica. 2003/2005. Vol. 8. № 19/20. С. 57–90.
46. Петрунина Н. Н. «На выздоровление Лукулла» // Петрунина Н. Н. Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л.: Наука, 1974. С. 323–361.
47. Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу / С пояснениями С. И. Пономарева. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1882. 143 с.
48. Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива) / Изд. с предисл. и примеч. Н. П. Барсукова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901. 222 с.
49. Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 84–116.
50. Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 60 с.
51. Погодин М. П. Отрывок из драматической поэмы // Новоселье. СПб.: Типография вдовы Плюшара с сыном. 1833. С. 518–522.
52. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 366 с.
53. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: 1837–1937. Т. 16: Переписка. 1835–1837 / Общ. ред. Д. Д. Благой. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. 504 с.
54. П-щ-в Н. [Павлищев Н. И.] Брамбеус и юная словесность // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 2. Июнь. Кн. 1. С. 442–465; Кн. 2. С. 599–637.
55. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 482 с.
56. Свербеев Д. Н. Мои записки / Изд. подгот.: М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М.: Наука, 2014. 942 с.
57. Сироткин В. Г. Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и Новейшая история. 1981. № 1. С. 137–152.

58. *Сироткин В. Г.* Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 77–97.
59. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подг. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. Т. 2: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. К–П. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. 387 с.
60. *Фишер К. И.* Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 262 с.
61. *Хомяков А. С.* Сочинения. Т. 8: Письма. М.: Университетская типография, 1900. С. 192.
62. Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века. Библиографический справочник / Рук. работы Н. Г. Патрушева. СПб., 2013. 480 с.
63. *Шевырев С. П.* О критике вообще и у нас в России // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 493–525.
64. *Шевырев С. П.* Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 5–29.
65. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917. Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.
66. *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.
67. Шуточки «Библиотеки для чтения» // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 8. Июль. Кн. 1. С. 137–140.
68. *Эолова арфа [Тургенев А. И.]*. Письмо из Флоренции // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. С. 296–327.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

С. М. Телегина

М. Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин»

УДК 821.161.1-95:1(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_130

Аннотация: В статье дан анализ критических оценок произведений Лермонтова, содержащихся в рецензиях С. П. Шевырева, А. Е. Студитского, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, А. А. Григорьева, опубликованных в «Москвитянин», крупнейшем журнале «православно-русского направления» середины XIX в., издаваемом М. П. Погодиным. Особое внимание уделено оценкам поэзии и прозы Лермонтова лидера русской консервативной критической мысли С. П. Шевырева в контексте полемики, которую он вел с главой либерального критического направления «Отечественных записок» В. Г. Белинским и с критиком, педагогом и составителем «Полной русской хрестоматии...» (1843) А. Д. Галаховым.

Ключевые слова: «Москвитянин», С. П. Шевырев, роман «Герой нашего времени», поэзия М. Ю. Лермонтова, любомудры, «поэтическая московская школа», «поэзия мысли», Ф. В. Булгарин, А. С. Пушкин, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. А. Григорьев, А. Д. Галахов, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, С. Н. Дурылин.

Об авторе: **Светлана Михайловна Телегина**

Исследователь творчества М. Ю. Лермонтова, член Московского Лермонтовского общества.

E-mail: svetlanatelegina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2565-636X>

Для цитирования: Телегина С. М. М. Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 130–165.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Svetlana M. Telegina

M. Y. Lermontov in the Criticism of the “Moskvityanin” Journal

UDC 821.161.1-95:1(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_130

Abstract: The article provides an analysis of critical assessments of Lermontov’s works contained in reviews by S. P. Shevyrev, A. E. Studitsky, K. S. Aksakov, A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, Yu. F. Samarin, A. A. Grigoriev, published in *Moskvityanin*, the largest journal “Orthodox Particular attention is paid to the assessments of Lermontov’s poetry and prose of the leader of Russian conservative critical thought S. P. Shevyrev in the context of the controversy that he led with the head of the liberal critical direction of Domestic Notes V. G. Belinsky and with the critic, teacher and compiler of the “Complete Russian Chronicle...” (1843) A. D. Galakhov.

Keywords: *Moskvityanin*, S. P. Shevyrev, novel “Hero of Our Time”, M. Yu. Lermontov’s poetry, *Iyubomudra*, “poetic Moscow school”, “thought poetry”, F. V. Bulgarin, A. S. Pushkin, K. S. Aksakov, I. V. Kireevsky, A. A. Grigoriev, A. D. Galakhov, A. S. Homyakov, Yu. F. Samarin, S. N. Durylin.

About the author: **Svetlana Mikhailovna Telegina**

Researcher of creativity M. Y. Lermontov, member of the Moscow Lermontov Society.

E-mail: svetlanatelegina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2565-636X>

For citation: Telegina S. M. M. Y. Lermontov in the Criticism of the “Moskvityanin” Journal. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 130–165.



С. П. Шевырев.

Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов, 1840-е гг.

На роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»¹ и на его первый и единственный прижизненный поэтический сборник² откликнулись все значительные литературные периодические издания и все ведущие русские критики того времени. А. А. Григорьев отмечал, что «литература была тогда *все и одно* в области духа. Литературные симпатии были вместе и общественными и нравственными симпатиями, равно как и антипатии. Новое воззрение литературное поднимало решительную борьбу»³. Журналы «Отечественные записки» (1818–1884) и «Москвитянин» (1841–1856), отражавшие в своей деятельности два основополагающих направления русской критической мысли, столкнулись в острой полемике в оценке творчества молодого автора, ярко заявившего о себе и как поэт, и как прозаик.

Редактора «Москвитянина» Михаила Петровича Погодина (1800–1875) Лермонтов знал по университету — именно профессор Погодин экзаменовал поэта по истории при поступлении; в дальнейшем Лермонтов слушал его лекции, популярность которых была очень высока. Я. И. Костенецкий (1811–1885), учившийся одновременно с Лермонтовым, вспоминал, что Погодин давал студентам «понятие о критической стороне истории, о существовании летописей и других исторических источников, и разбирал их и объяснял с поразительной

для нас ясностью. <...> На лекциях его <...> всегда было множество студентов других факультетов и даже посторонних слушателей»⁴.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) заведовал в журнале «Москвитянин» критическим отделом. Профессор Московского университета, он был одним из тех, кто положил начало систематизации русского литературного наследия. С 1834 г. Шевырев читал лекции по истории всеобщей словесности (поэзия), изданные в 1835 г. в двух томах под названием «История поэзии». Эта книга была награждена Демидовской премией, ее положительно оценил А. С. Пушкин. «Курс, написанный мыслящим, исполненным критического ума писателем», — отмечал Н. В. Гоголь⁵. В 1836 г. Степан Петрович впервые в университете начал читать курс истории русского языка по памятникам, а в следующем году — историю русской словесности, представляющую древние образцы родного языка. По мнению современного исследователя, в «Истории русской словесности, преимущественно древней» (1846) «Шевырев предложил „исторический“ метод анализа литературных явлений, ставший предтечей

¹ Лермонтов М. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Ч. 1, 2. СПб: Тип. Ильи Глазунова и К°, 1840.

² Его же. Стихотворения М. Лермонтова. СПб: Тип. Ильи Глазунова и К°, 1840.

³ Григорьев А. Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Эстетика и критика / Вступ. ст., сост. и примеч. А. И. Журавлевой. М., 1980. С. 236.

⁴ Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография, 1814–1832. Т. 1. М., 1945. С. 239.

⁵ Гоголь Н. В. История поэзии С. Шевырева // Его же. Полное собрание сочинений. [В 14 т.] Т. 8. Статьи. М., 1952. С. 199.

историко-культурной методологии в России»⁶. М. П. Погодин писал о своем соратнике и друге: «Шевырев сделал много для своего времени, он дал сочинения, которые надолго еще останутся лучшими источниками сведений о словесности, как русской, так и иностранной; он дал разборы, в которых заключается много верных, поучительных замечаний о важнейших произведениях искусства; он содействовал образованию тысяч студентов, которых он выучил писать по-русски»⁷.

С творчеством С. П. Шевырева Лермонтов познакомился еще в годы учебы в Московском университетском благородном пансионе (1828–1830), где учился и Степан Петрович (1818–1822), и Лермонтов также как и Шевырев посещал в пансионские годы кружок С. Е. Раича. Московские любомудры — Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков и С. П. Шевырев — основали один из самых значимых русских журналов 20-х гг. XIX в. — «Московский вестник» (1827–1830), издателем которого стал М. П. Погодин.

Поэзия любомудров опиралась на классическую немецкую философию, а основой стал «московский тип образованности», когда философское знание привлекает дворянскую интеллигенцию более, чем социальные и политические проблемы. С. Н. Дурылин писал, что «Гете для Шевырева [и любомудров] — не только величайший поэт современности, он еще основоположник современной эстетики. <...> Шевырев старался раскрыть русскому читателю связь поэтического дела Гете с общим устремлением европейской культуры, как бы приучая их быть русскими европейцами...»⁸ В статье «О состоянии просвещения в России» («Несколько мыслей в план журнала») Д. В. Веневитинов сформулировал кредо любомудров — «поэзия неразлучна с философией»: «Философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следовательно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления...»⁹ По мнению любомудров, «поэзия мысли» должна была сменить пушкинскую «школу гармонической точности».

Пушкин сотрудничал в «Московском вестнике», хвалил стихи Шевырева и Веневитинова, но их единомышленником в деле создания «поэзии мысли» не стал. 2 марта 1827 г. он писал А. А. Дельвигу: «Ты пеняешь мне за „Московский вестник“ — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое...»¹⁰ А 4 марта 1827 г. М. П. Погодин, благоговевший перед Пушкиным, но считавший его «поэтом чувства», а не мысли, в своем дневнике отмечает: «К Пушкину — [он] декламировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного»¹¹.

Журнал «Московский вестник» стал источником знакомства Лермонтова-пансионера с творчеством Шевырева, его поэзией, переводами и критическими статьями, поскольку почти в каждом номере журнала публиковались стихи Степана Петровича; приоритет введения мысли в отечественную поэзию принадлежал ему, он стал вдохновителем этого направления поэзии, главой «поэтической московской школы». В «Обзрении русской словесности за 1827 год» Шевырев подчеркивал:

⁶ Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. М., 2005. С. 101.

⁷ Погодин М. П. Отрывок из воспоминания о С. П. Шевыреве, читанного в заседании Общества любителей Российской словесности 17 января 1865 года // Русский архив. 1865. Вып. 3. Стб. 389.

⁸ Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. Т. 4–6. С. 454.

⁹ Цит. по: История русской литературы: В 4 т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981. С. 347.

¹⁰ Пушкин А. С. Письмо Дельвигу А. А., 2 марта 1827 г. Москва // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 399–400.

¹¹ Погодин М. П. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 22.

«Философия есть наука ближайшая к словесности <...>. Мысль отражается в слове; чем зреее и богаче мысль, тем зреее и слово <...>, тем богаче и содержание словесности»¹². Бессмертие творческой мысли — так можно определить основополагающую тему его лирики:

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаюсь жизни соком;
Но час придет — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:
Не подточить его червям времен,
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потоком дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
<...>¹³

При всем том, он вводил в свои стихи архаизмы, сопрягая их с современным ему русским просторечием, что делало поэзию несколько тяжеловесной, такая «поэзия мысли» не могла стать заменой пушкинскому поэтическому канону с его безукоризненным техническим совершенством. Авторитетный и оригинальный лермонтовед нашего времени, профессор МГУ А. И. Журавлева (1938–2009) отмечала: «По-настоящему адекватный ответ триумфальным достижениям пушкинской стиховой традиции последует чуть позже — это будет поэзия Лермонтова и Тютчева, вырастающая на почве московской культуры, культуры университетской. Поэзия, созданная в неизбежном творческом споре с пушкинской и художественно сопоставимая с ней на главном поле — лирическом»¹⁴. И далее Журавлева делает интересное заключение: «Если никто не прокламировал задачу „московской школы“ так открыто и настойчиво, как Шевырев, то едва ли кто решил эту задачу так убедительно, как Лермонтов. Собственно, *без него* все разговоры о „московской школе“ выглядели бы, пожалуй, умозрительно»¹⁵. Мы к этим словам еще вернемся, когда будем говорить о критическом разборе Шевыревым сборника «Стихотворения М. Лермонтова».

Лермонтова не могли не заинтересовать поэты, утверждавшие, что русскую поэзию необходимо наполнить философским содержанием. О том, что юный пансионер внимательно читал все, что выходило из-под пера Степана Петровича Шевырева, говорят лермонтовские наброски и планы в этот период. Шевырев возвращал читателей «Московского вестника» к национальным истокам — народной поэзии, к русской песне, в том числе к фольклорной разбойничьей песне. Не без влияния шевыревской поэзии пятнадцатилетний Лермонтов записывает: «Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях...»¹⁶ В 1829–

¹² [Шевырев С. П.] Обзорение русской словесности за 1827 год // Московский вестник. 1828. Ч. 1. № 1. С. 61.

¹³ *Его же*. Мысль // Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 164.

¹⁴ Журавлева А. И. «Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе. Лермонтов и Шевырев // *Ее же*. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002. С. 29.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Л., 1979–1981. Т. 4. С. 353. Далее цитаты Лермонтова по этому изданию приводятся с указанием тома и страниц.

1831 г. он создает баллады «Атаман», «Воля», в основе которых — фольклорная разбойничья баллада, а в стихотворной повести «Преступник» он использовал мотивы и отдельные стихи знаменитой «Русской разбойничьей песни» Шевырева (1828). Кроме того, не без влияния поэзии Любомира, в этот период ученичества Лермонтов использует жанры философского монолога. В юношеском стихотворении Лермонтова «Чаша жизни» (1831), отмеченном ярким символическим образом, слышны реминисценции из стихотворения Шевырева «Две чаши» (1826), но, надо отметить, что эта близость у Лермонтова даже в ранних стихах не переходила в тождество. Образ-символ будет присутствовать и в юношеских шедеврах («Парус», «Нищий»), и в стихотворениях зрелого периода («Утес», «Тучи» и др.).

В пансионские годы Лермонтов, вероятно, имел представление не только о творчестве Шевырева, но и о его личности, и о его литературной позиции, если исходить из лермонтовского стихотворения 1829 г. «Романс» («Коварной жизнью недовольный...»), адресатом которого в лермонтоведении считается Степан Петрович Шевырев перед его отъездом в Италию¹⁷. Из стихотворения ясно, что добровольный внешне отъезд героя вынужден внутренними причинами: его преследует «обман» и «низкая клевета» «презрительных людей», также ясна и позиция автора, сочувствующего герою¹⁸:

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

*

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Заглядят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!
(Курсив мой. — С. Т.) (1, 22).

Этому отъезду предшествовала нашумевшая острая полемика С. П. Шевырева с Ф. В. Булгариным, начало которой было положено критическим «Обозрением

¹⁷ В начале 1829 г. княгиня З. А. Волконская предложила Шевыреву стать домашним учителем и воспитателем ее сына Александра, с которым она уезжала в Италию. Шевырев был постоянным посетителем салона княгини, он принял ее предложение и в мае 1829 г. уехал в Италию.

¹⁸ Редактор собрания сочинений Лермонтова Б. М. Эйхенбаум впервые в 1936 г. прокомментировал, принял и обосновал высказанное ранее устно предположение И. Л. Андроникова о Шевыреве как адресате лермонтовского стихотворения. Эта версия была принята в лермонтоведении и не оспаривалась до 1983 г., когда возможным адресатом «Романса» был назван Мицкевич, тем не менее, версия Эйхенбаума считается более убедительной (Вацуро В. Э. Мицкевич в стихах Лермонтова // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: Сборник статей к IX Международному съезду славистов. Л., 1983. С. 109–129).

русской словесности за 1827 год», опубликованным Шевыревым (без подписи) в первом номере 1828 г. «Московского вестника», где критик нелюбезно отозвался о творчестве Булгарина и о газете «Северная пчела», определяя главный характер булгаринских «нравоучительных» произведений как «безжизненность»: «У г. Булгарина вы не найдете светлой, разнообразной, пестрой картины современных обычаев и характеров; он смотрит на них не своими глазами, а сквозь стекло чужеземных писателей, не русские нравы описывает, а переделывает чужие на русские, подражая в этом случае нашим комикам...»¹⁹ Щекотливость ситуации состояла в том, что статья появилась в тот момент, когда редактор журнала М. П. Погодин находился в Петербурге и устанавливал с влиятельным Булгариным литературные и личные контакты. «Я был угощаем в Петербурге Булгариным, который дал особый обед, — Пушкин, Мицкевич, Орловский пировали здесь вместе, — вспоминал Погодин, — и не успел я уехать из Петербурга, как пришла туда первая книжка с громогласным разбором... сочинений Булгарина. Он взбесился, называл меня изменником, и началась пальба...»²⁰

На столь смелый выпад Шевырева с одобрением откликнулся Пушкин в письме к М. П. Погодину от 19 февраля 1828 г.: «О герой Шевырев! О витязь великосердый! — подвизайся, подвизайся!..»²¹ Он в этой статье получил от взыскательного критика высочайшую оценку, однако были задеты пушкинские друзья: Е. А. Баратынский, а во второй части — А. И. Дельвиг. Краткий разбор стихов Баратынского отличался тонким критическим анализом, но сдержанным выводом: «...желание блистать словами в нем [Баратынском] слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства»²². Дельвига ведущий критик «Московского вестника» упрекнул в смешении понятий «поэзия» и «проза» в его альманахе «Северные цветы», на что раздраженный Дельвиг писал Баратынскому из Харькова (март-май 1828 г.): «Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря об ней...»²³

Слова Дельвига о «правоте» Булгарина — намек на его антикритику «О статье: „Обозрение русской словесности за 1827 год“, помещенной в первом номере „Московского вестника“ на 1828 год»²⁴. Ответ Булгарина — придиричивая и несправедливая критика языка и стиля шевыревской статьи — включал сорок один пункт «грубых ошибок против логики и грамматики» и заканчивался такими словами: «Спросим теперь: могут ли люди, которые так мыслят и пишут, иметь голос в делах наук и словесности?..»²⁵ Погодин назвал булгаринскую статью «преглупой», а Лермонтов в стихотворении — «низкой клеветой», поскольку такой грубый ответ был направлен против ученого, которого отличало «редкое познание русского языка» (И. В. Киреевский) и тонкий литературный вкус. Эта полемика получила известность в литературных кругах обеих столиц, несомненно, был осведомлен о ней и Лермонтов. Погодин старался сгладить острою ситуацию и напечатал сдержанный ответ Булгарину, а друзья Шевырева посоветовали ему ехать с княгиней Волконской в Италию, тем более Степан Петрович уже высказывал Погодину намерение оставить журналистику и посвятить себя науке.

«Три с половиной года, проведенные в Италии, стали для молодого литератора лучшей школой — „годами учения“ (Lehrjahre), — отмечает современный исследователь

¹⁹ [Шевырев С. П.] Обзорение русской словесности за 1827 год. С. 77–78.

²⁰ Погодин М. П. Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 38.

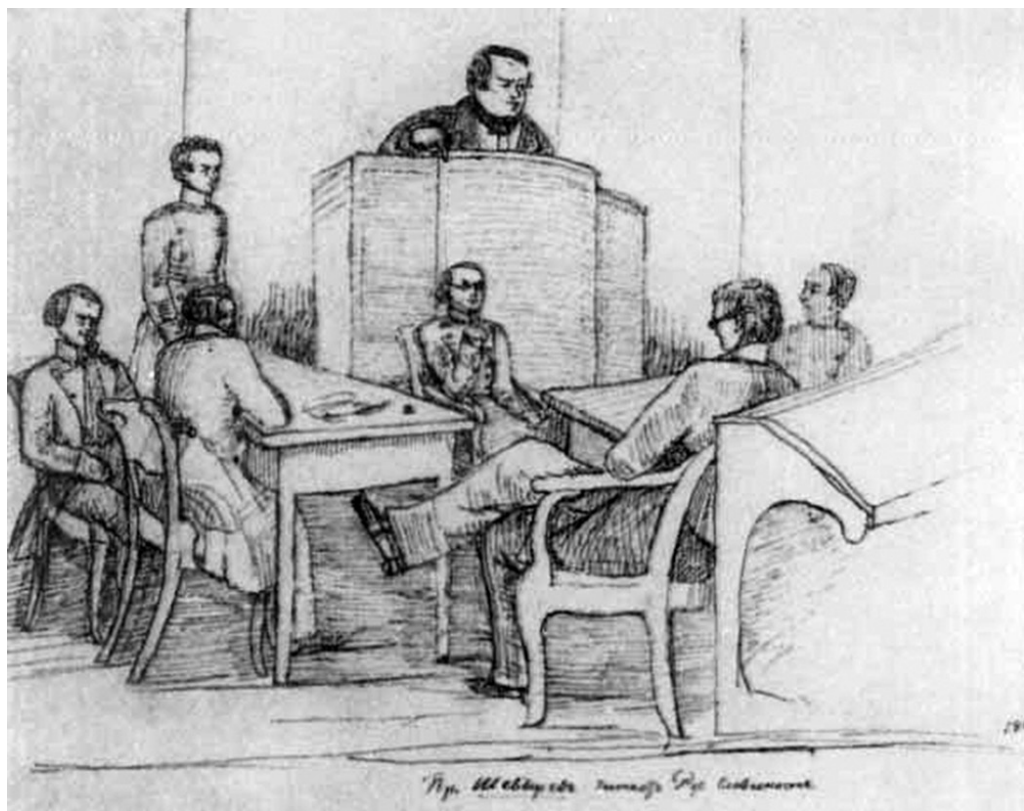
²¹ Пушкин А. С. Письмо М. П. Погодину. 19 февраля 1828 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 373–374.

²² [Шевырев С. П.] Обзорение русской словесности за 1827 год. С. 71.

²³ Дельвиг А. А. Сочинения: Стихотворения. Статьи. Письма. Л., 1986. С. 310.

²⁴ [Булгарин Ф. В.] О статье: «Обозрение русской словесности за 1827 год», помещенной в первом номере «Московского вестника» за 1828 год // Северная пчела. 1828. № 11. 26 янв. С. 4.

²⁵ Там же.



Профессор С. П. Шевырев читает русскую словесность. Худ. Тихомиров, 1844 г.

И. Б. Гаврилов, — он выучил итальянский, испанский и английский языки и прочитал в подлинниках Данте, Петрарку, Ариосто, Шекспира, Сервантеса, Кальдерона и др. Постоянно проживая в Риме на вилле князей Волконских, Шевырев совершал регулярные путешествия по Италии, осматривая художественные памятники Флоренции, Венеции, Неаполя, Милана и др. городов, стремясь „отгадать тайну красоты“²⁶. Вторую поездку за границу Шевырев совершил в 1838–1840 гг. Он посетил лекции археологического института в Риме, слушал лекции в Берлине, Мюнхене, Париже, Лондоне, работал в библиотеках, встречался с западноевропейскими учеными. «Получил <...> международное научное признание как доктор философии Императорского Королевского Пражского университета, действительный член Королевского Афинского Общества изящных искусств и Королевского Датского Общества Северных Антиквариев»²⁷.

Возвратившись в 1840 г. в Россию, Шевырев преподает в Московском университете и возглавляет критический отдел в журнале «Москвитянин», первый номер которого открывался его программной статьей «Взгляд русского на современное образование Европы»²⁸, где были заявлены основные идеи и задачи нового журнала. Шевырев дал блестящий анализ европейского просвещения и указал на роль России в мировой культуре, высказывая предположение, что «в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества». При этом автор статьи называет ряд неизбежных недостатков, которые вынесли русские из дружеского общения с Западом, и «самый неприятный», характерный

²⁶ Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «Русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 241.

²⁷ Там же. С. 254.

²⁸ Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219–296.



Лермонтов после валерикского боя.
Худ. Д. П. Пален, 23 июля 1840 г.

для современной отечественной литературы, — «русская апатия». «Эта апатия причиною в нас и лени, которая одолевает свежую молодежь нашу, и бездейственности многих литераторов и ученых, которые изменяют своему высокому призванию...»²⁹

И далее Шевырев, не называя имени, впервые упоминает М. Ю. Лермонтова и его роман: «Да, разочарование Запада породило у нас одну холодную апатию. Дон-Жуан произвел Евгения Онегина, один из общих русских типов, метко схваченный гениальной мыслью Пушкина из нашей современной жизни. Этот характер повторяется нередко в нашей литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще поэта, нарисовал нам ту же русскую апатию, еще степенью больше, в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени»³⁰.

По мнению Шевырева, устоять в своей самобытности под натиском Запада нам помогут три коренные чувства, сохраненные русским народом, «в которых семя и залог <...> нашему будущему развитию. Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. <...> Чувство государственного единства <...>. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое. <...> Эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему <...>. Третье коренное чувство наше есть осознание нашей народности. <...> Этим чувством рождаются и действуют заодно обе наши столицы, и то, что замыслено в северной, проходит через Москву <...>. Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все пришлое с Запада и получает чистую печать русской народности...»³¹ (Курсив мой. — С. Т.). Эти три коренные чувства, сформулированные Шевыревым, стали основой «православно-русского направления» в общественной мысли России, которое он проповедовал в статьях журнала «Москвитянин». Именно в этом журнале литературно-критическая деятельность профессора Шевырева получила высшее развитие, он разбирал все достойные внимания произведения современной литературы и откликнулся на роман М. Ю. Лермонтова и на сборник его стихотворений.

Аналитическая статья Шевырева о «Герое нашего времени»³² в «Москвитянине» открывала цикл «разборов замечательнейших современных произведений изящной словесности, появившихся в нашем Отечестве в течение трех лет»³³, и предварена была разделом «Вместо введения», в котором автор знакомил своих читателей с «критическим способом воззрения, каким будет руководствоваться»³⁴, отмеченным единством «критики исторической» и «критики эстетической»: «Двоким образом можно рассматривать произведения изящной словесности по тем двум сторонам, которые каждое из них в себе заключает. Одную из этих сторон обращается оно к жизни

²⁹ Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы / Публ., подгот. текста Л. Н. Беленчук // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 4 (7). С. 171.

³⁰ Там же. С. 171–172.

³¹ Там же. С. 173.

³² Его же. «Герой нашего времени» М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.

³³ Его же. Вместо введения // Там же. С. 507.

³⁴ Там же.

современной и служит ей отражением. <...> Чем произведение выше, тем более оно имеет точек соприкосновения с текущей жизнью. Мы вменим себе в особенную обязанность подмечать движение общественной мысли в нашей словесности <...>. Мы употребим все усилия, необходимые для разрешения вопроса жизненного: в какой степени словесность наша отражает жизнь нашего общества? В какой степени может она служить зеркалом русского быта со всем его бесконечным разнообразием?..»³⁵

Шевырев называет литературно-критическую деятельность, которую он начинает в журнале «Москвитянин», «скользким поприщем», ибо ставит перед собой задачи серьезные, сложные и смелые: «...есть в ней [словесности] сторона другая <...>. Эту сторону называем мы эстетической, или художественною. <...> Вся эта сторона исключительно принадлежит автору. В ней отражаются и творческий его талант, и душа его, и характер, и образование. <...> В глубине произведения будет таиться поэтическая мысль, на которую, кроме творца ее, никто не имеет права. Ее тайна кроется в святилище души его. Обличить эту тайну поэта, проникнуть в ее источник — вот самое трудное, самое важное дело критики...»³⁶ Воистину задача трудновыполнимая, ибо *подлинный* душевный портрет всегда остается сокровенной тайной, известной только Богу. Русский философ И. А. Ильин отмечал: «...О живой душе писателя критику нечего распространяться; она ему не дана и не известна. <...> И наивно было бы думать, что усвоение его художественного акта равносильно постижению его души»³⁷.

Полемический тон статей Шевырева, его эрудиция, многосторонняя образованность, глубокая мысль, тонкий критический анализ, остроумие — все это снискало ему высокий авторитет среди патриотически настроенных современников и лидерство в русской критике того времени. Глубокое и сложное, но неоднозначное суждение С. П. Шевырева о Лермонтове можно рассматривать только в контексте той ожесточенной полемики, которую апологет русской жизни Шевырев вел с главой либерального критического направления «Отечественных записок» В. Г. Белинским, известным своими западническими симпатиями, дерзкими инвективами против русской истории и русской самобытности. Отмечая это, будет справедливым сказать, что Белинский сумел оценить и поэзию, и «Героя нашего времени» Лермонтова, и смело поставил его в один ряд с великими писателями мировой литературы, и это при том неблагоприятном впечатлении, которое получил критик после первой встречи с поэтом³⁸. Однако он смог подняться над личной обидой и с исключительной пронизательностью заявил, что роман «Герой нашего времени» представляет собой «совершенно новый мир искусства». Шевырев был несравнимо образованнее Белинского, но «неистового Виссариона» выручал природный дар, то острое

³⁵ Там же. С. 508–509.

³⁶ Там же. С. 509–510.

³⁷ *Ильин И. А.* О чтении и критике // *Его же.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Мюнхен, 1959. С. 11.

³⁸ «Лермонтов, громадою ума своего и какою-то тайной души, был опытнее, старше, зрелее Белинского, — отмечал В. В. Розанов. — Тут вовсе дело не в фактическом знании; а в какой-то способности посмотреть на жизнь, взглянуть на людей: и в момент понять в них *то*, что Белинский до гроба так и не понял, и не мог бы понять, проживи он хоть и до семидесяти лет (*Розанов В. В.* В. Г. Белинский (К 100-летию со дня рождения) // *Его же.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 504–505). С Лермонтовым Белинский познакомился в Пятигорске летом 1837 г., но расстались они с неприязнью, поскольку поэт высказал о Вольтере, в то время весьма почитаемом молодым критиком, пренебрежительное мнение, в котором проявилась та удивительная зрелость лермонтовского ума, на которую указывал Розанов: «„Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — заключил в конце Лермонтов, — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в губернеры“. Белинский в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты. <...> [После такого неудачного знакомства] Белинский иначе не называл Лермонтова, как *пошляком*, а Лермонтов Белинского — *недоучившимся фанфароном*, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость» (*Сатин Н. М.* Орывки из воспоминаний // *М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников.* М., 1989. С. 251).



В. Г. Белинский.
Худ. К. А. Горбунов, 1838 г.

эстетическое и критическое чутье, которое И. С. Тургенев называл у него «особым инстинктом прекрасного», вот почему многие критические оценки Белинского так точны и до сего времени имеют основополагающее значение.

Полярность мировоззрений и непримиримость позиций Шевырева и Белинского привели к тому, что полемика приобретала все более острый характер, а резкий тон доходил до оскорбительного, они обменивались колкими статьями, не скупясь на взаимные обвинения. Poleмика началась еще в 1836 г. статьей Белинского «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“»³⁹, которая предлагала не диалоговое общение, а была нацелена на конфронтацию, хотя и не содержала резких выпадов. Для университетского профессора Шевырева, высокообразованного, но эмоционального, Белинский, человек, который нигде серьезно не учился, был «рыцарем без имени». «Вот

его внешние признаки, — пишет Шевырев, — цельная, из одного куска литая броня наглости прикрывает в нем самое невинное невежество. <...> На щите вместо девиза, кривыми и громадными (любимое его слово), буквами, написано: убеждение. <...> Сам, бобыль литературный, последний внук литератора-промышленника, он не хочет уважать никаких преданий, не признает никакого авторитета, кроме того, который он сам возведет <...>. Беда предмету его убеждения <...>. Если случится ему признать кого-нибудь за талант, он подносит ему тотчас эпитет громадного; поклоняется ему наравне с Шекспиром»⁴⁰.

Свой ответ в журнале «Отечественные записки» Белинский назвал «Педант», и эта характеристика закрепилась в среде западников. Критика «Отечественных записок» была, по сути, злым памфлетом, в котором автор бойким журналистским пером нарисовал издевательскую карикатуру на своего оппонента: «...Мой педант <...> не без ума и не без способностей; он только ограничен, но не глуп, только мелочно самолюбив, но не бездарен. <...> Натянутая важность лица, при смешной фигуре и круглом брюшке, сделала его похожим на лягушку, которая, в басне Езопа, хочет раздуться в вола. Самолюбие его действительно раздулось. <...> Мой педант принимает под свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное и наповал бранит все, в чем есть жизнь, душа, талант <...>. Педант все простит вам, кроме невыносимой для него обиды — быть умнее и талантливее его...»⁴¹

Надо признать, что Шевыреву нужна была немалая выдержка, чтобы продолжать борьбу с партией «Отечественных записок». Вероятно, восторженные оценки «неистового Виссариона» о романе и поэзии Лермонтова и панегирические статьи в «Северной пчеле» давнего литературного противника Степана Петровича Ф. В. Булгарина, давшего исключительно высокую оценку «Герою нашего времени» как «лучшему роману на русском языке», мешали Шевыреву сохранять беспристрастность,

³⁹ Белинский В. Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Телескоп. 1836. Ч. XXXII. № 5. С. 120–154

⁴⁰ Шевырев С. П. Взгляд на современное направление русской литературы. (Вместо Предисловия ко второму году «Москвитянина».) Статья первая. Сторона черная // Москвитянин. 1842. № 1. С. 28.

⁴¹ Белинский В. Г. Педант. Литературный тип // Его же. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842–1843. М., 1955. С. 72–74.

но уже в первой рецензии на лермонтовский роман он сразу же признал выдающийся талант Лермонтова: «С особенным радушием готовы мы на первых страницах нашей критики приветствовать свежий талант при его первом явлении и охотно посвящаем подробный и искренный разбор „Герою нашего времени“, как одному из замечательнейших произведений нашей современной словесности»⁴². Исходя из своего «критического метода воззрения», в основе которого лежало единство «исторической» и «эстетической критики», «талант г. Лермонтова» критик оценивает очень высоко: «Талант решительный и разнообразный, почти равно владеющий и стихом, и прозой. <...> Он и одушевленный лирик, и замечательный повествователь. Оба мира поэзии, наш внутренний, душевный, и внешний, действительный, равно для него доступны. Редко бывает, чтобы в таком молодом таланте жизнь и искусство являлись в столь неразрывной и тесной связи. <...> Верное чувство жизни дружно в новом поэте с верным чувством изящного. <...> На исполнении видна во всем печать строгого вкуса: нет никакой приторной выисканности, и с первого раза особенно поражают эта трезвость, эта полнота и краткость выражения, которые свойственны талантам более опытным, а в юности означают силу дара необыкновенного»⁴³.

Отводя Лермонтову первое место в русской литературе после пушкинского периода, взыскательный критик говорит о несомненных достоинствах романа, указывая на мастерство автора в описании «картин величавой природы Кавказа», вообще колоритной кавказской жизни горцев, подчеркивая при этом преимущества Лермонтова перед стилем А. А. Бестужева-Марлинского: «С особенным удовольствием можем мы заметить в похвалу нового кавказского живописца, что он не увлекся пестротой и яркостью красок, а, верный вкусу изящного, покорила трезвую кисть свою картинам природы и списывал их без всякого преувеличения <...>. Дорога через Гуд-гору и Крестовую, Кайшаурская долина описаны верно и живо...»⁴⁴ Остановившись на двух повестях — «Бэла» и «Княжна Мери» — с точки зрения «критики исторической», Шевырев должен признать, что они полностью отвечают тем требованиям к произведению изящной словесности, которые он предъявил в разделе «Вместо введения», — «служить зеркалом русского быта со всем его бесконечным разнообразием»: «[Автор] изобразил две картины, из которых первая взята более из жизни племен кавказских, вторая из светской жизни русского общества. <...> Там Азия, которой люди, по словам Максима Максимовича, „что реки: никак нельзя положиться!..“. Но всего живее, всего поразительнее эта история похищения коня, Карагеца, которая входит в завязку повести... Она метко схвачена из жизни горцев. <...> Вся эта повесть вынута прямо из нравов черкесских. В другой картине вы видите русское образованное общество. <...> Весь этот мир — верный сколок с живой и пустой нашей действительности. Он везде один и тот же... в Петербурге и в Москве, на водах Кисловодска и Эмса. Везде он разносит праздную лень свою, злоязычие, мелкие страсти»⁴⁵.

Тонко подмечены критиком характеристические черты «замечательнейших созданий поэта»: Бэлы («...дикое, робкое дитя природы, в котором чувство любви развивается просто, естественно <...>. Как мила, как грациозна <...> в ее простоте!»), княжны Мери («...в ней все природные чувства подавлены какою-то вредною мечтательностью, каким-то искусственным воспитанием. <...> Нам досадно на нее, когда она оглядывается на галерею, боясь, чтобы мать не заметила ее прекрасного поступка. <...> Мы отдаем всю справедливость наблюдательности [автора], которая искусно схватила черту предрассудка, не приносящего чести обществу, именуящему себя христианским») и контрабандистки из «Тамани» («...причудливого создания, в котором отчасти слились воздушная неопределенность Гетевой Миньоны и грациозная дикость Эсмеральды Гюго»)⁴⁶.

⁴² Шевырев С. П. «Герой нашего времени» М. Лермонтова. С. 516.

⁴³ Там же. С. 515–516.

⁴⁴ Там же. С. 519.

⁴⁵ Там же. С. 520–521.

⁴⁶ Там же. С. 523–524.

Шевырев дает емкую характеристику Грушницкому («...тщеславен. <...> Он любит без любви»), а особое предпочтение получает Максим Максимович: «Какой цельный характер коренного русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования, который, при мнимой наружной холодности воина, наглядявшегося на опасности, сохранил весь пыл, всю жизнь души. <...> Свежая, непочатая природа! Чистая детская душа в старом воине! Вот тип этого характера, в котором отзывается наша древняя Русь! <...> Давно, давно мы не встречались в литературе нашей с таким милым и симпатичным характером, который тем приятнее для нас, что взят из коренного русского быта»⁴⁷.

Интересно отметить, что Степан Петрович оставляет совершенно без внимания повесть «Тамань», кроме беглой характеристики загадочной Ундины. Художественное чутье критика не откликнулось на красоту стиля повести, которую считали «совершенством в художественном отношении» Лев Толстой, Дмитрий Григорович, Антон Чехов, Борис Зайцев, Иван Бунин и др. Тем не менее, Шевырев проходит мимо «двух маленьких эскизов», «Тамани» и «Фаталиста», которые, по его мнению, служат только дополнением к «двум другим значительнейшим» повестям, «Бэле» и «Княжне Мери».

Вторая часть статьи посвящена Печорину. Принимая все его слова буквально, вне авторского подтекста, того художественного намека, несущего скрытый смысл, который автор использует для изображения жизни человеческой души, сложных психологических состояний, критик не находит в характере Печорина ни одной сколько-нибудь положительной черты, ни одного доброго поступка, не верит ни одному благородному движению его души. («Мы не верим тому, чтобы в этом живом мертвецке могла сохраниться любовь к природе, которую приписывает ему автор»⁴⁸): «Апатия, следствие развращенной юности и всех пороков воспитания, породила в нем томительную скуку, скука же, сочетавшись с непомерною гордостью духа властолюбивого, произвела в Печорине злодея. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры»⁴⁹.

По мнению Шевырева, такой тип невозможен «в мире изящного искусства»: «Зло как главный предмет художественного произведения может быть изображаемо только крупными чертами идеального типа. Таким является оно в „Аду“ у Данта, в „Макбете“ Шекспира <...>. Поэзия допускает иногда зло героем в свой мир, но в виде Титана, а не Пигмея...»⁵⁰ Иными словами, Печорин не отвечает требованиям «критики эстетической», но, как увидим далее, герой романа не выдерживает и «критики исторической», и в этом, считает Шевырев, «главный и существенный недостаток изображения». Подчеркивая авторский дар «наблюдателя-психолога», Шевырев делает одно тонкое замечание, хотя и сказанное мимоходом, но поколебавшее его стройную критическую концепцию: «А между тем эта душа была сильная душа, которая могла совершить что-то высокое... Он сам в одном месте своего журнала сознает в себе это призвание. <...> Когда взглянешь на силу этой погибшей души, то становится жаль ее, как одну из жертв тяжкой болезни века...»⁵¹ В этой характеристике Печорина Шевырев невольно сближается с Белинским. Но, в отличие от него, критик «Москвитянина», будучи поборником идеи официальной народности, рассматривал героя романа не только в социальном и моральном аспекте, но и в патриотическом, видя «корень всему злу в западном воспитании», а в характере Печорина — «тень западного недуга»: «По мнению автора, Печорин есть герой нашего времени. В этом выражается и взгляд его на жизнь, нам современную, и основная мысль произведения. Если это так, стало быть, век наш тяжело болен. <...> И в самом деле, если обратимся мы на Запад, то найдем, что горькая ирония автора есть тяжкая правда. <...> Печорин

⁴⁷ Там же. С. 525–526.

⁴⁸ Там же. С. 529.

⁴⁹ Там же. С. 532.

⁵⁰ Там же. С. 535.

⁵¹ Там же. С. 532.

не имеет в себе ничего существенного относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов. Вот существенный недостаток произведения»⁵².

Диагноз, поставленный Лермонтовым, в представлении Шевырева, является заслугой пронизательного молодого прозаика, поэтому критик в конце статьи подтверждает высокую оценку нового романа, который «и в своем существенном недостатке имеет глубокое значение в нашей русской жизни. Все содержание повестей г-на Лермонтова, кроме Печорина, принадлежит нашей <...> жизни; но сам Печорин <...> — это призрак <...>. И в этом отношении произведение г-на Лермонтова носит в себе глубокую истину и даже нравственную важность. Он выдает нам этот призрак, принадлежащий не ему одному, а многим из поколений живущих, за что-то действительно — и нам становится страшно, и вот полезный эффект его ужасной картины. Поэты, получившие от природы такой дар предугадания жизни, как г-н Лермонтов, могут быть изучаемы в своих произведениях с великою пользою, относительно к нравственному состоянию нашего общества»⁵³. В таких поэтах без их ведома отражается жизнь, им современная: они, как воздушная арфа, доносят своими звуками о тех тайных движениях атмосферы, которых наше тупое чувство и заметить не может. Употребим же с пользою урок, предлагаемый поэтом»⁵⁴.

Однако образ Печорина при игнорировании авторского контекста оказался в рецепции критика «Москвитянина» совсем не таким, каким он был представлен автором, для которого «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...» (4, 225). Именно «историю души» современного человека раскрывал первый русский психологический роман, но эту историю в силу новизны воплощения нужно было еще научиться читать и понимать, не закрывая глаза на беспощадную правду.

Рецензия такого авторитетного критика, которого он знал и уважал еще в пансионские годы, несомненно, обратила особое внимание автора романа. Лермонтов написал свое конгениальное предисловие ко второму изданию «Героя нашего времени», в котором был ответ критикам, в том числе и С. П. Шевыреву: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. <...> Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. <...> Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы <...> скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?.. <...> Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! <...> Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!» (4, 184).

⁵² Там же. С. 533, 536.

⁵³ С этой мыслью Шевырева перекликается суждение С. Н. Дурьлина: «Лермонтов был первым европейцем нашим, потому что первый слышал <...> крик [Байрона об одиночестве и пустынности европейского человека] и повторил его за себя и за Россию, за будущее <...> в России» (Дурьлин С. Н. Россия и Лермонтов (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // Христианская Мысль. Киев, 1916. Кн. 2. С. 143).

⁵⁴ Шевырев С. П. «Герой нашего времени» М. Лермонтова. С. 536–538.

Будучи в творчестве всегда «неотвлекаемо серьезен» (П. П. Перцов), Лермонтов принципиально уклонился от того опасного для писателя пути нравоучительной нотации⁵⁵, который привел Гоголя и Льва Толстого к творческому и духовному кризису, подчеркнув, что первый признак духовного выздоровления — видение своих пороков, излечить от которых может только Бог, ибо «кто сознает болезнь свою, тот близок к врачеванию своему и легко найдет оно»⁵⁶.

Выдающийся русский философ В. Ф. Асмус (1894–1975) подчеркивал: «Как поэт, наделенный редкой силой самосознания, Лермонтов великолепно знал сложную природу образов искусства, которые одновременно являются и даром поэтического вымысла, свободно комбинирующей фантазии, и точным до беспощадности, трезвым до глубин натуры изображением действительности. Для него не было ничего удивительного в откликах <...> на центральный образ „Героя нашего времени“. Со снисходительным добродушием и терпением гения он преподавал (в предисловии ко второму изданию романа) несколько уроков элементарной эстетики. <...> Ему в совершенстве была введома эстетическая диалектика — одновременные и адекватность и неадекватность образов искусства, неподвластность их нормам натуралистической истины, под видом полноты лишь обедняющей действительность, и подчиненность их вольной и широкой правде художественного вымысла — той правде, которая открывает и запечатлевает не явное, но существенное, <...> и определяется непреложной необходимостью следования истине»⁵⁷.

Гораздо сложнее понять и принять позицию Шевырева в рецензии на сборник «Стихотворения М. Лермонтова», которая была опубликована вскоре после первой статьи о «Герое нашего времени», в четвертом номере журнала «Москвитянин» за 1841 г.⁵⁸ В этой небольшой книге содержится только двадцать шесть стихотворений из четырехсот и две поэмы из тридцати, написанных к тому времени поэтом. Лермонтов сам редактировал сборник и, как видим, произвел очень строгий отбор, хотя издатель А. Д. Киреев никоим образом не ограничивал объем будущего издания. Тем не менее, поэт забраковал даже такие юношеские шедевры, как «Парус», «Ангел», «Мой дом», «Небо и звезды» и др. «Если книжка так мала, то это исключительно благодаря великой требовательности автора. <...> Редактором самого себя Лермонтов оказался исключительно строгим, — писал профессор С. Н. Дурьин почти через сто лет после выхода сборника. — То, что *сам* Лермонтов предложил своему читателю, по безукоризненности выбора, по строго художественной выдержанности не может сравниться с тем, что считали возможным [впервые] предлагать своему читателю даже Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, не говоря уже о Некрасове. <...> Для выступления в печати Лермонтов дождался наступления совершенной зрелости своего дарования. Пушкин явился в печати с ученическими подражательными стихами, изобличившими влияние Державина, Жуковского, Батюшкова, французских поэтов XVIII в., он начал с „пробы пера“, — Лермонтов дебютировал „Бородиным“ и „Песней о Калашникове“; иначе сказать, Пушкин дал просочиться в литературу всей своей отроческой лирике — Лермонтов забраковал ее всю, сделав единственное исключение для „Ангела“...»⁵⁹

Совсем по-другому оценивал лермонтовский сборник профессор Шевырев, его статья начинается с откровенного сомнения в необходимости такого раннего издания молодым поэтом своего сборника: «Нам кажется, что еще рано было ему собирать

⁵⁵ «Мерилон [в творчестве] всегда останется следующее правило: не стремись „учить“, навязывать готовые теории и доказывать их; не посягай на проповедь; изображай, а не навязывай, и главное — не рассуждай вне образов; блюди тайну, свободу и неприкосновенность твоего художественного созерцания; пиши <...> ни для чего иного, как только для искусства. И ты будешь верен классической традиции русского искусства» (Ильин И. А. О чтении и критике... С. 20).

⁵⁶ *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1993. С. 9.

⁵⁷ Асмус В. Ф. *Круг идей Лермонтова* // М. Ю. Лермонтов. М., 1941. Кн. 1. С. 127–128.

⁵⁸ *Шевырев С. П.* Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 2. Кн. 4. С. 525–540.

⁵⁹ *Дурьин С. Н.* Как работал Лермонтов // *Его же.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 2014. С. 463–464.

свои звуки, рассеянные по альманахам и журналам, в одно: такого рода собрания и позволительны, и необходимы бывают тогда, когда уже лирик образовался и в замечательных произведениях запечатлел свой оригинальный, решительный характер. <...> Да, признаем, что мы в недоумении. Мы хотели бы начертать портрет лирика; но материалов еще слишком мало для того, чтобы этот портрет был возможен. К тому же, с первого раза, поражает нас в сих произведениях какой-то необыкновенный протеизм таланта, правда, замечательного, но, тем не менее, опасный развитию оригинальному»⁶⁰. Такое заявление критика в самом начале статьи не сулило ничего хорошего для поэта, хотя на фоне русского литературного процесса XIX в., на первый взгляд, в определении «поэт-Протей»⁶¹ нет ничего уничижительного, поскольку протеизм воспринимался в тот период как отзывчивость, всемирная и национальная, присущая не просто талантливому писателю или поэту, но художественному гению, который «обнаруживает могущество Протея, способного являться во всех формах» (В. Г. Белинский). Протеизм — это еще и умение использовать опыт предшественников, все многообразие отечественной и мировой литературы. И. П. Эккерман записал слова И. В. Гете о благотворном влиянии на начинающего художника опыта мастеров прошлого: «4 января 1827. Гете очень хвалил стихи Виктора Гюго. „Это большой талант, — сказал он, — и на него повлияла немецкая литература <...>. Внимательно в него вчитываясь, я начинаю понимать, откуда происходит он сам и ему подобные свежие таланты. От Шатобриана, бесспорно, обладающего риторически-поэтическим даром. <...> В искусстве едва ли не главенствующую роль играет преемственность. Когда видишь большого мастера, обнаруживаешь, что он использовал лучшие черты своих предшественников и что именно это сделало его великим...“⁶². Самого Гете называли Протеем, вкладывая в это определения высшую похвалу его гению.

Определение Пушкина как поэта-Протея дал в 1832 г. Н. И. Гнедич в поэтическом послании «Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.», которая, как известно, является вольной обработкой народной сказки «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», записанной известным русским собирателем фольклора, историком и литературоведом А. Н. Афанасьевым в пяти вариантах.

Пушкин, Протей
 Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!
 Уши закрой от похвал и сравнений
 Добрых друзей;
 Пой, как поешь ты, родной соловей!..⁶³

Пушкин удивлял современников и пушкинистов многообразием тем и стилей, они отмечали в его текстах реминисценции, скрытое и прямое цитирование из русских и зарубежных авторов, синтез разных начал поэзии предшественников, он как Протей менял свой облик. Эту особенность творческой манеры расценивали обычно как великое новаторство, как новое художественное открытие первого поэта. Гнедич в стихотворении также говорит о «несравненности» гения Пушкина в постижении «тайнства русского духа и мира». После Гнедича определение «гений-Протей», «поэтический Протей» в отношении Пушкина использовал Белинский, но глубокое объяснение

⁶⁰ Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей: антология: В 2 т. Т. 1. СПб., 2013. С. 148.

⁶¹ Протей (др.-греч. Πρωτεύς) — в древнегреческой мифологии морское божество; сын Посейдона и Геры. Обладал уникальной способностью к перевоплощению (метаморфозе), принимал любые обличья (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1991–1992. Т. 2. С. 342).

⁶² Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1986. С. 189, 191.

⁶³ Гнедич Н. И. Письмо Пушкину А. С., 23 апреля 1832 г. Петербург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 361–362.

этому явлению дал Гоголь в 1845 г.: «Сам Гете, этот Протей из поэтов, стремившийся объять все, как в мире природы, так и в мире наук, показал уже сим самым наукообразным стремлением своим личность свою <...>. Все наши русские поэты <...> удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет. Что схватили из его сочинений о нем самом? <...> Наместо его предстанет <...> чудный образ, на все откликающийся <...>. И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец, в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариной времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русской весь с головы до ног...»⁶⁴

По определению Гоголя, протеизм Пушкина выражается в его редкостной способности «откликаться» на чужие миры и культуры и в то же время всегда сохранять свое национальное лицо русского поэта. Несомненно, на гоголевскую характеристику обратил внимание Достоевский и преломил ее в своей речи о Пушкине в тезис о всемирной отзывчивости Пушкина: «...не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном...»⁶⁵

В то время термин «протеизм» по отношению к Пушкину уже не использовался несколько десятилетий, поскольку определение «Пушкин–Протей» сочли неудобным, обедняющим наследие первого поэта России, и ученые заменили его термином «пародия», подразумевая под ним «стилизацию» и «имитацию», как это объяснялось в «Словаре древней и новой поэзии» (1821). Видный советский пушкинист, профессор Г. П. Макогоненко прямо указывает, что на смену терминов и вообще «на направление изучения Пушкина, несомненно, повлиял С. П. Шевырев [своей рецензией на Стихотворения М. Лермонтова], *первым отождествивший протеизм с подражанием. Художник-протей, по Шевыреву, — подражатель, имитатор, повторитель чужого...*»⁶⁶ (Курсив мой. — С. Т.).

Развивая свою мысль о протеизме Лермонтова, Шевырев порой теряет чувство меры, делая обидные для поэта сравнения и пренебрежительные выводы: «Начиная с Жуковского, <...> каждый из замечательнейших лириков наших имеет вместе с оригинальностью своей поэтической мысли и оригинальность внешнего выражения, отмеченную в особенности стиха, принадлежащего лицу поэта и соответствующего его поэтической идее. <...> Можно заметить, что даже бездарные стихотворцы имеют свой особенный род какофонии <...>. Когда вы внимательно прислушиваетесь к звукам <...> новой лиры, которая подала нам повод к такому рассуждению, вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кириши Данилова, то Бенедиктова; примечается не только в звуках, но и во всем форма их созданий; иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова; иногда видна манера поэтов иностранных — и сквозь все это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что, собственно, принадлежит новому поэту и где предстает он самим собою. Вот что выше назвали мы протеизмом. Да, г-н Лермонтов как стихотворец явился на первый раз Протеем с необыкновенным талантом: его лира не обозначила еще своего особенного строя; нет, он подносит ее к лирам известнейших поэтов наших и умеет с большим искусством подладить свою на строй, уже известный»⁶⁷.

Скрупулезно Шевырев делает выписки, «для того, чтобы очевидными примерами доказать истину»⁶⁸, перечисляет примеры переключек стихов Лермонтова со стихами

⁶⁴ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // *Его же. Полное собрание сочинений*: [В 14 т.] Т. 8. С. 380, 384.

⁶⁵ Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. 1880 август. Глава вторая. Пушкин: очерк. Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // *Его же. Собрание сочинений*: В 15 т. СПб., 1995. Т. 14. С. 438.

⁶⁶ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974. С. 261.

⁶⁷ Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra... С. 148–150.

⁶⁸ Там же. С. 156.

предшественников и современников, подчас проявляя заметный субъективизм и некорректно указывая на видимые ему признаки реминисценций. Создается впечатление, что критика «интересует только то, в чем Лермонтов не Лермонтов»⁶⁹. Так, по его мнению, «„Казачья колыбельная песня“ (1840), при всей красоте своей и истине, своим содержанием напоминает подобную колыбельную песенку В. Скотта: „Lullaby of an infant chief“»⁷⁰. Дурылин писал, что такую версию можно принять за анекдот⁷¹, ибо только изощренное в своей предвзятости критическое воображение могло отказать в самобытности поэту, создавшему в этом стихотворении высокий образец поэтического перевоплощения, когда поэт так вживается в чувство матери, что говорит от ее имени с непринужденностью и простодушием колоритной и чистой народной речи.

Известно, что Шевырев чрезвычайно высоко ценил поэзию В. Бенедиктова, называя его «поэтом мысли», а Лермонтова считал его подражателем: «„Молитва“ (1837) и „Тучи“ (1840) до того отзываются звуками, оборотами, выражением лиры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены в собрание его стихотворений. Прочтите и поверьте сами наше замечание <...>. Читая эти стихи, кто не припомнит „Полярную звезду“ и „Незабвенную“ Бенедиктова?»⁷² Припомним и мы:

В дни, когда в груди моей чувство развивалось
Так свежо и молодо
И мечтой согретое сердце не сжималось
От земного холода, —
В сумраке безвестности за Невой широкою,
Небом сокровенная,
Как она несла свою тихо и торжественно
Грудь полуразвитую!..
(Вл. Бенедиктов. «Незабвенная») ⁷³.

* * *

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного...
(М. Лермонтов. «Молитва». 1837) (1, 380).

А. А. Григорьев через 20 лет недоумевал, как можно было «млеть в пифическом восторге от поэзии Бенедиктова и выискивать грамматические ошибки в стихах Лермонтова»⁷⁴. Не понятно пристрастие высокообразованного критика, не почувствовавшего в лермонтовском стихе дыхание святыни, не увидевшего разницы между

⁶⁹ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 17.

⁷⁰ «Колыбельная юному вождю». 1815. Приведем подстрочный перевод первой строфы:

О, тише, мое дитя, скоро придет время,
Когда твой сон будет нарушен трубой и барабаном,
Поэтому тише, мой дорогой, отдыхай, пока можешь,
Борьба начинается с мужественностью, а пробуждение — с началом дня...

(Цит. по: Павлова М. В. О. Чюмина — переводчик поэзии В. Скотта (конец XIX в.) // Имагология и компаративистика. Томск, 2015. № 2. С. 147–157).

⁷¹ Дурылин С. Н. В своем углу... С. 18.

⁷² Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra... С. 154–155.

⁷³ Стихотворения Владимира Бенедиктова. Первая книга. [Изд. третье]. СПб., 1842. С. 4.

⁷⁴ Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Его же*. Эстетика и критика. М., 1980. С. 303.

гениальным стихотворением — гимном высокому чувству, которое «не ищет своего». (1 Кор 13:5), и грамотно сделанными стихами, являющими читателю изящную форму, где нет души.

Резкое неприятие у критика вызвала лермонтовская «Дума», названная им «черной, траурной, роковой»: «...такие произведения, нарушая гармонию чувства, совершенно противны миру прекрасного, потому что эти думы не могут отозваться приятно в душе ваших сверстников. <...> Не так, не так, как вы, понимаем мы современное назначение высшего из искусств у нас в отечестве. Нам кажется, что для русской поэзии неприличны <...> мечты отчаянного разочарования, не истекающего ниоткуда...»⁷⁵ Вероятно, университетский профессор, входивший на правах родственника в дом московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, знал жизнь менее боевого армейского поручика. Вот что пишет их современник В. В. Боборыкин (1817–1885) — родной дядя известного писателя П. Д. Боборыкина, учившийся вместе с Лермонтовым в юнкерской школе, но, по собственному признанию, не подозревавшего масштаба его дарования: «Обладая несколькими тысячами рублей и полную, безответственную свободу и не имея никакой определенной цели, <...> я приехал жить в Москву, тратя время на обеды, поездки к цыганам, загородные гулянья и ежедневные посещения Английского клуба, где играл в лото по 50 руб. асс. ставку и почти постоянно выигрывал. Товарищами этого беспутного прожигания жизни и мотовства были молодые люди лучшего общества <...>. Между ними назову: князя А. Б<арягинского>, барона Д. Р<озена>, М<онго-Столыпина> и некоторых других. И вот в их-то компании я <...> в 1840 году встретил М. Ю. Лермонтова, возвращавшегося с Кавказа <...>. Мы друг другу не сказали ни слова, но устремленного на меня взора Михаила Юрьевича я до сих пор забыть не могу: так и виделись в этом взоре впоследствии читанные мною его слова:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно...

<...> Нужно было особое покровительство providения, чтобы выйти из этого маразма. Не скрою, что глубокий, проникающий в душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем»⁷⁶. Если к этому свидетельству присоединить обнаруженные уже в XX в. красноречивые письма родственника и приятеля Лермонтова — А. А. Столыпина-Монго к сестре М. А. Бек (во втором браке Вяземской)⁷⁷, то становится очевидно, что «героев» своей «Думы» поэт несколько лет наблюдал совсем рядом.

Несмотря на то, что для Шевырева «новый поэт предстает каким-то эклектиком, который, как пчела, собирает в себя все прежние сладости русской музыки»⁷⁸, критик обнаруживает в ряде стихотворений «особенную личность поэта, не столько

⁷⁵ Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra... С. 158.

⁷⁶ Боборыкин В. В. Три встречи с М. Ю. Лермонтовым // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 181.

⁷⁷ А. А. Столыпин — М. А. Бек. Декабрь 1840 г. Тифлис: «...Я нарисую вам картину времяпрепровождения здесь. В 10 часов я поднимаюсь, мы пьем кофе: Гагарин, Васильчиков, Жерве и я, — потом мы поем все знакомые арии, потом... Я лично не делаю ничего, а, впрочем, я курю, лежа на персидских коврах. В час дня легкий завтрак, потом все уходят на прогулку, делают визиты. К пяти возвращаются, обедают и затем отправляются в турецкие бани, чтобы сделать себе массаж. После это пьют чай и ложатся. За исключением праздников, во весь день ни о чем не приходится думать. <...> После этого думайте о нашей жизни что вам угодно, но, что бы вы ни сказали, я в данное время не перемену ее ни на какую другую...» (Недумов С. И. Ближайшее окружение поэта. А. А. Столыпин (Монго) // Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология: В 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 1. С. 786–787.

⁷⁸ Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra... С. 156.

в поэтической форме выражения, сколько в образе мыслей и в чувствах <...>. Лучшие стихотворения в этом роде, конечно, „Дары Терека“ и „Колыбельная казачья песенка“⁷⁹. Оба внушены поэту Кавказом, оба схвачены верно из тамошней жизни...⁸⁰ В «Трех пальмах» и в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» Шевырев отмечает «верное искреннее, простосердечное чувство природы <...>. Это чувство, святое и великое, может быть зародышем многого прекрасного. Прекрасны и глубоки чувства дружбы, выраженные в стихах „Памяти А. И. О-го“, и чувства религиозные в двух „Молитвах“»⁸¹, но и в них Шевырев уловил подражание Пушкину и Бенедиктову, а в «военной песенке „Бородино“» — Денису Давыдову.

По определению Шевырева, в поэме «Песнь про царя Ивана Васильевича...» «стихотворец-Протей является во всем блеске своего дарования», это «мастерское подражание эпическому стилю русских песен, известных под именем собирателя их Кириши Данилова <...>. Нельзя довольно надивиться тому, как искусно поэт умел перенять все приемы русского песельника. <...> это не набор выражений из Кириши, не подделка, не рабское подражание, — нет, это создание в духе и стиле наших древних эпических песен. Если <...> свободное подражание может взойти на степеней создания, то, конечно, в этом случае. <...> К тому же содержание этой картины имеет глубокое историческое значение — и характеры опричника и купца Калашникова чисто народные»⁸².

Как видим, даже при такой комплиментарной оценке Лермонтов для Шевырева остается *подражателем*. Вместе с тем, без сомнения, поэма произвела на Шевырева очень сильное впечатление, он упоминает ее в полемике с Г. Д. Галаховым, о которой будем говорить ниже. Здесь Степан Петрович приглушает подражательный акцент, подчеркивая, что «дальнейшее развитие Лермонтова, как поэта русского» повторило бы «процесс развития Пушкина»: «Есть одно стихотворение у Лермонтова, которое служит нам верною порукою в том, что это сделалось бы впоследствии: мы разумею прекрасную его „Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, в которой он так глубоко выразил чувство нашей древней семейной чести в лице купца Калашникова и иронию власти — историческую черту в характере Ивана Грозного, свидетельствуемую всеми его сочинениями. Тут верный зародыш будущей русской простой, незатянутой драмы из нашего древнего быта; тут порука для нас в том, что Лермонтов обратился бы от характеров-призраков, каковы его Мцыри и Печорин, к характерам существенным, историческим, которых давно ожидает русская поэзия от поэтов нового поколения, идущих по следам Пушкина»⁸³.

И хотя сам Шевырев неоднократно подчеркивал свое искреннее стремление к беспристрастной оценке художественных произведений, его странное отношение к лермонтовской поэзии все-таки остается загадкой до сего дня, несмотря на то, что учеными в XX в. был сделан сравнительный анализ Шевырева-поэта с Лермонтовым и уже в наше время даже высказывалось мнение, что «Лермонтову-поэту Шевырев завидовал» и в его критических разборах «сквозит едва скрываемое раздражение»⁸⁴. Современный исследователь К. В. Ратников в своей книге указывает на «прежние литературоведческие стереотипы», когда «советские литературоведы усматривали в литературно-критических суждениях Шевырева одни лишь нападки и придирки, якобы имевшие своей целью дискредитацию его общественной позиции»⁸⁵. Конечно,

⁷⁹ У Лермонтова: «Казачья колыбельная песня».

⁸⁰ Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra... С. 157.

⁸¹ Там же. С. 154.

⁸² Там же. С. 150.

⁸³ Шевырев С. П. [Рецензия.] Полная русская хрестоматия // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. С. 503.

⁸⁴ Катаев В. Б. Московский университет и Лермонтов // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 906.

⁸⁵ Ратников К. В. Критическая оценка С. П. Шевыревым творчества М. Ю. Лермонтова (Пересмотр прежних литературоведческих стереотипов // *Его же*. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Ч. 2. Челябинск, 2007. С. 41.

нельзя сказать, что Шевырев не признавал выдающийся талант Лермонтова, здесь просматривается явная предвзятость советских ученых к «реакционному критику Николаевской эпохи», — безусловно, признавал, особенно талант прозаика, что подтверждают глубокие и взвешенные оценки критика в рецензии на роман «Герой нашего времени». Но если быть объективными, то не следует впадать и в другую крайность и представлять Шевырева апологетом Лермонтова. Из всего сказанного выше видно, что рядом с высокими или просто положительными оценками поэзии Лермонтова у Шевырева *всегда* присутствуют оговорки о его протеизме, эклектизме, что особенно заметно в оценке «Песни про царя Ивана Васильевича...», о чем сказано выше.

Тем не менее, как уже упоминалось, сам Шевырев наравне с Хомяковым из всех любомудров вызывал у Лермонтова неизменный, живой интерес, и связь между лирикой Шевырева и Лермонтова можно проследить не только в пансионский период поэта (о чем говорилось выше), но и в зрелых произведениях. А. И. Журавлева обращает внимание на три очевидные параллели: «Дары Терека» Лермонтова — «Тибр» Шевырева, «Спор» Лермонтова — «Петроград» Шевырева, лермонтовская «Родина» — «К непригожей матери» Шевырева⁸⁶. Но следует подчеркнуть, что разработка тем совершенно разная и, повторим, эта близость никогда не переходила у Лермонтова в тождество. По мнению А. И. Журавлевой, «при всей учености и теоретичности Шевырева его роднит с Лермонтовым некая лирическая непосредственность. <...> Философическая риторика и аллегоризм у Лермонтова перерастали постепенно в емкую философскую символику, а расширение ритмико-мелодического репертуара <...> дало новые возможности стиху в разработке живой речи. <...> Живая лирическая нить к Лермонтову тянется не столько от „олимпийца“ Тютчева, сколько от „педанта“ Шевырева. В своем знаменитом стихотворении „Мудрость“ Шевырев очень точно сказал о себе: „Мои все жилы были струны, / Я сам — хваления орган“. Поэт как сосуд познающего духа, как нечто отдельное от своей собственной человеческой личности — таков художник у любомудров. Это поэзия мысли, а не мышления, как у Лермонтова. Мысль связана с внебиографическим „я“, мышление — процесс внебиографически невозможный. Поэзия мышления — это, собственно, синоним поэтической духовной биографии <...>. Категория становления необходима в поэзии мышления, т.е. в философской лирике, связывающей интеллектуальный план с личным. *И этот переворот в создаваемой московскими поэтами философской лирике был совершен Лермонтовым.* Если считать, что Шевырев как поэт несколько недореализовался в Шевыреве-поэте, то в поэте Лермонтове он реализовался вполне (*хоть сам этого, судя по его критическим отзывам о Лермонтове, и не заметил*)»⁸⁷ (Курсив мой. — С. Т.).

На жесткость критики Шевыревым поэзии Лермонтова обратил внимание А. С. Хомяков, всегда высоко ценивший лермонтовский «истинный талант и как поэта, и как прозатора»⁸⁸; он писал летом 1841 г. Н. М. Языкову: «В „Москвитянин“ был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, по-моему, несколько несправедливый; Лермонтов отмстил очень благоразумно: дал в „Москвитянин“ славную пьесу „Спор Шата с Казбеком“, стихи прекрасные»⁸⁹. Стихи эти, переданные Лермонтовым через Самарина, были одобрительно встречены славянофилами. Ю. Ф. Самарин в мае 1841 г. писал М. П. Погодину: «Посылаю Вам приношение Лермонтова в Ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за Вас, и за всех читателей „Москвитянина“»⁹⁰. Следует отметить, что после такого жесткого разбора

⁸⁶ Журавлева А. И. «Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе. Лермонтов и Шевырев... С. 33–34.

⁸⁷ Там же. С. 31–33.

⁸⁸ А. С. Хомяков — Н. М. Языкову. 20 мая 1840 г. // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Письма. М., 1900. С. 95.

⁸⁹ А. С. Хомяков — Н. М. Языкову. <1841> // Там же. С. 104.

⁹⁰ Цит. по: Захаров В. А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М., 2017. С. 578.

его поэзии в «Москвитяине» «русоман»⁹¹ Лермонтов сам сделал шаг к сближению с православно-патриотическим журналом, среди литераторов это было редким явлением. Здесь, видимо, сыграла роль лермонтовская любовь к старомосковскому историческому миру, к народной поэзии, народному быту и народной речи — ко всему тому, что пропагандировал погодинский журнал. При всем том Лермонтов смотрел на проблемы современной жизни глазами гения, получившего, по определению самого же Шевырева, от природы дар предугадания жизни, поэтому в нем проявлялась удивительная зрелость ума, он видел то, что человек обыкновенный, хотя и блестяще образованный, заметить не может. Удивительно, что, понимая этот дар Лермонтова, Шевырев проглядел в нем своего единомышленника.

Даже П. А. Вяземский, скептически относившийся к Лермонтову, писал 22 сентября 1841 г., уже после смерти Лермонтова, Шевыреву: «Кстати о Лермонтове. Вы были слишком строги к нему. Разумеется, в таланте его отзывались воспоминания, впечатления чужие; но много было и того, что означало сильную и коренную самобытность, которая впоследствии одолела бы все внешнее и заимствованное. Дикий поэт, то есть неуч, как Державин, например, мог быть оригинален с первого шага; но молодой поэт, образованный каким бы то ни было учением, воспитанием и чтением, должен неминуемо протереться на свою дорогу по тропам избитым и сквозь ряд нескольких любимцев, которые пробудили, вызвали и, так сказать, оснастили его дарование. В поэзии, как в живописи, должны быть школы...»⁹²

В шевыревском определении дара Лермонтова как подражательного, как «поэта-протeya» (хотя и с оговоркой — «с необыкновенным талантом»), в этом стремлении принизить оригинальность лермонтовской поэзии, сказался не только «художественный дальтонизм» Шевырева, но, по меткому определению Ю. Ф. Самарина, его «неспособность забыть себя в присутствии высокого создания», ибо жесткая оценка была опять же направлена в пику восторгам Белинского, и Лермонтов, которого превозносил «неистовый Виссарион», попал Шевыреву под горячую руку в этой литературной борьбе. Степан Петрович, несомненно, обратил внимание и на статью В. С. Межевича о «Стихотворениях М. Лермонтова», опубликованную в болгаринской газете «Северная пчела», в которой поэзия Лермонтова получила высокую оценку как проникнутая «русским духом, глубиной мысли самобытной, независимой от чуждого влияния»⁹³. Сам же Лермонтов не примыкал ни к одной из литературных партий, его мысль была обращена на *вечную духовную борьбу*, ту борьбу, о которой позже скажет герой Достоевского: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Он сумел «из литературы, из романтического канона, первым в России прорваться к высочайшей религиозной проблеме о конечных судьбах Зла и Добра»⁹⁴, поскольку был, по определению архим. Константина (Зайцева), явлением «свехлитературным»⁹⁵, ему удавалось почти невозможное — «быть вне литературы или над литературой» (А. А. Ахматова).

Самарин, утонченный интеллектuaл «с возвышенным характером», в письме к К. С. Аксакову дал пронизательную характеристику Шевыреву-критику, которая проясняет и причину его ошибочных суждений: «В Шевыреве нет той простоты и того смирения, без которых не может быть доступна тайна художественного произведения, не может быть полного наслаждения. Я считаю его неспособным

⁹¹ «Я видел русомана Лермонтова в последний его проезд через Москву. „Ах, если б мне позволено было оставить службу, — сказал он мне, — с каким бы удовольствием поселился бы я здесь навсегда“...» (Вишель Ф. Ф. Письмо к Н. В. Сушкову в Симбирск. 1840 // *Щеголев П. Е. Лермонтов. Воспоминания, письма, дневники.* М., 1999. С. 366).

⁹² П. А. Вяземский — С. П. Шевыреву. 22 сентября 1841 г. // *Русский Архив.* 1885. Кн. 2. С. 307.

⁹³ *Межевич В. С. Стихотворения М. Лермонтова (Письмо к Ф. В. Булгарину)* // М. Ю. Лермонтов: *pro et contra...* С. 86.

⁹⁴ *Дурьлин С. Н. Судьба Лермонтова* // *Русская мысль.* 1914. № 10 (окт). С. 12.

⁹⁵ *Константин (Зайцев), архим.* Лермонтов (1814–1841). К 150-летию рождения // *Его же.* Чудо русской истории. М., 2000. С. 723.



Лермонтов на смертном одре. Гравюра И. Матюшина с барельефа М. Цейдлера 1884 г., выполненного по картине Р. Шведе 1841 г.

забыть себя в присутствии высокого создания, забыть, что он критик, что он изучал искусство, что он был в Италии, и потому должен понимать и видеть больше, лучше и прежде других, которые не были в Италии и не изучали искусства. Зато никогда не откроется ему то, что утаено от премудрых и открыто младенцам...»⁹⁶

Тем не менее, Шевырев писал в ответ на упреки П. А. Вяземского: «Лермонтова ценить я умел: выразил я его и в своих разборах, и в своем стихотворении»⁹⁷. Нелицеприятные оценки не помешали Степану Петровичу проявить высокое благородство характера, откликнувшись на смерть поэта проникновенными стихами и анонимным горьким некрологом «Кончина Лермонтова» в журнале «Москвитянин»: «Еще утрата в русской литературе! Одна из прекрасных надежд ее, М. Ю. Лермонтов, скончался на Кавказе 15-го июля. Давно ли мы радовались его расцветанию — и уже должны оплакивать потерю! Он был предводителем самого младшего поколения словесности нашей; бодро шел вперед; развитие его обещало много; Кавказ посылал ему новые вдохновения. Теперь все кончено. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, сколько прекрасных талантов погибает у нас безвременно!»⁹⁸

Глубокое потрясение Шевырева отразилось и в его стихотворении «На смерть поэта», проникнутом острым чувством скорби и сожаления о невосполнимой

⁹⁶ Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову. <Вторая половина октября 1842 г.> // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 298–299.

⁹⁷ С. П. Шевырев — П. А. Вяземскому. 15 декабря 1841 г. // Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов: (из Остафьевского архива). СПб., 1901. С. 139.

⁹⁸ [Шевырев С. П.] Кончина Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. V. № 9. С. 320.

потере. Это был самый ранний поэтический отклик на лермонтовскую трагическую гибель, напечатанный в конце 1841 г. (Русская беседа. СПб., 1841. Т. 2. Б/стр.):

Не призывай небесных вдохновений
На высь чела, венчанного звездой;
Не заводи высоких песнопений,
О юноша, пред суетной толпой.
Коль грудь твою огонь небес объемлет
И гением чело твоё светло, —
Ты берегись: безумный рок не дремлет
И шлет свинец на светлое чело...
(С. П. Шевырев. «На смерть поэта»⁹⁹).

Несмотря на это, мнение Шевырева о поэзии Лермонтова после его смерти в принципе осталось без изменений. Во второй части большой статьи «Взгляд на современную русскую литературу. Сторона светлая», посвященной вопросам «состояния русского языка и слога», Шевырев, называет Лермонтова «последователем Пушкина» и отмечает преемственную связь лермонтовской прозы с повестями Пушкина, делая, как и прежде, оговорки о лермонтовском таланте, не успевшем развернуться во всей самобытности и оставшемся лишь «отблеском нашего великого гения»: «Судьба этого Поэта, чудесным образом, во многих подробностях связалась с судьбою Пушкина. Ему как будто назначено было, на первых порах его развития, явиться самым верным и ярким отблеском нашего великого гения. Это спутник, светло вспыхнувший тотчас после того, как закатилась планета, и погасший тем же путем, в той же бездне, как и она, не успев образоваться сам особенным миром. Никто из всего нового поколения не был призван к тому, чтобы так душевно понять и глубоко усвоить себе искусство Пушкина. Это наследство не *упрек* оригинальному таланту Лермонтова, который не мог выбрать лучшего учителя и не имел времени раскрыться во всей красе своей самобытности. Простота и оконченность внешних форм в его повести достались ему по преданию от его наставника, которому со временем он верно бы наследовал»¹⁰⁰.

Через год в статье «Критический перечень русской литературы 1843 года» под впечатлением только что опубликованного в альманахе «Утренняя заря» неизвестного ранее стихотворения «Валлерик» (так!) Шевырев опять говорит о Лермонтове как о *преемнике Пушкина*, который для него недосягаем как художник, поэтому возможность поставить Лермонтова на русском литературном Парнасе рядом с Пушкиным или даже выше него воспринимается Шевыревым с негодованием и расценивается как кощунство, как угроза Пушкину. Он подчеркивает, что, в отличие от Пушкина, который «был полным цветом Русской Поэзии», «в стихах Лермонтова отзывается явно отголосок лиры другого»¹⁰¹, тем самым в который раз указывая на подражательный характер лермонтовской поэзии: «Из стихов Утренней Зари всех замечательнее конечно последнее стихотворение Лермонтова: Валлерик. Формы его прекрасны своею простотою; но они все-таки напоминают до того Пушкина, что мы еще и отсюда не можем отгадать, какое новое направление принял бы талант Лермонтова. <...> Мы всегда останемся убеждены, что дарование Лермонтова назначено было к великому развитию, что самое направление его духа изменилось бы, и что литература наша в лице его понесла великую потерю. Несмотря на то, мы не можем без негодования слышать суждения тех непризванных критиков, которые <...> готовы теперь же поставить Лермонтова выше

⁹⁹ Розанов И. Лермонтов в поэзии его современников // М. Ю. Лермонтов. М., 1948. Кн. 2. С. 782–793.

¹⁰⁰ Шевырев С. П. Взгляд на современную русскую литературу. Ст. 2. Сторона светлая: Состояние русского языка и слога // Москвитянин. 1842. Ч. 2. № 3. С. 175–176.

¹⁰¹ Его же. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. № 3. С. 182.

Пушкина. Такое мнение вперяется даже и молодому поколению, и обнаруживает в суждях только ограниченность и слабость ума, <...> совершенное отсутствие основательных познаний в истории нашей Словесности, и может быть еще гадкую, призрачную мысль, которая ненавистна была бы душе самого Лермонтова <...>. Пушкин был полным цветом Русской Поэзии. <...> У Пушкина всякой стих сотворен и льется из полной души возмужалого Поэта; в стихах Лермонтова отзывается явно отголосок лиры другого... Да не подумают некоторые, что мы хотим унижать дарование Поэта, которого утрату сами сильно чувствовали и оплакивали... Нет, но мы восстаем только против вопиющей несправедливости, против ложного направления, которое хотят навязать молодому, свежему поколению... Дело в том, что поэзия Русская в лице Лермонтова не сделала ни шагу вперед против Пушкина, потому что сам Поэт не успел еще достигнуть той зрелости развития, какой достиг Пушкин... Лермонтова же хотят употребить как средство для того, чтобы расторгнуть через него союз молодого поколения с Пушкиным и нарушить связь преданий...»¹⁰²

В 1843 г. вышла «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречий и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» историка литературы, критика и педагога Алексея Дмитриевича Галахова, предназначенная для учебных заведений России. Хрестоматия выдержала около сорока изданий и использовалась в преподавании до 1918 г. Выход этого пособия заслуженно называют событием в литературной жизни, поскольку Галахов *впервые* вводил в школьный обиход произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Фета, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и многих других отечественных авторов. Сам автор-составитель впоследствии писал в воспоминаниях: «Мысль о составлении хрестоматии была внушена мне недостатком такого сборника, по которому учащиеся могли бы знакомиться с образцовыми творениями родной словесности не только периодов Ломоносовского и Карамзинского, но и следовавшей за ними эпохи Пушкина, который еще не допускался в школу, хотя уже прошло несколько лет после его смерти»¹⁰³. Из М. Ю. Лермонтова в «Полную русскую хрестоматию...» Галахов поместил фрагменты из «Героя нашего времени», «Мцыри», «Демона» и несколько стихотворений: «Ветка Палестины», «Молитва» («В минуту жизни трудную»), «Казачья колыбельная песня», «Парус», «Воздушный корабль», «Из Гете».

Однако профессор Шевырев подверг резкой критике «Полную русскую хрестоматию...», увидев в ней нарушение принципа исторической преемственности. Особое недовольство было высказано Степаном Петровичем по поводу включения в Хрестоматию, предназначенную для учебных заведений России, произведений Лермонтова как подражательных и содержащих, по его мнению, грамматические ошибки, о чем критик писал в рецензии, опубликованной в «Москвитянине»: «Имя его [Лермонтова] поставлено два раза в предисловии, наравне с именами Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина и даже Шиллера и Гете... Все это, признаюсь, может дать ученикам самые ложные понятия о поэзии Запада и нашей. Такие строки имен, без разбора поставленных, ничего не значат в журнальной статье; но в учебнике они производят вред неискоренимый. Да не подумают читатели, чтобы мы хотели посягать на славу молодого поэта, который умер во цвете лет и которого потеря до сих пор нам чувствительна... Мы с радостью приветствовали прекрасное его дарование; не признавали только направления в некоторых пиесах, но уверены были, что оно изменилось бы впоследствии потому, что не представляло ничего оригинального, а отзывалось очевидным подражанием. <...> Судьба рановременно скрыла от нас все богатство будущего, еще не развившегося в Лермонтове, и не позволила ему занять первенствующее место наравне с теми творцами и двигателями Русского слова, которые до конца раскрыли дар, от Бога им данный, и были полными выразителями той или другой стороны в Русской Поэзии. Я спрашиваю: какое

¹⁰² Там же. С. 181–182.

¹⁰³ Галахов А. Д. История одной книги // *Его же*. Записки человека. URL: http://az.lib.ru/g/galahow_a_d/text_1888_zapiski_cheloveka.shtml (дата обращения: 12.12.2020).

новое начало и что творческого внесено было Лермонтовым в мир Русской поэзии или Русского слова для того, чтобы стать ему наравне с Карамзиным, который превратил всю Русскую прежнюю речь в новую и довел нас до просвещенного сознания нашей народности; наравне с Жуковским, который внес стихию романтическую в нашу Поэзию и вместе с Батюшковым преобразил формы Русского стиха; наравне с Пушкиным, который воспринял в себя все приготовленное предшественниками и творчески внес полное сознание народного духа в Поэзию. <...> Лермонтов <...> начал с того, что совместил в лире своей звуки всех тех поэтов, которые, начиная с Жуковского, были его учителями. Оригинальность же его собственного таланта едва-едва начала только выражаться в Кавказских его стихотворениях, как судьба прервала нить его жизни...»¹⁰⁴

Составитель, будучи в то время педагогом Московского Александровского института благородных девиц и малоизвестным критиком, «не подчиняясь авторитету нападающего, поднимает брошенный им перчатку и немедленно вступает с ним в бой»¹⁰⁵. Возникла бурная полемика в прессе, неожиданный ход которой вызвал интерес литературной Москвы. А. П. Елагина в письме к А. Н. Попову отметила: «Литература наша отличается перебранкою Шевырева с Галаховым за хрестоматию и чуть ли это не единственное явление»¹⁰⁶. В ответе на критику Шевырева Галахов писал: «*Девять писателей произведены мною в знаменитости, по мнению г. Шевырева. Лермонтов, Соколовский, Кольцов, Струговщиков, Красов, Майков, Алексеев, Огарев, И. Панаев. Где же прочие восемьдесят семь, [помещенные в хрестоматию,] от Ломоносова до Фета? Разве они исчезли в лучах славы современных корифеев нашей словесности, моих знаменитостей? <...> Между исчисленными писателями, действительно, не в шутку, есть знаменитость — и моя, и ваша, и всех нас. Это — Лермонтов, который в некоторых стихотворениях: *Горные вершины, Воздушный корабль*, пишет стихом Жуковского, в *Новоселье, Трех пальмах, Дарах Терка, Споры, Тамаре*, возвысился до Пушкина, а в *Думе и Герое нашего времени* стал выше их. Г. Шевырев, подметив букву и не прочитав духа, открыл когда-то, что Лермонтов подражал не только Жуковскому и Пушкину, но даже г. Бенедиктову! Упрямство, противное духу любознательности, принуждает его держаться мнения, однажды высказанного <...> — и вот 6-й № «Москвитянина» производит автора *Новоселья* в подражатели... Марлинскому?! Сходство внешнего посмеялось над прозорливостью критика; форма мысли закрыла от него мысль, он забыл, что тем же метром стиха, тем же строем периода могут выражаться не те же мысли. Он поступил, как поступают те, которые по одинаковому переплету книг заключают о тождестве их содержания. <...> Лермонтов — подражатель! Что ж это за Прометей такой, который едва вышел в свет, как разом усвоил себе слово первых поэтов наших: там пишет как Жуковский и Пушкин, здесь как никто?.. <...> Но, главное, при некотором подобии формы, заметном в некоторых пьесах, у Лермонтова свое мирозерцание <...>. До того богат он собственным добром, так глубока его мысль и оригинально содержание его песен, что не сумеет подражать ему не только г. Бенедиктов, но и Жуковский. Слона-то и не заметил г. Шевырев. <...> „Какое новое начало (спрашивает он) и что творческого внесено было Лермонтовым в мир русской поэзии или русского слова для того, чтобы стать ему наравне с Карамзиным, Жуковским Батюшковым и Пушкиным?“ Отвечаю: *мысль*, от вас ускользнувшая. <...> В поэме „Мцыри“ Лермонтов только что подражатель Жуковскому? — Любопытно знать, какая именно пьеса Жуковского послужила образцом Лермонтову? Уж не Шильонский ли Узник, записанный одними мужскими стихами, как и „Мцыри“? Так это, во-первых, не Жуковский, а Байрон. А во-вторых, стало быть, и Жуковский или Байрон подражали Ломоносову, который в „Вечернем размышлении о Божием величестве“ употребил одни мужские рифмы? Что за понятие о подражании! Я сегодня написал*

¹⁰⁴ Шевырев С. П. [Рецензия.] Полная русская хрестоматия... С. 501–503.

¹⁰⁵ Галахов А. Д. История одной книги...

¹⁰⁶ Е. П. Елагина — А. Н. Попову. 30 сент. (1843) // Русский Архив. 1886. Вып. 3. С. 343.

стихотворение ямбическим размером, вы завтра воспользуетесь тем же размером: следовательно, вы подражаете мне! Помилуйте г. Шевырев!..»¹⁰⁷

Вместе с тем, в этой полемике Шевыревым было высказано одно важнейшее замечание: он *первый* выступил против представления Белинского о Лермонтове как о «певце демона», и это было великое начинание. С. П. Шевырев прямо указывал, что Белинский «самою позорною клеветою чернит совесть покойного поэта перед всей русской публикой, не в шутку уверяя ее, что русская поэзия в лице Лермонтова в первый раз вступила в самую тесную дружбу, с кем бы вы думали?.. с чертом! Такой чертовщины никогда еще не бывало в русской критике. <...> Лучшая дань уважения, какую можем теперь принести дарованию Лермонтова, будет состоять в том, чтобы защитить память усопшего поэта от той клеветы и того неуважения, которыми его пятнают...» Следует отметить, что в этой же статье, посвященной разбору хрестоматии А. Галахова, Шевырев обращает внимание на отрывок из «Демона», указывая только на смысловые несоответствия и грамматические ошибки в стихах, но не делая даже намека на тот инфернальный соблазн темы, о котором писали в дальнейшем мыслители Серебряного века.

К тому же отметим, что славянофилы, несмотря на неприятие образа Печорина, никогда не обвиняли Лермонтова в «демонизме». А. С. Хомяков видел в «Демоне» Лермонтова не религиозный соблазн, а только дань западной традиции и «болезненное сознание своего одиночества и своего бессилия». Трактовку же, акцентирующую внимание на «демонизме» Лермонтова, Хомяков называл слепой («безглазой»): «...Скорбя о себе и о всем, что их окружало в обществе, [лучшие представители нашего просвещения] часто оглядывались с утешительной, но неясною надеждою на ту великую Русь, от которой они чувствовали себя оторванными. Я мог бы это показать в последних творениях Пушкина; но ни в ком болезненное сознание своего одиночества и своего бессилия не высказалось так ясно, как в Лермонтове. <...> Эта черта в нем гораздо важнее, чем мнимый демонизм, принятый им <...> с Запада и восхищавший близорукую публику и безглазую критику»¹⁰⁸. Тем не менее, ряд философов Серебряного века не вняли предостережениям славянофилов и, продолжив критическую «чертовщину» Белинского, создали весьма устойчивый миф и породили последователей, которые стали бесцеремонно приписывать Лермонтову речи его персонажей, тем самым культивируя его богоборческий образ.

В 1845 г. по договоренности с Погодиным журнал «Москвитянин» начал неофициально редактировать видный славянофил И. В. Киреевский, некогда издатель и редактор «Европейца»; так славянофилами была предпринята попытка издавать свой журнал, в их редакции вышло три номера. Сам Иван Киреевский для обновленного «Москвитянина» подготовил более десятка работ, среди которых была программная статья «Обозрение современного состояния словесности», где автор показал общее направление и особенности культурного развития России в сравнении с Западной Европой и дал глубокий анализ современных журналов и газет.

Говоря о журнале «Отечественные записки» как выразителе западничества, Киреевский упоминает Лермонтова, с иронией замечая, что журнал, «...стараясь уменьшить литературную репутацию Державина, Карамзина, Жуковского, Баратынского, Языкова, Хомякова, на место их превозносит И. Тургенева и Ф. Майкова, поставляя их таким образом в одну категорию с Лермонтовым, который, вероятно, сам избрал бы себе не это место в литературе нашей»¹⁰⁹. П. В. Анненков писал впоследствии о высоком уровне «славянофильских» выпусков журнала, особо выделяя статьи И. В. Киреевского, при чтении которых стало ясно, что «для славянской партии тип европейской

¹⁰⁷ Галахов А. Д. Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии...». Ст. 2 // Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. Отд. 8. С. 35–37, 39.

¹⁰⁸ Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 136.

¹⁰⁹ [Киреевский И. В.] Обозрение современного состояния словесности. Ч. 2 // Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 3. С. 25.

цивилизации столь же дорог, как и любому европейцу, но дорог не как готовый образец для подражания, а как надежный вкладчик в капитал собственных умственных сбережений русской народной культуры, как хороший пособник при обработке ею самой своего капитала»¹¹⁰.

В том же году в «Москвитяине» была опубликована рецензия Константина Аксакова на стихотворение И. С. Тургенева «Разговор», которое, по мнению критика, являет собой только тусклое подражание Лермонтову: «Всякое сколько-нибудь замечательное или сильное явление имеет своих, часто неудачных, подражателей. В последнее время нашей литературы Лермонтов был таким явлением и также увлек за собою многих неудачных подражателей; к их числу принадлежит и г. Тургенев, сочиняющий, подобно Лермонтову, и в стихах, и в прозе. Перед нами теперь его небольшое стихотворение „Разговор“, написанное размером „Мцыри“. <...> Дело вот в чем: старик, который называется здесь отшельником, живет один в пустынном месте <...>. Вдруг является молодой человек, и разговор начинается. Пришлец говорит несколько в духе героев Лермонтова; но здесь не видать только таланта сего последнего. <...> В этом рассказе выражается ясно (впрочем, только одни буквы, один чисто голословный смысл заставляет догадываться о направлении) тот холодный, с виду красивый и сильный, но, в сущности, жалкий, гнилой и бесплодный эгоизм, который являлся в некоторых произведениях Лермонтова, выдвинутый всею силою его необыкновенного таланта. Но как слаба копия! особенно, если вспомнить оригинал, в котором столько дарования, столько красот поэтических»¹¹¹.

Константин Аксаков был лично знаком с Лермонтовым, по-видимому, через Ю. Ф. Самарина; все трое были гостями на именинном обеде в честь Н. В. Гоголя (9 мая 1840 г.). Известно, что Печорина славянофилы не приняли, Константином Сергеевичем даже была предпринята попытка высмеять людей печоринского типа в неоконченной комедии «Отвлеченные люди» (1857). При этом славянофилы (Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков) оценивали лермонтовский дар предельно высоко как «необыкновенный талант». Проф. Е. И. Анненкова отмечает: «...можно понять, что Лермонтов внутренне, лично Константину Аксакову был близок: напряженной духовной жизнью, открытостью души и одновременно — затаенным ощущением, что не может быть понят и оценен людьми в полной мере. <...> На первый взгляд, они антиподы (внутренняя рефлексия одного и цельность другого), но сущностно они не противоположны друг другу»¹¹². В юности и того, и другого, осознававших себя в контексте всего мироздания, тревожили вечные вопросы бытия: такие точки соприкосновения двух поэтов можно найти и ранней лирике К. Аксакова, и в его переписке с М. Г. Карташевской.

А. С. Хомяков в этом же втором номере журнала за 1845 г. опубликовал статью «Письмо в Петербург», в которой отразились основные идеи славянофилов, когда, наряду с обращением к национальным истокам, признается и усвоение общечеловеческого опыта в науке и культуре: «Россия около полутора столетий лет занимает у своих западных братьев просвещение умственное и вещественное <...>. Мы многое узнали, во многом почти уравнились со своими учителями, но ничто нам не досталось даром. <...> Мы называем свою словесность и считаем ряды почетных имен, и эта словесность по мысли и слову доступна только тем, которые <...> уже расторгли живую цепь преданий старины <...>. Были, без сомнения, и в словесности нашей явления, которые кажутся исключениями; но <...> до нашего времени не было ни одного поэта (в стихах или прозе), который бы во всей целостности своих творений выступил как человек вполне русский, как человек, вполне свободный от примеси чужой. Конечно, тупа та критика, которая не слышит русской жизни в Державине, Языкове и особенно в Крылове, а в Жуковском, в Пушкине и еще более, может быть,

¹¹⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания, М., 1960. С. 182.

¹¹¹ Аксаков К. С. «Разговор» Ив. Тургенева. // *Его же*. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 105.

¹¹² Анненкова Е. И. Лермонтов в рецепции славянофилов // *Мир Лермонтова*. СПб., 2015. С. 624.

в Лермонтове не видит живых следов старорусского песенного слова, и которая не замечает, что эти следы всегда живо и сильно потрясают русского читателя, согревая ему сердце чем-то родным и чего он сам не угадывает. Тупа та критика, которая не сознает во всей нашей словесности характера особенного и принадлежащего только нам...»¹¹³ (Курсив мой. — С. Т.).

Хомяков интонационно сделал акцент на словах о Лермонтове. В Петербурге, в «самом нерусском городе», в среде пушкинских друзей, Лермонтов не встретил понимания, с холодным скептицизмом они наблюдали за его шагами в литературе, досадуя на его претензии на трон русского литературного Парнаса. Близкий друг Пушкина П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту 8 ноября 1840 г.: «Лермонтов гонится за известностью в роли Пушкина, — и тем смешон: таково о нем мнение Вяземского же»¹¹⁴. А в письме от 4 февраля 1841 г. снисходительная ирония Плетнева сменяется откровенным раздражением: «...читали еще Белинского статью о поэзии Лермонтова. Уж надоел с своим широковещанием, а паче с возгласами о мировой гениальности Лермонтова»¹¹⁵. А после смерти Лермонтова Плетнев «прославил» себя в лермонтоведении злой инвективой в адрес поэта в день его памяти, прямо скажем, странной для респектабельного ректора Императорского Санкт-Петербургского университета; он пишет Коптеву 15 июля 1845: «О Лермонтове я не хочу говорить потому, что и без меня говорят о нем гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников. В толпе стоял Краевский. Он раскричался в „Отечественных записках“, что вот что-то новее и, следовательно, лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за ним взвизгивать то же <...>. Придет время, и о Лермонтове забудут...»¹¹⁶

Не так встретили Лермонтова славянофилы, несравнимо добрее оказались они к лермонтовскому дару. Из биографии известен живой интерес Лермонтова к Хомякову, современники отмечали, что «Лермонтов с Хомяковым во многом имел сходство»¹¹⁷. С. Н. Карамзина называла Лермонтова «совершенным двойником Хомякова и лицом, и разговором»¹¹⁸, а Самарин отметил, что на именинном обеде в честь Гоголя у Погодина «ему [Лермонтову] понравился Хомяков». По мнению Дурьлина, в последний период жизни «сознание Лермонтова определялось как близкое к религиозному сознанию славянофилов»¹¹⁹. Их сближали идейно-эстетические взгляды на русскую национальную самобытность, им одинаково был дорог весь тон русского духа во всех его проявлениях и созданиях. В последние годы жизни Лермонтова связывала дружба с выдающимся славянофилом Ю. Ф. Самариным, в дневнике и письмах которого отражены их общении и беседы, служащие важнейшим источником для понимания мировоззрения поэта. В письме к И. С. Гагарину Самарин дает яркий психологический портрет поэта: «Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности <...>. Прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял <...>. Он наделен большой пронизательной силой и читает в моем уме. <...> Мне жаль, что я его не видел более долгое время, — я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое...»¹²⁰ Характеристика Лермонтова, данная Самариным, — одна из самых пронизательных в мемуарной литературе

¹¹³ Хомяков А. С. Письмо в Петербург // *Его же*. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 76.

¹¹⁴ Цит. по: Шеголев П. Е. Лермонтов. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999. С. 374.

¹¹⁵ Цит. по: Мануйлов В. А., Гиллельсон М. И., Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов: Семинарий. Л., 1960. С. 26.

¹¹⁶ Письма П. А. Плетнева к Д. И. Коптеву (1844–1846) // *Русский архив*. 1877. Вып. 12. С. 365.

¹¹⁷ Там же. С. 236.

¹¹⁸ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников... С. 277.

¹¹⁹ Дурьлин С. Н. Россия и Лермонтов (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // *Христианская Мысль*. Киев, 1916. Кн. 3 (март). С. 121.

¹²⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников... С. 383.

о поэте, и как отличается она от определений Лермонтова пушкинскими друзьями. А. П. Елагина, лично знавшая Лермонтова, его биографу П. А. Висковатову высказывала такое же сожаление, как и Самарин: «Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться с сыном моим Петром <Киреевским> — у них некоторые взгляды были общие»¹²¹. Дурьлин считал, что «славянофилы первые увидели *русское лицо* Лермонтова сквозь его романтический грим. <...> Лермонтов <...> как-то *так* прикасался к народной душе, что сблизился с теми, кто цель своей жизни <...> видели в постоянстве этого прикосновения...»¹²²

За три месяца редактирования «Москвитянина» И. В. Киреевским число подписчиков журнала увеличилось почти вдвое, а влияние журнала в среде литераторов России заметно упрочилось. Тем не менее, после выхода третьего номера И. Киреевский отказался от его дальнейшего редактирования из-за противоречий с Погодиным и проблем со здоровьем, расстроеным напряженной работой.

В первом номере за 1846 г. «Москвитянина» был опубликован обзор молодого сотрудника журнала, переводчика и автора учебников по русской грамматике А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845 году», где автор дает оценку лермонтовской «Думы». Стихотворение, по его словам, было принято читающей публикой «с общими рукоплесканиями, и какое стихотворение? — Правда — исполненное грозной силы, но зато — обрекающее нас на совершенное ничтожество, — где уверяли нас, что <...> самый прах наш оскорбит потомок

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом

Хороша мысль, хорошо и сравнение! И к этой-то почти мысли примкнула наша изыщная словесность, также как и некоторые наши журналы <...>. Могучий проповедник, человек, в котором странно соединилось великое дарование с разрушительным направлением, который своими созданиями, хотя немногими, умел в одно время возбуждать в читателе тоску и наслаждение, сошел с поприща литературы и жизни. Но мысль его нашла других проповедников, из которых один — не ниже, если не выше Лермонтова по своему таланту <...>. Сюда мы относим, во-первых, Гоголя <...>. Мрачная „Дума“ Лермонтова, развиваемая в нашей словесности, далеко несправедлива вообще, хотя, может быть, справедлива в отношении к некоторым людям. Есть еще возможность отыскать разбросанное наследие предков, есть люди, которые действуют не так, как герои Гоголя, есть надежда на будущую славу вместо презрения, а потому не нужно еще ни топиться, ни резаться, ни стреляться, а жить и трудиться, а от жизни и труда придет к нам и спокойствие, и довольство...»¹²³ Как видим, в оценке «Думы» Студитский солидарен с Шевыревым, но при этом молодой критик оценивает талант Лермонтова как «великое дарование могучего проповедника с разрушительным направлением».

В 1947 г. Самарин опубликовал в «Москвитянине» большую статью «О мнениях „Современника“ исторических и литературных»; это одна из самых значительных работ философа, где он вел полемику К. Д. Кавелиным, автором статьи «Взгляд на юридический быт древней Руси», с А. В. Никитенко и его литературными взглядами и с В. Г. Белинским об отличительных чертах и принципах натуральной школы. Самарин считал натуральную школу чисто «петербургским» явлением, в основе которого лежало «презрение» к своему предмету, в отличие от Гоголя, у которого под изображением действительности скрывалась душевная, скорбная исповедь»¹²⁴.

¹²¹ Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987. С. 325.

¹²² Дурьлин С. Н. Россия и Лермонтов... Кн. 3. С. 118, 121.

¹²³ Студитский А. Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1. С. 253–254, 262.

¹²⁴ Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Его же. Сочинения Ю. Ф. Самарина: [В 12 т.]. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М., 1877. С. 82.

Кроме того, в статье автор поднимает вопрос о сомнительном содержании современной литературы, наполненной эпигонами Гоголя и Лермонтова: «У нас принято, что в каждой книжке журнала должна быть повесть и стихи, и они являются к сроку — но что за повесть и что за стихи? Если бы не было этого искусственного требования, из всех изящных произведений, напечатанных в последние пять лет, многие ли удостоились бы увидеть свет? <...> Обратимся к внутреннему содержанию нашей изящной литературы. Лермонтова уже нет; Гоголя вы устраняете. После них много ли она приобрела? Приобрела ли она что-нибудь, хоть одну мысль, хоть один образ или тип, который бы не был слепком с их же созданий? Мы не можем назвать приобретением, что Иван Иванович, обязанный бытием своим Гоголю, являлся под именем Степана Ивановича или Василия Степановича, Селиван — под именем Кондрата или Мишки, Осип — под именем Васьки и т.д. Или что стихотворение Лермонтова „Люблю отчизну я, но странною любовью...“, подкрашенное и распущенное на воде, подавалось двадцать раз; или, наконец, что „Вечный жид“ выходил, кажется, тремя изданиями и выходит вновь. А за исключением всего этого балласта много ли останется? Великий художник напишет картину; плохие ученики переймут манеру и недостатки; с учеников станут списывать другие; за ними маляра; потом та же картина литографируется, потом она явится на лаковых коробочках и наконец на чем-то среднем между табакеркою и тавлинкою. Неужели это все доказывает, что за недостатком великих живописцев есть живопись?»¹²⁵

В 1850 г. в «Москвитянин» пришла группа начинающих литераторов-единомышленников: А. Н. Островский, Т. И. Филиппов и Е. Н. Эдельсон, А. А. Григорьев, Н. В. Берг, Б. Н. Алмазов, Л. А. Мей и др., получившая название в литературной среде «молодая редакция». В 1851 г. критический отдел «Москвитянина» возглавил Ап. Григорьев, уже имевший опыт критической деятельности в других журналах; он стал лидером и теоретиком кружка молодых литераторов «Москвитянина». Аполлон Александрович был натурой творческой, ярко талантливой, эмоциональной — человеком удивительной широты и полноты, он вошел в историю русской литературы как редко образованный русский критик, как оригинальный мыслитель и как талантливый поэт. Философ и богослов русского зарубежья В. Н. Ильин считал, что «русская литература в сущности имела только одного настоящего критика в XIX веке, но этот единственный — Аполлон Григорьев. <...> Своеобразный синтез тонкого, пронизательного философского дара с утонченным и глубоким артистизмом сделал Григорьева основателем особой эстетической теории познания на русской почве, в известном смысле „русским Шопенгауэром“ <...> Пушкин, Лермонтов, Гончаров, Лесков, Лев Толстой и все самое значительное не только в русской, но и в мировой литературе, — все это нашло отзвук в этом упоенном красотою страждущем Русском Дионисе...»¹²⁶

Критические статьи и публикации Ап. Григорьева вызывали острую полемику в литературных кругах того времени. Именно в период службы в журнале «Москвитянин» Григорьев разрабатывает основные положения теории «органической критики», согласно которой источником и основой искусства, в том числе и изящной словесности, должна быть национальная почва. Кроме того Григорьев называл себя приверженцем исторической критики, когда при анализе произведения литературный критик учитывает мирозерцание писателя, которое определяется «временными и местными историческими обстоятельствами».

Отношение Аполлона Григорьева к творчеству Лермонтова на протяжении его литературной деятельности было неоднозначным и претерпело эволюцию от утверждения, что «хищный тип», ярко представленный Лермонтовым в Печорине, чужд русскому характеру, а в лермонтовской поэзии отсутствует позитивное, утверждающее начало, до более взвешенной, зрелой и глубокой оценки, которая отражена в цикле его статей «Лермонтов и его направление (Крайние грани развития отрицательного взгляда)»

¹²⁵ Там же. С. 68–69.

¹²⁶ Ильин В. Н. Аполлон Григорьев — страждущий русский Дионис // *Его же. Пожар миров*. М., 2010. С. 412, 441.

(Время. 1862. № 10), когда Лермонтов для Григорьева стал «великой художественной силой», а его деятельность — важной страницей в развитии русского самосознания.

В 1852 г. Григорьев публикует в журнале статью «Русская литература в 1851 году», а в 1853 г. — «Русская изящная литература в 1852 году». Определяя исходную точку современного состояния словесности, критик принимает за основание Гоголя, допуская и некоторое косвенное влияние Лермонтова: «Каждая литературная эпоха имеет своего главного представителя, от которого, как от исходного пункта, ведет она свое начало. <...> Таким гением литературной эпохи, которую переживаем мы до сих пор, по всей справедливости может быть назван Гоголь...»¹²⁷ Однако, оценивая творчество Гоголя, Григорьев приходит к утверждению, что его идеалы искусственны, в отличие от Островского, творчество которого, по мнению критика, подчинено истинным идеалам, ибо «тот только истинный художник в наше время, кто, установивши возможное равновесие идеала и действительности в душе, относится к действительности во имя вечных и разумных требований идеала...»¹²⁸

В представлении Григорьева, «на суде исторической критики всякое дело получает значение по плодам его — и, каков бы ни был талант поэта, одного только таланта, как потенции, еще недостаточно. Важное дело в поэте то, для чего у немцев существует общепонятный и общепотребительный термин *die Weltanschauung* и что у нас, *taut bien que mal*, переводится мирозерцанием». Исходя из этого, замечает Григорьев, «мы смотрим на Лермонтова не как на лирического поэта, владевшего, в особенности в последних стихотворениях, медным литым стихом, не как на писателя, лучше и проще которого не писал по-русски никто после Пушкина, а <...> с исторической точки зрения, [т. е.] мы смотрим на *дело* Лермонтова, взвешиваем то *слово*, которое завещал он миру, и, к сожалению, должны сознаться, что слово это далеко не так веско, каким оно казалось лет за несколько назад <...>. По крайней мере, нельзя не выдать, что значение этого дела чисто отрицательное. <...> Ведь этот Печорин, который развился под влиянием обстоятельств, чуждых настоящему русскому быту, этот Печорин, уже для нас в настоящую минуту мираж, призрак, потерявший даже свою грандиозность. <...> Надобно <...> сознаться, что „герой того времени“ умер и не воскреснет более, что *то* поколение, которого „грядущее иль пусто иль темно“, <...> не то, которое живет теперь»¹²⁹. В период сотрудничества в «Москвитянине» Григорьев считал, что «во-первых, умерло совсем направление, которое обозначали и обозначают именем лермонтовского. <...> Во-вторых, умирает явно направление лермонтовское, принявшее гоголевскую форму, т. е. работавшее над действительностью с постоянною заднею мыслью о грубости этой действительности...»¹³⁰

Должно было пройти несколько лет, чтобы произошла переоценка лермонтовского творчества в самый плодотворный и значительный период критической деятельности Григорьева — период его сотрудничества в журналах Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха», ярко выразившаяся в цикле статей «Лермонтов и его направление (Крайние грани развития отрицательного взгляда)», где критик отмечает, что «...за отрицательный взгляд были в то время жизнь и литература», а в «хищном типе» Печорина и в «смирном типе» Максима Максимыча писатель отразил неотъемлемые части русского бытия. Эти же мысли Григорьев развивает в статье «Оппозиция застоя, некоторые черты из истории мракобесия»¹³¹, где глава «органической критики» дал исторический анализ полемики вокруг Лермонтова. В этот период Григорьев видел в творчестве Лермонтова «поворот к почве, поворот к народности», а в самом Лермонтове, «этом великом, хотя не высказавшимся даже

¹²⁷ Григорьев А. А. Русская литература в 1851 году // *Его же*. Сочинения. Издание Н. Н. Страхова. Т. 1. СПб., 1876. С. 8.

¹²⁸ *Его же*. Русская изящная литература в 1852 году // Там же. С. 58.

¹²⁹ *Его же*. Русская литература в 1851 году... С. 8–9.

¹³⁰ *Его же*. Русская изящная литература в 1852 году... С. 51, 53.

¹³¹ *Его же*. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Его же*. Эстетика и критика. М., 1980. С. 275–311.

вполовину духе», как и Гоголь, — «будущего великого живописца нашего быта»¹³². Григорьев был единственным критиком «Москвитянина», кто, при всей противоречивости своих оценок, почувствовал мощь лермонтовской природы, прямо назвав поэта: «великий дух». На рубеже XIX–XX вв. это определение будет развивать религиозно-философская критика Серебряного века, указывая при этом на пророческую силу лермонтовского дара и на его неоспоримое право на *свое* неделимое царство в мире русской словесности.

Итак, «Москвитянин» в течение пятнадцати лет, до закрытия в 1856 г., уделял пристальное внимание творчеству Лермонтова, стремясь дать беспристрастную характеристику яркому таланту. Ведущий критик журнала С. П. Шевырев, при неприятии образа Печорина, высоко оценил талант Лермонтова-прозаика, особо отметив авторский дар «наблюдателя-психолога»; указал на «глубокое значение романа в нашей русской жизни», советуя «употребить с пользою урок, предлагаемый поэтом». Вместе с тем в поэзии Лермонтова критик увидел в основном «какой-то необыкновенный протеизм таланта, правда, замечательного, но, тем не менее, опасный развитию оригинальному», «его лира не обозначила еще своего особенного строю». Эта точка зрения осталась неизменной на протяжении всей критической деятельности Шевырева. Идеино-эстетическая позиция журнала была близка Лермонтову, все, что пропагандировал «Москвитянин» отвечало его взглядам на русскую национальную самобытность. Лермонтов не скрывал своей любви к Москве, не раз провозглашенной им в своих произведениях и письмах, к русскому историческому миру, своих симпатий к монархии, ценил родовое дворянство, открыто говорил о своем нерасположении к европеизму¹³³; его лирика, «вырастающая на почве московской культуры», насыщена емкой философской символикой, — все это говорит о том, что С. П. Шевырев не распознал в Лермонтове своего идейного единомышленника и своего соратника в деле создания поэзии мысли.

Источники и литература

1. [Булгарин Ф. В.] О статье: «Обозрение русской словесности за 1827-й год», помещенной в первом номере «Московского вестника» за 1828-й год // Северная пчела. 1828. № 11. 26 янв. С. 4.
2. [Киреевский И. В.] Обозрение современного состояния словесности. Ч. 2 // Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 3. С. 18–30.
3. [Шевырев С. П.] Кончина Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 5. № 9. С. 320.
4. [Шевырев С. П.] Обозрение русской словесности за 1827-й год // Московский вестник. 1828. Ч. 1. № 1. С. 59–84.
5. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.
6. Анненков П. В. Литературные воспоминания, М.: Художественная литература, 1960. 688 с.
7. Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 83–128. (Литературное наследство. Т. 43/44).

¹³² *Его же.* Лермонтов и его направление (Крайние грани развития отрицательного взгляда) // *Его же.* Собрание сочинений Аполлона Григорьева. Вып. 7. М., 1915. С. 1–96.

¹³³ Известно, что в конце жизни Лермонтов планировал издание своего журнала, свободного от каких-либо чужеземных влияний; не одобряя прозападное направление «Отечественных записок», он говорил А. А. Краевскому: «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским. <...> Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а *свое собственное...*» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников... С. 312).

8. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842–1843 / АН СССР; ИРЛИ. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 799 с.
9. *Бенедиктов В.* Стихотворения Владимира Бенедиктова. Первая книга. [Изд. 3-е]. СПб., 1842. 128 с.
10. *Бродский Н. Л.* М. Ю. Лермонтов: Биография. 1814–1832. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1945. 348 с.
11. *Висковатов П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. 494 с.
12. *Вяземский П. А.* Письмо к С. П. Шевыреву 22 сент. 1841 г. // Русский архив. 1885. № 6. С. 307.
13. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 230–289.
14. *Галахов А. Д.* История одной книги // *Галахов А. Д.* Записки человека. URL: http://az.lib.ru/g/galahow_a_d/text_1888_zapiski_cheloveka.shtml (дата обращения: 12.12.2020)
15. *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Семена при Имп. медико-хирург. акад., 1843. Ч. 1. 454 с. Ч. 2. 504 с.
16. *Галахов А.* Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии...» // Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. Отд. 8. С. 35–42.
17. *Гоголь Н. В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. С. 369–409.
18. *Григорьев А. А.* Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Эстетика и критика / Вступ. ст. и примеч. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 235–275.
19. *Григорьев А. А.* Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Григорьев А. А.* Эстетика и критика / Вступ. ст., сост. и примеч. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 275–311.
20. *Григорьев А. А.* Собрание сочинений Аполлона Григорьева / Под ред. В. Ф. Саводника. Вып. 7. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1915. 101 с.
21. *Григорьев А. А.* Сочинения. Издание Н. Н. Страхова. Т. 1. СПб.: Типография тов-ва «Общественная польза», 1876. 656 с.
22. *Дельвиг А. А.* Сочинения. Л.: Художественная литература, 1986. 472 с.
23. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин: очерк. Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425–440.
24. *Дурылин С. Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
25. *Дурылин С. Н.* Как работал Лермонтов // *Дурылин С. Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 448–568.
26. *Дурылин С. Н.* Россия и Лермонтов (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // Христианская Мысль. Киев, 1916. Кн. 2 (февр.). С. 137–150; Кн. 3 (март). С. 114–128.
27. *Дурылин С. Н.* Русские писатели у Гете в Веймаре. Шевырев и Гете // Литературное наследство. М.; Л., 1932. Т. 4/6. С. 450–476.
28. *Дурылин С. Н.* Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. № 10 (окт). С. 1–30.
29. *Дурылин С.* У Толстого и о Толстом. // Прометей: альманах серии «ЖЗЛ». Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. № 12. С. 199–226.
30. Е. П. Елагина – А. Н. Попову. 30 сент. (1843) // Русский Архив. 1886. Вып. 3. С. 343.
31. *Журавлева А. И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция. 2002. 288 с.
32. *Захаров В. А.* Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М.: Центрполиграф, 2017. 799 с.
33. *Ильин В. Н.* Аполлон Григорьев – страждущий русский Дионис // *Ильин В. Н.* Пожар миров. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 412–453.
34. *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Мюнхен, 1959. 203 с.

35. История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980–1983.
36. Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. Т. 1. 888 с.
37. *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. 864 с.
38. *Крупчанов Л. М.* История русской литературной критики XIX века. М.: Высшая школа, 2005. 382 с.
39. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Л.: Наука, 1979–1981.
40. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. 672 с.
41. *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л.: Художественная литература, 1974. 376 с.
42. *Мануйлов В. А., Гиллельсон М. И., Вацуро В. Э. М. Ю.* Лермонтов: Семинарий / Под ред. В. А. Мануйлова. Л.: Учпедгиз, 1960. 460 с.
43. Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. 976 с.
44. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1991–1992.
45. *Павлова М. В. О.* Чюмина — переводчик поэзии В. Скотта (конец XIX в.) // Имагология и компаративистика. Томск, 2015. № 2. С. 147–157.
46. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Художественная литература, 1982.
47. Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов: (из Остафьевского архива) / Предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1901. 222 с.
48. Письма П. А. Плетнева к Д. И. Коптеву (1844–1846) // Русский архив. 1877. Вып. 12. С. 365.
49. *Погодин М. П.* Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2. С. 33–39.
50. *Погодин М. П.* Отрывок из воспоминания о С. П. Шевыреве, читанного в заседании Общества любителей российской словесности 17 января 1865 г. // Русский архив. 1865. Вып. 3. Стб. 381–390.
51. Поэты 1820–1830-х годов: В 2-х т. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. 792 с.
52. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб.: Академический проект, 1998.
53. *Ратников К. В.* Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Ч. 2. Челябинск: Околица, 2007. 220 с.
54. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения Ю. Ф. Самарина: [В 12 т.] М.: Издание Дмитрия Самарина, 1877–1911. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу / [Авт. предисл. Д. Самарин]. 1877. 404 с.
55. *Студитский А.* Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1. С. 225–262.
56. *Хомяков А. С.* О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М.: Искусство, 1982. С. 126–151.
57. *Хомяков А. С.* Письмо в Петербург // *Хомяков А. С.* О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988. С. 70–82.
58. *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Унив. тип., 1886–1900. Т. 8. Письма. 1900. 543 с.
59. *Шевырев С. П.* [Рецензия.] Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречий и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. М., 1843 / Составил А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5. С. 218–248; Ч. 3. № 6. С. 501–533.
60. *Шевырев С. П.* «Герой нашего времени» М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.
61. *Шевырев С. П.* Взгляд на современное направление Русской литературы. (Вместо Предисловия ко второму году Москвитянина) Ст. 1. Сторона черная // Москвитянин. 1842. № 1. С. 1–32.
62. *Шевырев С. П.* Взгляд на современную русскую литературу. Ст. 2. Сторона светлая: Состояние русского языка и слога // Москвитянин. 1842. Ч. 2. № 3. С. 153–191.

63. *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы / Публ. Беленчук Л. Н. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 4 (7). С. 149–177.
64. *Шевырев С. П.* Вместо введения // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 507–514.
65. *Шевырев С. П.* Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. № 3. С. 175–194.
66. *Шевырев С. П.* Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей: антология: В 2 т. СПб.: РХГА, 2013–2014. Т. 1. 2013. С. 148–160. (Русский Путь).
67. *Шеголев П. Е.* Лермонтов. Воспоминания. Письма. Дневники. М.: Аграф, 1999. 528 с.
68. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М.: Художественная литература, 1986. 689 с.
69. Ю. Ф. Самарин — К. С. Аксакову. [Вторая половина октября 1842 г.] // Русский Архив. 1880. Кн. 2. С. 298–299.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

Н. Н. Лупарева

Проблема национальной самобытности в трудах российских консерваторов первой четверти XIX в.

УДК 329.11(470):94(470):1(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_166

Аннотация: Статья посвящена становлению понятия национальной самобытности в русской консервативной мысли первой четверти XIX в. Фактором, повлиявшим на начало процесса самоидентификации русского образованного общества, стало агрессивное западничество, нашедшее выражение в галломании русской аристократии и либеральных реформах Александра I, проходивших на фоне наполеоновских войн и европейской реакции на Французскую революцию. Такие мыслители и общественные деятели, как А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка и Н. М. Карамзин, впервые вдумчиво и последовательно стали популяризовать идеи обращения к национальной традиции, необходимости создания системы национального воспитания, основанного на изучении русского языка, отечественной истории, на ценностях православной религии и незыблемости национальной политической системы — самодержавия. Выступая как антизападники, ранние русские консерваторы в значительной мере испытали влияние идей европейского просвещения, романтизма и нарождающегося национализма.

Ключевые слова: национальная самобытность, ранний русский консерватизм, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка, Н. М. Карамзин, патриотизм, традиционализм, самодержавие.

Об авторе: **Надежда Николаевна Лупарева**

Кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник Музея-усадьбы Д. В. Невитина.

E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1268-7714>

Для цитирования: Лупарева Н. Н. Проблема национальной самобытности в трудах российских консерваторов первой четверти XIX в. // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 166–182.

Nadezhda N. Lupareva

**The problem of national identity
in the works of Russian conservatives
of the first quarter of XIX century**

UDC 329.11(470):94(470):1(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_166

Abstract: The article is devoted to a problem of national identity in Russian conservative thought of the first quarter of XIX century. The provocative factor of the search of Russian self-identity was an aggressive westernism, which was translated in Russian aristocracy's Gallomania and Alexander's I liberal reforms conjoined with Napoleonic wars and European reaction on the French revolution. A. S. Shishkov, F. V. Rostopchin, S. N. Glinka and N. M. Karamsin were among first conservatives, who thoughtfully and consistently popularized an idea of appealing to national tradition, creation of Russian educational system, based on learning Russian language, national history, on the values of the Orthodox religion and inviolability of the national political system – autocracy. Rose in opposition to westernization, Russian conservatives of the first quarter of XIX century in a large measure were under the influence of the ideas of European Enlightenment, Romanticism and growing European nationalism.

Keywords: National identity, Russian conservatism, A. S. Shishkov, F. V. Rostopchin, S. N. Glinka, N. M. Karamsin, patriotism, traditionalism, autocracy.

About the author: **Nadezhda Nikolaevna Lupareva**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Junior researcher, Estate-turned-museum of D. V. Venevitinov.

E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1268-7714>

For citation: Lupareva N. N. The problem of national identity in the works of Russian conservatives of the first quarter of XIX century. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 166–182.

Проблема национальной самобытности в русской мысли — вопрос одновременно и много обсуждавшийся, и в то же время не имеющий целостного осмысления и даже методологии исследования. Между тем именно в современных условиях глобализации, цифровизации и, как следствие, всеобщей унификации эта проблема становится особенно актуальной в связи с угрозой сохранению цивилизационного разнообразия человеческих обществ.

Несмотря на отсутствие более или менее системного подхода к заявленной тематике, все мыслители, так или иначе обращавшиеся к ней, сходились во мнении, что исходным пунктом поиска самобытности было признание извечного противостояния России и Запада¹. Но в вопросе о времени постановки проблемы национальной самобытности единой точки зрения не сложилось. «Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем ее сущность, ее призвание и место в мире»², — писал по этому поводу Н. А. Бердяев. Таким образом, он считал, что фактором, актуализировавшим русско-европейское противостояние, явилось знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Но ни это скандальное выступление Чаадаева, ни даже агрессивная европеизация, сопровождавшая все XVIII столетие российской истории, не могут быть признаны достаточными основаниями для зарождения глубокой рефлексии по поводу национальной идентичности.

Скорее прав был В. Г. Белинский, утверждавший, что «национальное сознание пробудилось в ней (России. — *Н. Л.*) не дальше как с великого 1812 года»³. Действительно, накануне Отечественной войны Россия столкнулась сразу с рядом угроз, порожденных или ассоциировавшихся с западно-европейской цивилизацией: во-первых, это разрушительная Французская революция с последовавшим за ней террором и кровопролитием внутри страны; во-вторых, — производные от этой революции наполеоновские войны, в орбиту которых оказалась втянута и Россия; в-третьих, — либеральные реформы Александра I и его молодых друзей, разработанные в рамках просветительского проекта, в сознании современников тесно связанного и предварившего революционные события во Франции; и, в-четвертых, — галломания русского дворянства, т.е. его ориентация на французские культурно-поведенческие модели во всех сферах жизни. Таким образом, русское общество рубежа XVIII–XIX вв. было небезосновательно встревожено угрозой как внешнего, так и внутреннего порабощения западно-европейской цивилизацией, которая после событий 1789 г. уже не выглядела столь привлекательной. Закономерно, что выразителями этой тревоги и создателями национального дискурса стали представители консервативного спектра общественно-политических сил.

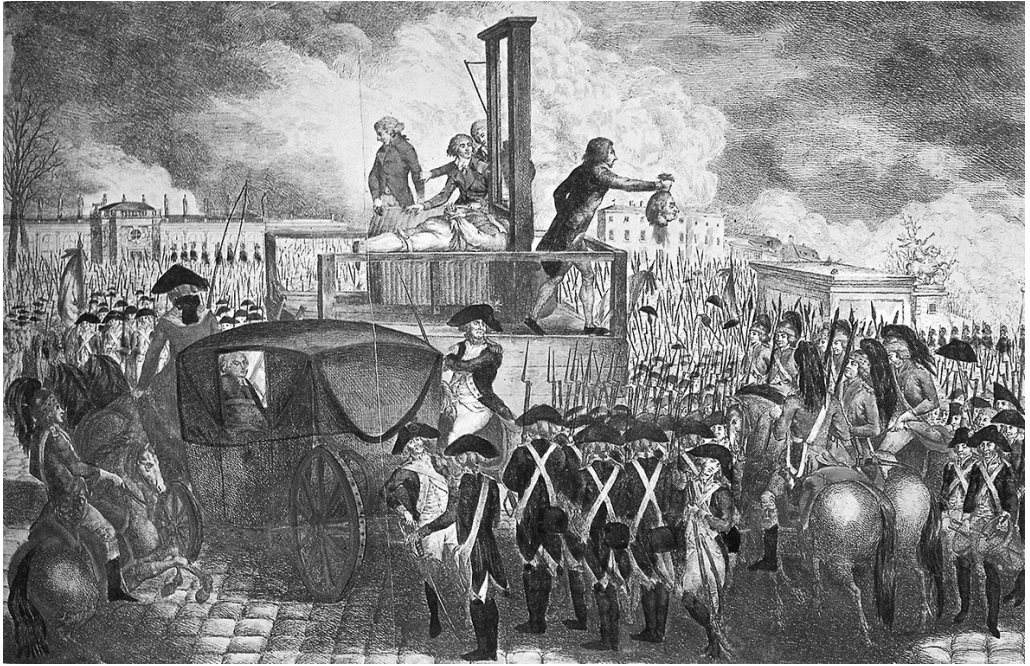
Первой проблемой, обратившей на себя внимание патриотических кругов, стала галломания русского дворянства. В 1803 г. был опубликован ставший по сути «манифестом» нарождающихся консервативных сил трактат адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка»⁴. Очевидно, что сочинение Шишкова явилось важной вехой языковой полемики так называемых архаистов во главе с автором «Рассуждения» и новаторов во главе с Н. М. Карамзиным. Этому эпизоду культурной жизни российского общества начала XIX в. посвящен большой массив исследовательской литературы, но, пожалуй, наилучшим образом его суть отражена О. Проскуриным: «И Карамзин, и Шишков намеревались упорядочить,

¹ Стенник Ю. В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 5.

² Бердяев Н. А. Избранные труды. М., 2015. С. 166.

³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М., 1954. С. 558–559.

⁴ Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова — первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002.



Казнь Людовика XVI [21 января 1793 г.; главное событие Французской революции].
Немецкая гравюра на меди, 1793 г.

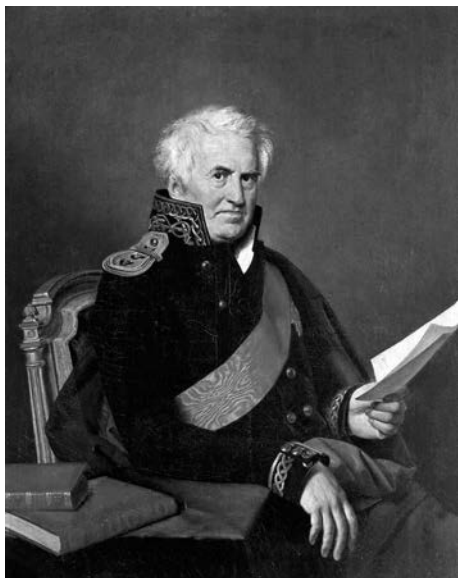
кодифицировать „послеломоносовскую“ языковую стихию. В этом смысле Шишков (субъективно ощущавший себя охранителем и восстановителем) был реформатором в не меньшей степени, чем Карамзин. Только направленность их реформаторских устремлений была принципиально разной. Шишков стремился упорядочить литературный язык именно как язык *книжный*: его главная задача — очистить язык от наслоений устной речи, в первую очередь от всех форм заимствований, разрушающих внутреннюю структуру языка, его „мудрость“. Карамзин мечтает о создании универсального языка европейского типа, который мог бы быть равно пригодным и для изящной словесности, и для разговора в хорошем обществе, приблизить книжный язык к языку разговорному»⁵. С этой точкой зрения перекликается мнение Б. Гаспарова, представляющего архаистов во главе с А. С. Шишковым «радикальным движением, остро откликающимся на современность, — если понимать под современностью не частный вопрос о том, как адаптировать русский язык к новейшим литературным и публицистическим жанрам, а более широкую перспективу идеологических и эстетических сдвигов, связанных с кризисом идеалов Просвещения и первыми шагами романтизма на европейской культурной сцене»⁶. Иными словами, для Шихкова в пылу этой полемики речь шла не только о литературном, но — шире — об общекультурном развитии, о том, «каким должно быть слово этой культуры — западным, нейтральным, общечеловеческим или исконно русским, своеобразным, национальным?»⁷. Выбирая и отстаивая последний вариант, Шишков, по мнению И. Б. Гаврилова, вполне может считаться «предтечей славянофильства»⁸.

⁵ *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 40.

⁶ *Гаспаров Б.* История без телеологии: (заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 275–276.

⁷ *Альтишуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 28.

⁸ *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии образования А. С. Шихкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 187–188.



Портрет А. С. Шишкова.
Худ. О. А. Кипренский, 1825 г.

Исходным пунктом языковых воззрений А. С. Шишкова можно считать утверждение о том, что «язык по свойству своему есть тело и дух; тело его есть звук, дух же соединенный с ним разум; один токмо дух языка дает разверзающемуся понятию человеческому соразмерную духовным потребностям его пищу»⁹. Язык каждого народа имплицитно включает в себя «принятые издревле правила и понятия» выражения мысли, «многие веки возраставшие и укоренившиеся в умах»¹⁰. Иначе говоря, национальный язык содержит в своей структуре совокупность морально-нравственных норм, выработанных на протяжении всей истории существования народа и имплицитно проникающих в сознание носителя языка, обуславливая «традиционный» характер его реакций и действий¹¹. Таким образом, языковые заимствования карамзинистов и просто злоупотребление французским языком в обиходе российского дворянства с точки зрения Шишкова грозили усвоением русской аристократией чуждых культурно-

исторических ценностей и полным попранием национальной традиции¹².

Пристрастие современников к французскому наречию для Шишкова было необъяснимо и удивительно, т.к. русский язык превосходил его во всех отношениях: «Древний Славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российскаго языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сроднаго ему Эллинскаго языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины, и многие другие Христианские проповедники»¹³. Таким образом, Шишков утверждает, что основой возникновения русского языка явился церковно-славянский язык, а источником его развития и обогащения — древнегреческие и христианские мыслители, и уже в XII в. славенский язык «столько процветал, сколько Французской язык стал процветать во времена Людовика XIV, т.е. в седьмом надешать веке. По красоте, с какою предки наши переводили славных Греческих проповедников, и по высоте слов и мыслей, каковыми повсюду в переводах своих гремят они и блистают, достоверно заключить можно, колико ужо и тогда был учен, глубокомыслен народ Славенский»¹⁴.

Здесь важно заметить, что Шишков не проводил водораздела между славенским и русским языком: «чтоб Славенской и Руской язык были два языка, т.е., чтоб можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, сего различия в них не существует»¹⁵. Отсюда, по словам М. Альтшуллера, «характерное для русско-византийской православной культуры благоговейно-уважительное отношение к слову, восходящее еще к библейской ветхозаветной традиции», — для Шишкова «в слове воплощался дух

⁹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // *Его же. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1824. Ч. II. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1983. Вып. 620. С. 24.

¹² Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге...» С. 240.

¹³ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 1–2.

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 9.

народный, материализовалась идея, способная и созидать и разрушать»¹⁶. О. Проскурин отмечал, что в концепции Шишкова «язык мыслился заряженным своеобразной религиозной энергией не в меньшей степени, чем собственно религиозная вера в ее церковно-канонической оформленности»¹⁷. И в этом контексте французский язык также уступал русскому, т.к. «Французы не могли из духовных книг своих столько заимствовать, сколько мы из своих можем». Позже последователями Шишкова эта мысль будет доведена до своего логического завершения: если русский язык обогащен достижениями цивилизации Античной Греции — создательницы высочайших образцов культуры и православной цивилизации Византии — источника высочайшей нравственности, то французский язык имеет «низкое» происхождение, т.к. «изник из развалин языка Латинского, который пал от развращения нравов народа, на нем говорившего»¹⁸.

Язык, унаследовавший «развращение нравов», сообщит их людям, говорящим на нем. Неудивительно в этой связи, что именно во Франции свершилась ужаснувшая современников революция, и, скорее всего, опасность революционного инфлирования имеет ввиду Шишков, говоря: «Молодому человеку, наподобие управляющего кораблем кормчаго, надлежит с великою осторожностью вдаваться в чтение Француских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностью море, не преткнуть о камень»¹⁹. В тексте «Рассуждения» Шишков не говорит о революционных событиях во Франции от своего лица, но сочувственно цитирует речь А. В. Суворова: «Се страна изобильная, совокупная, многолюдная, просвещенная, <...> сия страна расточена, растерзана, без власти, без законов, без подчинения. <...> Тамо царствуют днесь неистовые, неблагословенные кровопийцы. <...> Воззри великий, но не благоусмотрительный, писатель Фернейский! воззри, прославленный, но не истинный, друг человечества, гражданин Женевы, возмневший искати славы от замысловатых, и чрезъестественных, и неожиданных писаний паче, нежели от твердых, созидающих сердце! Воззрите, <...> совращено и разрушено собственное отечество ваше!»²⁰ Очевидно, что помимо революции в данном отрывке критически осмысливается роль европейского Просвещения как фактора, спровоцировавшего ее. В расшатывании общественных основ Суворов обвиняет конкретных мыслителей — Вольтера и Руссо. Об опасности чтения сочинений этих авторов упоминает и Шишков²¹. Таким образом, обращение русского общества к французскому языку, а тем более реформа отечественного наречия по его лекалам, означает не просто обеднение родного языка, но и прямую опасность усвоения «развратных» идей.

На вопрос о том, почему же тогда современное ему дворянское общество так «прилепилось» к чуждому наречию, Шишков дает прямой ответ: «Начало онаго происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов»²². «Мы кликнули клич, кто из Французов, какова бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим уважением и доверенностию, принять на себя попечение о воспитании наших детей? Явились их престрашныя толпы; стали нас брить, стричь, чесать. Научили нас удивляться всему тому, что они делают; презирать благочестивые нравы предков наших, и насмехаться над всеми их мнениями и делами. Одним словом, они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами — а мы их возим с гордостью, и те у нас

¹⁶ Альтиуллер М. Г. Беседа любителей русского слова... С. 27.

¹⁷ Проскурин О. Новый Арзамас — Новый Иерусалим: литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 102–103.

¹⁸ Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов»... С. 26; Лупарева Н. Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. С. 84.

¹⁹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 9–10.

²⁰ Там же. С. 329–330.

²¹ Там же. С. 10.

²² Там же. С. 5–6.



Портрет графа Ф. В. Ростопчина.
Худ. О. А. Кипренский, 1809 г.

в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!»²³

Шишков одним из первых русских мыслителей обозначает проблему: «Руской, воспитанной Французом, всегда будет больше Француз, нежели Руской»²⁴. Для ее преодоления он предлагает простое и понятное решение: «доколе не возлюбим мы языка своего, обычаев своих, воспитания своего, до тех пор во многих наших науках и художествах будем мы далеко позади других»²⁵. Таким образом, первым и самым главным для Шишкова средством изживания галломании является обращение к родному языку, которому надо «хорошенько научиться, вникнуть в него, почувствовать всю его красоту, обогатиться знанием слов»²⁶. Для этого необходимо обращаться к «Священным книгам», помогающим «вникнуть в знаменование коренных слов наших, примениться к свойственному нам слогу»²⁷.

Уже позже, в 1811 г., в «Рассуждении о любви к Отечеству» Шишков сформулирует свою известную патриотическую формулу:

Вера, воспитание и язык, — и обогатит, систематизирует свои взгляды. Но так или иначе, основное ядро его представлений о национальной самобытности было сформулировано уже в 1803 г.: именно язык Шишков определил в качестве «субстанции народности, квинтэссенции национального самосознания и культуры»²⁸. Это была первая, четко артикулированная попытка противостояния агрессивному западничеству, наметившая и другие актуальные проблемы, озвученные позже последователями Шишкова: народность культуры, традиционализм, приоритет национальной истории и интерес к ней, православная религиозность, патриархальность общественных отношений, специфика национального характера.

Следующим громким и знаковым заявлением русских консерваторов-патриотов стала публикация в 1807 г. памфлета Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева». Он был написан после известия о «победе под Прейсиш-Эйлау»²⁹ и во многом продолжал мысли, несколькими годами ранее высказанные А. С. Шишковым, отличаясь при этом «громкой националистической риторикой»³⁰, неудивительной в условиях войны России с Францией. Ростопчин начинал с жесткой критики галломании: «Господи помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? <...> Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою

²³ Там же. С. 252–253.

²⁴ Там же. С. 253.

²⁵ Там же. С. 287.

²⁶ Там же. С. 257–258.

²⁷ Там же. С. 285.

²⁸ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. С. 368.

²⁹ Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // *Его же. Мысли вслух на Красном крыльце*. М., 2014. С. 420.

³⁰ Мецержакова А. О. Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 81.



Французский вороний суп. Худ. И. И. Тербенев, 1813 г.

землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? <...> Только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное — Париж»³¹.

И если Шишков в качестве антиязыцы галломании и губительности ее последствий выдвигал язык, то Ростопчин обратился к категории национального характера. Французов он изображал в «лубочном» стиле, в духе карикатур И. И. Тербенева³²: «Да что за народ эти французы! Копейки не стоит! Смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись — либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть немного дай воли, тотчас и напроказит... Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца. Головы рубили, как капусту; все повелевали — то тот, то другой злодей. Думали, что это будет равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож»³³. Таким образом, революция представлялась закономерным итогом развития и воплощения национального облика французов.

³¹ Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце... С. 420–421.

³² Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века... С. 112.

³³ Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце... С. 423.

Внутри России ситуацию усугубляло то, что образование дворянских детей находилось в руках французов не вполне внятного или низкого социального статуса. Чтобы рельефнее очертить парадоксальность такого положения дел, Ростопчин приводит следующий пример: «Ну не смешно ли нашему дворянину покажется, если бы русский язык в такой моде был в иных землях, как французский; чтоб псарь Климка, повар Абрашка, холоп Вавилка, прачка Грушка и непотребная девка Лушка стали воспитывать благородных детей и учить их доброму!»³⁴ К сожалению, в очень многих случаях, особенно в провинциальном дворянстве, этот пример Ростопчина не был преувеличением.

Так же, как и для Шишкова, пристрастие к развращающему французскому образованию непонятно Ростопчину: «Владыко мой! Да чего отцам и матерям хочется? чего у нас нет? Все есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. Россия известна лет с полтораста. А какие великие люди в ней были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меншиков, Шереметев, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители Отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом — Дашкова; министры: Панин, Шаховский, Маркин; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович»³⁵. Одни из них «знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского»³⁶. Другие вообще «жили без французского языка, а служили верой и правдой Государю и Отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою»³⁷. Таким образом, главными составляющими русского национального характера, «обеспечивающими целостность нации», становятся «православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности»³⁸.

Характерно, что в отличие от Шишкова, апеллировавшего к истории русского языка, Ростопчин обращается к национальной истории. А. Ю. Минаков считает, что список исторических деятелей, упомянутых Ростопчиным, «предвосхитил пантеон русских национальных героев, созданный чуть позже на страницах „Русского вестника“ С. Н. Глинки»³⁹. В отличие от пространныго «Рассуждения» Шишкова, доступного узкому кругу русских аристократов, ростопчинские краткие «Мысли вслух» не были отягощены сложной интеллектуальной рефлексией, были написаны «народным», понятным представителям всех сословий русского общества языком. А. О. Мещерякова отметила, что «стиль публицистических сочинений Ростопчина, отличающихся афористичностью изложения и образностью живого русского языка, испытал на себе влияние А. В. Суворова, с которым в течение нескольких лет Ростопчин вел оживленную переписку»⁴⁰. Памфлет был издан огромным по тем временам тиражом в 7 тыс. экземпляров, был с восторгом принят в среде купечества, мелкого дворянства и чиновничества и таким образом фактически стал первой попыткой объединения всех сословий русского общества нарождающейся национальной идеей.

Во многом вдохновившись опытом Ф. В. Ростопчина, в январе 1808 г. приступил к изданию журнала «Русский вестник» Сергей Николаевич Глинка. По словам Л. Н. Киселевой, это было издание, «для которого идея национальной самобытности культуры была четко выраженной программной установкой»⁴¹. Действительно, «Русский вестник»

³⁴ Там же. С. 422.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 421.

³⁸ Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 130.

³⁹ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века... С. 113.

⁴⁰ Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин... С. 87.

⁴¹ Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1982. С. 8.

обобщил, систематизировал и развил основной круг вопросов, поднятых А. С. Шишковым, Ф. В. Ростопчиным и их последователями. Исходным пунктом концептуальных построений С. Н. Глинки также стала угроза западноевропейской цивилизационной экспансии и критика галломании русской аристократии. Но мы не будем останавливаться на них в данном исследовании, они вполне созвучны соответствующим инвективам предшественников Глинки; а сконцентрируемся на наиболее оригинальных воззрениях издателя. Т. к. он был и основным автором своего журнала, то вполне целесообразным будет рассмотрение всех его материалов как единого текста.

«Каждый народ», — говорит Глинка, — «должен иметь воспитание, приличное первообразному его свойству»⁴², потому что «есть отличительное свойство, Богом и природой каждому народу назначенное: с изменением сего свойства удаляемся от цели бытия своего, от отечественных добродетелей, склонностей и нравов, словом, от истинного счастья, представленного каждому человеку в недрах родной его страны»⁴³. Причем, если первоначально «нравы и свойства» оказывают влияние на формирование системы национального воспитания, то впоследствии второе начинает определять облик первых, а также политической системы общества⁴⁴. Так, уже поляне, утверждает Глинка, ссылаясь на летопись Нестора, обладали такими чертами, как «кротость, тихость, уважение к родству, благоговение к обычаям *отец своих*, <...> стыдение или благонравие»⁴⁵, уже «в отдаленнейшей древности» русским были известны «две полезнейшие истины для рода человеческого: бессмертие души и воздаяние по делам, или суд Божий»⁴⁶. Именно они составили основу русского «особого воспитания» и быстрого утверждения на Руси христианской веры, в свою очередь ставших «душой Русского правительства»⁴⁷. Поэтому Глинка заявляет, что «воспитание отечественное» составляет «могущество, верность и власть держав»⁴⁸.

На страницах своего издания С. Н. Глинка предложил «реконструировать» систему «отечественного воспитания». С точки зрения организации она ориентировалась, прежде всего, на пристальное внимание родителей к условиям обучения своих детей⁴⁹. Так же «Русский вестник» ратовал за создание национальных педагогических кадров, сети отечественных училищ и пансионов, составления национальных учебной литературы и непременно использования русского языка в процессе преподавательской деятельности⁵⁰.



Портрет С. Н. Глинки.
Худ. В. П. Лангер, ок. 1820 г.

⁴² Глинка С. Н. Мнение известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах // Русский вестник. 1808. № 1. С. 44.

⁴³ Его же. О свойствах россиян и замечания о изменении героического свойства народов // Там же. № 7. С. 59.

⁴⁴ Там же. С. 51.

⁴⁵ Его же. О воспитании русских до времен Петра Великого // Там же. № 3. С. 279.

⁴⁶ Его же. Древние русские книги и предания // Там же. 1809. № 1. С. 177.

⁴⁷ Его же. О воспитании русских до времен Петра Великого. С. 363.

⁴⁸ Его же. Опыт о народном нравовании // Там же. 1812. № 6. С. 45.

⁴⁹ Его же. Краткие выписки из «Кормчей книги» и замечания на оные // Там же. 1808. № 8. С. 190.

⁵⁰ Его же. Разбор записки министра народного просвещения гр. Разумовского, поднесенной Государю, о воспитании, напечатанной в «Северной Почте» // Там же. 1811. № 7. С. 125–134.

С точки зрения содержания системы образования исключительную роль приобрело изучение русской истории — «истории о добродетельных деяниях и благотворных заведениях»⁵¹, как средоточия позитивных моделей поведения, которым родители должны были обучать своих детей.

В качестве основы нравственности предков С. Н. Глинка предложил триединую формулу «Бог. Вера. Отечество»⁵². Он был убежден в глубокой религиозности «старинных русских», в их вере во всемогущество Бога и предначертанность земной жизни Божественным Провидением. Отсюда непреложность исполнения предками божественных законов и следование уставам Веры. Вера представлялась Глинке краеугольным камнем системы ценностей предков, силой, обеспечивавшей гармоничное развитие русского общества на протяжении многих веков. Вера, «учиняющая всех чадами Отца небесного»⁵³, во-первых, уравнивала всех людей перед Богом, во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «наши предки» не акцентировали внимание на издержках социального неравенства, они осознавали свое равенство перед Всевышним, т.е. свою принадлежность к высшему «христианскому равенству». С точки зрения Глинки, социальная иерархия в сознании предков приравнивалась к различному положению членов семьи. Они осознавали, что «малое семейственное владычество есть образец всех других владычеств. В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судия и распорядитель; подданные суть чада»⁵⁴. Сословность в их понимании являлась органичным продолжением установленного на земле Богом природного неравенства. Поэтому «всякое старшинство было для них священно»⁵⁵. Глинка был убежден, что наличие общественного начальства и подчинение ему предки воспринимали как гарант устойчивости и безопасности государства. Поэтому русские люди всех сословий, как любящие и послушные дети, служили своим монархам-отцам. Только монархический строй виделся им легальным и возможным, а потому «наши предки» «лучше желали умереть, нежели жить самоуправно и без главы законной»⁵⁶. Также и русские монархи «могущества своего не отделяли от счастья и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях⁵⁷, «старались о распространении правил, необходимых для счастья человеческого и гражданского»⁵⁸. Патриархальная опека государей над подданными являлась нравственным примером отношения всех начальников к своим подчиненным. Потому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отцами своим подданным и подвластным им крестьянам⁵⁹, они «учреждали общенародные празднества, угощения и сближались с простолюдимством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего»⁶⁰. Таким образом, во взглядах Глинки Вера являлась гарантом самобытного стройного и бесконфликтного общественного строя праотеческой Руси.

Такое устройство транслировалось из поколения в поколение благодаря Вере, являвшейся основой воспитания предков, которые обучались по священным и духовным книгам⁶¹. «Любовь к Богу, к ближнему и к Отечеству» составляла «нравствен-

⁵¹ *Его же*. Вступление // Там же. 1808. № 1. С. 4.

⁵² *Его же*. Краткие выписки из «Кормчей книги»... С. 71.

⁵³ *Его же*. Опыт о народном нравоучении // Там же. 1812. № 6. С. 86.

⁵⁴ *Его же*. Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. 1815. № 2. С. 16–17.

⁵⁵ *Его же*. Опыт о народном нравоучении // Там же. 1812. № 6. С. 78.

⁵⁶ Там же. № 5. С. 64.

⁵⁷ *Его же*. Император Александр Первый, любитель отечественной древности // Там же. 1808. № 6. С. 267.

⁵⁸ *Его же*. Напоминание о Екатерине II // Там же. № 4. С. 29–30.

⁵⁹ *Его же*. О свойствах русских бояр: боярин Феодор; Ив. Кир. Нарышкин; замечания о боярине Матвееве // Там же. № 9. С. 365.

⁶⁰ *Его же*. Боярин Арт. Серг. Матвеев // Там же. № 2. С. 130.

⁶¹ *Его же*. Выписка из разговоров о словесности, сочиненных А. С. Шишковым, о русских пословицах, с некоторыми прибавлениями издателя // Там же. 1811. № 7. С. 22.

ное воспитание»⁶². Оно дополнялось «воспитанием физическим», заключающимся в том, что предки «жили сообразно природе, употребляли здоровую, простую и отечественную пищу: привыкали с младенческих лет к трудам и непогодам»⁶³. Старинное воспитание готовило русских людей к «бытию гражданина», способного пожертвовать своим личными интересами во имя общих, т.к. осознает, что первые обеспечиваются вторыми⁶⁴.

Очень значимым для Глинки был общенародный характер праотеческого воспитания, которое было одинаковым «для земледельцев от сохи и бояр от теремов княжеских»⁶⁵. Причем Россия — единственная и «в древних», и «в новых областях» страна, где со времени принятия христианства образование получали как высшие общественные слои, так и простонародье⁶⁶. Поэтому в стародавней Руси не было того социокультурного разрыва, который характеризовал современную Глинке эпоху, и «голос России для всех<...> был равно понятен»⁶⁷.

В рамках своей исторической концепции Глинка обозначил основные характеристики самобытного национального развития России: сильное монархическое государство, коллективный интерес которого превалирует над интересами отдельных индивидуумов, но в то же время и гарантирует последние; патриархальный характер всех социальных связей; наличие общественной иерархии, в которой каждый человек обладает справедливо установленными в соответствии с его социальным статусом правами и обязанностями. Это общество защищено от социально-напряженных ситуаций, т.к. основой общественного взаимодействия является разделяемая всеми христианская этика. Таким образом, эта модель обладала ярко выраженной нравственной природой и утверждала господство над жизнью законов морали. Также важно отметить антипросветительский и антиреволюционный характер создаваемой Глинкой национальной самобытности. Журнал С. Н. Глинки, вызванный к жизни предчувствием грозы 1812 г., сыграл важнейшую роль в подготовке общественного мнения к войне.

С нашей точки зрения, квинтэссенцией рассматриваемых идейных поисков русских консерваторов первой четверти XIX в. стала историческая концепция Н. М. Карамзина, в которой в качестве основы самобытного и творческого исторического движения России предстало русское самодержавие⁶⁸.

Строго говоря, поиски национальных основ, в том числе и политического свойства, Н. М. Карамзин начал даже раньше А. С. Шишкова. Так, уже в 1802 г. в «Вестнике Европы» он утверждал, что признание исторического опыта и традиции социального и политического развития гарантом стабильности государства стало одним из важных позитивных итогов Французской революции: «Мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих, <...> что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакой силою ума»⁶⁹. Статья Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости», также появившаяся в одном из номеров издания в 1802 г., проникнута ярким патриотическим пафосом: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут»⁷⁰. Однако основное ядро его взглядов очевидно

⁶² *Его же*. О воспитании русских до времен Петра Великого. С. 294.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 295.

⁶⁵ *Его же*. Опыт о народном нравоучении // Там же. 1812. № 5. С. 45.

⁶⁶ Там же. С. 45–48.

⁶⁷ *Его же*. Замечания на слова одной французской принцессы // Там же. 1808. № 6. С. 288.

⁶⁸ Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Н. М. Карамзин. М., 2001. С. 60.

⁶⁹ Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // *Его же*. О любви к Отечеству и народной гордости. М., 2013. С. 181.

⁷⁰ *Его же*. О любви к Отечеству и народной гордости // Там же. С. 197–198.



Портрет Н. М. Карамзина.
Худ. А. Флоров,
с оригинала В. А. Тропинина, 1815 г.

оформилось лишь к 1811 г., т.к. именно к этому времени были написаны первые пять томов «Истории государства российского» и «Записка о древней и новой России». Последняя носила секретный характер и была предназначена для ознакомления императора Александра I с мнением консервативной общественности относительно его реформ. «Записка» была обоснована широким, лапидарно, но емко изложенным историческим материалом⁷¹.

Лейтмотив всех исторических работ Карамзина — мысль о том, что «самодержавие есть палладиум России»⁷². Уникальность российской истории заключается в том, что «Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов. <...> Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие, <...> в России оно утвердилось с общего согласия граждан, <...> и рассеянные племена Славянские основали Государство»⁷³. Таким образом, «Карамзин обосновывал мысль об отсутствии в социальном строе России каких бы то ни было зачатков будущих общественных или политических конфликтов», в отличие от западноевропейских государств, к началу XIX в. прошедших

через горнило Нидерландской, Английской и Французской революций⁷⁴. Этот тезис Карамзина позже будет блестяще развит М. П. Погодиным. Важно отметить, что если приведенная цитата и не опровергает норманизм Карамзина, то хотя бы акцентирует его уважение к русскому народу у самых истоков его государственного становления. Историк особо отметил высокий уровень развития политико-правового сознания восточнославянских племен, самостоятельно пришедших к мысли о благодетельности единой государственной власти.

Согласно Карамзину, «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»⁷⁵. Самодержавие явилось итогом многовекового развития русской государственной власти и «достохвальных усилий Князей Московских, от Калиты до Василия Темного»⁷⁶. Однако «первым, истинным Самодержцем России» стал Иван III⁷⁷, самый выдающийся с точки зрения Карамзина государь, историческая роль которого имеет не только всероссийское, но и всемирное значение. Иван III явился на политической арене «в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной»⁷⁸.

⁷¹ Минаков А. Ю. Записка о древней и новой России // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 188–190.

⁷² Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Его же*. О любви к Отечеству и народной гордости. С. 323.

⁷³ *Его же*. История государства Российского. М., 1988. Ч. 1. С. 67.

⁷⁴ Русская социально-политическая мысль... С. 64.

⁷⁵ Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 240.

⁷⁶ *Его же*. История государства Российского // Там же. С. 656.

⁷⁷ Там же. С. 658.

⁷⁸ Там же. С. 654.

Именно с правления Ивана III «История наша приемлет достоинство истинно государственной»⁷⁹. Именно Иван III, «наблюдая во всем достоинство Монарха», стремился приучить своих подданных к «благоговению пред его священным саном», «умножал внутреннюю силу России строгим действием Самодержавной власти»⁸⁰. Именно Иван III стал образцом государственного ума и мудрости, правителем, не нарушавшим границ своих полномочий. Так, борьбу с губительной для вновь объединенной России удельной системой Иван III проводил без «явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности»⁸¹.

Таким образом, согласно Карамзину самодержавный монарх «в высшей степени связан нравственными требованиями, <...> поскольку эти требования превратились в течение веков в прочные и глубоко укорененные традиции. Для Карамзина именно эти традиции, а не формальные правовые установления и внешнее государственное устройство, — подлинная гарантия того, что в государстве будут преобладать право, справедливость и добро, и что подданные будут счастливы. Если монарх царствует добродетельно в согласии с этими традициями, то он остается на правильном нравственном пути, на пути справедливости, и не только сам он, он и наследника своего вынуждает идти по тому же пути...»⁸² Соответственно, самодержавие в понимании Карамзина — это «не столько неограниченность, сколько неделимость власти»⁸³, и существуют сферы общественной жизни, на которые самодержавная власть не может распространяться. Такой сферой, помимо нравов и обычаев народа, является сфера церковной жизни⁸⁴. А само православие Карамзин интерпретировал как «совесть» самодержавной власти, определяющую нравственные ориентиры для монарха и народа, как в благополучные периоды, так, и особенно, в периоды потрясений⁸⁵.

В данном контексте интересна проведенная Карамзиным параллель между Иваном III и Петром I, основанием для которой является масштабный характер их государственных преобразований: «Оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных». В «Истории», доведенной Карамзиным лишь до начала XVII в., ему не удалось раскрыть весь ужас и трагедию петровских реформ, однако в «Записке о древней и новой России» он предъявил счет императору, в XVIII в. считавшемуся национальной иконой. Карамзин обвинял Петра в том, что страсть к нововведениям «преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств. <...> Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце», фактически уничтожая способность народа к великим делам⁸⁶, коими так богата допетровская история Руси. Ведь именно народ, осознав пользу и выгоду самодержавия⁸⁷, сохранял верность этой системе власти даже в страшнейший период опричнины⁸⁸, а в 1612 г., проявив «удивительное единодушие», «Веру, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной

⁷⁹ Там же. С. 424.

⁸⁰ Там же. С. 478.

⁸¹ Там же. С. 488.

⁸² Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 100.

⁸³ Китаев В. А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 180.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Минаков А. Ю. Предисловие // Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости. М., 2013. С. 28.

⁸⁶ Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 250.

⁸⁷ Там же. С. 240.

⁸⁸ Там же. С. 242.

власти», освободил Москву от польских интервентов и прекратил Смуту возведением на престол династии Романовых⁸⁹.

Таким образом, Карамзин раскрывал самодержавие как «умную политическую систему», зависевшую не только от личных свойств, ума, воли отдельных правителей, но и от сложного взаимодействия национальных традиций в сфере государственных и общественных отношений⁹⁰. Изменение хотя бы одного из этих элементов неизбежно влекло за собой ослабление всей системы, тем более недопустимо было посягательство на суть самодержавия со стороны самих русских монархов. Так, направление общественной жизни на путь европеизации и секуляризации в петровскую эпоху привело к трагичному социокультурному разрыву между привилегированными слоями и простонародьем, «и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах»⁹¹; и к ослаблению положения духовенства, которое из наставников и нравственных судей превратилось в «угодников царей»⁹². Итогом правления Петра стала эпоха дворцовых переворотов, когда аристократия и олигархия «губили отечество»⁹³. В конце «Записки» Карамзин критиковал реформы Александра I и говорил о неправомерности ограничения самодержавия. Известно, что принципиальная позиция Карамзина в этом вопросе стала одной из причин отказа императора от проекта реформ, реализовывавшихся Сперанским, а позже явилась основой кодификационной деятельности во главе с ним же, но уже в царствование Николая I.

Таким образом, консервативные мыслители первой четверти XIX в. актуализировали основной круг понятий, составивших смысл концепта национальной самобытности: патриотизм, национальный язык, национальный характер, историко-культурная традиция, народность культуры, национальная форма политического бытия — самодержавие.

Кажется парадоксальным, но факт, что осмысление этих понятий, происходившее в контексте противостояния западноевропейской цивилизации, во многом воспроизводило ее же логику и достижения. Так, размышления о национальном языке как носителе ментальности и факторе национального самоопределения характерны для европейского романтизма, в частности для взглядов Гердера⁹⁴, понятие национального характера и идея необходимости национального воспитания активно развивались Руссо⁹⁵. Обращение к народному фольклору, преданиям, традициям в это время охватило всю Европу (так, братья Гримм в Германии собирали народные сказки, а шотландские националисты «реконструировали» никогда не существовавшие «традиции» шотландских горцев)⁹⁶ — это то, что Э. Хобсбаум назвал «изобретением традиции»⁹⁷; так что и здесь русские интеллектуалы действовали вполне в общеевропейском русле.

В любом случае, Шишков, Ростопчин, Глинка и Карамзин в сложном интеллектуальном противостоянии и единстве с европейской мыслью начали разрабатывать идею о том, что Россия — это особый мир, особая от западноевропейской цивилизация, которую можно понять и почувствовать только русским сердцем.

⁸⁹ Там же. С. 246–247.

⁹⁰ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века... С. 333.

⁹¹ Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 251.

⁹² Там же. С. 254.

⁹³ Там же. С. 255–256.

⁹⁴ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 168–169.

⁹⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой четверти XIX века. М., 2004. С. 167–173.

⁹⁶ Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 89.

⁹⁷ Смит Э. Национализм и модернизм... С. 240–243.

Источники и литература

1. *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.
2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М., 1954. 863 с.
3. *Бердяев Н. А.* Избранные труды. М., 2015. 504 с.
4. *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–204.
5. *Вяземский П. А.* Сергей Николаевич Глинка // *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 435–446.
6. *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии образования А. С. Шишкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 181–203.
7. *Гаспаров Б.* История без телеологии: (заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 274–278.
8. *Глинка С. Н.* Боярин Арт. Серг. Матвеев // Русский вестник. 1808. № 2. С. 121–145.
9. *Глинка С. Н.* Вступление // Русский вестник. 1808. № 1. С. 3–10.
10. *Глинка С. Н.* Выписка из разговоров о словесности, сочиненных А. С. Шишковым, о русских пословицах, с некоторыми прибавлениями издателя // Русский вестник. 1811. № 7. С. 8–43.
11. *Глинка С. Н.* Древние русские книги и предания // Русский вестник. 1809. № 1. С. 167–181.
12. *Глинка С. Н.* Замечания на слова одной французской принцессы // Русский вестник. 1808. № 6. С. 286–290.
13. *Глинка С. Н.* Император Александр Первый, любитель отечественной древности // Русский вестник. 1808. № 6. С. 261–267.
14. *Глинка С. Н.* Краткие выписки из «Кормчей книги» и замечания на оные // Русский вестник. 1808. № 8. С. 189–200.
15. *Глинка С. Н.* Мнение известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах // Русский вестник. 1808. № 1. С. 43–52.
16. *Глинка С. Н.* Напоминание о Екатерине II // Русский вестник. 1808. № 4. С. 3–46.
17. *Глинка С. Н.* О воспитании русских до времен Петра Великого // Русский вестник. 1808. № 3. С. 278–300.
18. *Глинка С. Н.* О свойствах россиян и замечания о изменении героического свойства народов // Русский вестник. 1808. № 7. С. 49–64.
19. *Глинка С. Н.* О свойствах русских бояр: боярин Федор; Ив. Кир. Нарышкин; замечания о боярине Матвееве // Русский вестник. 1808. № 9. С. 361–372.
20. *Глинка С. Н.* Опыт о народном нравоучении // Русский вестник. 1812. № 5. С. 1–94; № 6. С. 5–106.
21. *Глинка С. Н.* Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Русский вестник. 1815. № 2. С. 3–45.
22. *Глинка С. Н.* Разбор записки министра народного просвещения гр. Разумовского, поднесенной Государю, о воспитании, напечатанной в «Северной Почте» // Русский вестник. 1811. № 7. С. 115–135.
23. *Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 114–140.
24. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX века. М., 2004. 416 с.
25. *Карамзин Н. М.* История государства Российского // *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А. Ю. Минакова. М., 2013. С. 328–644.
26. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 4 ч. Ч. 1. М., 1988. 1364 с.
27. *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А. Ю. Минакова. М., 2013. С. 233–328.

28. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А. Ю. Минакова. М., 2013. С. 194–203.
29. Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А. Ю. Минакова. М., 2013. С. 181–191.
30. Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1982. 16 с.
31. Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1983. Вып. 620. С. 18–29.
32. Китаев В. А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005. С. 171–195.
33. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. 548 с.
34. Лупарева Н. Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. 216 с.
35. Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 85–102.
36. Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. 264 с.
37. Минаков А. Ю. Записка о древней и новой России // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 188–190.
38. Минаков А. Ю. Предисловие // Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А. Ю. Минакова. М., 2013. С. 5–58.
39. Минаков А. Ю. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. С. 239–253.
40. Минаков А. Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: сб. науч. работ. Воронеж, 2005. С. 7–18.
41. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. 560 с.
42. Минаков А. Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8. С. 18–19.
43. Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. 368 с.
44. Проскурин О. Новый Арзамас – Новый Иерусалим: литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 73–128.
45. Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл. А. О. Мещерякова. М., 2014. С. 420–424.
46. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под ред. А. А. Ширипянца. М., 2001. 268 с.
47. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 464 с.
48. Стенник Ю. В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 5–22.
49. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 1–352.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (5)

2021

А. А. Тесля

Многоликий консерватизм.

Размышления над книгой:

**Котов А. Э. Русский политический предмодерн:
забытые «консерваторы» второй половины XIX века.
СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с.**

УДК 329.11(470):94(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_183

Аннотация: В статье рассматривается новая книга Александра Котова, посвященная «забытым консерваторам» второй половины XIX в. Основными персонажами этой работы выступают М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, И. П. Корнилов, М. В. Юзефович, В. Д. Скарятин. Разумеется, многих из них трудно назвать забытыми на уровне имен — забвение в первую очередь относится к их конкретным тезисам, контексту их появления и обсуждения в общественной дискуссии, к линиям размежевания и противопоставления в консервативном лагере. Другим забытым сюжетом являются местные группы консервативных публицистов, представляющие интерес с точки зрения логики включения локальных проблем и интересов в общеимперскую консервативную полемику. Концептуальное ядро работы — анализ сословного консерватизма пореформенного периода, прежде всего круга газеты «Весть». Автор демонстрирует, что к 1880-м гг. противостояние между сословным консерватизмом и консервативным национализмом оказывается во многом снятым за счет включения элементов первого в состав второго, представленного в первую очередь поздними трудами Каткова.

Ключевые слова: национализм, политический модерн, предмодерн, русский консерватизм, сословный консерватизм.

Об авторе: **Андрей Александрович Тесля**

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

E-mail: mestr81@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Для цитирования: Тесля А. А. Многоликий консерватизм. Размышления над книгой: Котов А. Э. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с. // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 183–187.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (5)

2021

Andrey A. Teslya

Conservatism with many faces.

Reflections on the Book:

**Kotov A. E. Russian political Premodern:
forgotten “conservatives” of the second half of the XIX century.
St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. 285 p.**

UDC 329.11(470):94(470)

DOI 10.47132/2588-0276_2021_2_183

Abstract: The article examines a new book by Alexander Kotov, dedicated to the “forgotten conservatives” of the second half of the 19th century. The main characters in this book are M. N. Katkov, Yu. F. Samarin, I. S. Aksakov, I. P. Kornilov, M. V. Yuzefovich, V. D. Skaryatin. Of course, many of them can hardly be called “forgotten” at the level of names – oblivion primarily refers to their specific theses, the context of their appearance and discussion in public discussion, to the forgotten lines of demarcation and opposition in the conservative camp. Other forgotten topics include local groups of conservative publicists, which are of interest from the point of view of the logic of including local problems and interests in the general imperial conservative polemics. The conceptual core of the work is an analysis of the class conservatism of the post-reform period, first of all, the circle of the newspaper “Vest”. The author demonstrates that by the 1880s, the confrontation between estate (état) conservatism and conservative nationalism was largely removed due to the inclusion of elements of the former in the latter, primarily represented by the late Katkov.

Keywords: nationalism, political modernity, premodernity, Russian conservatism, estate (état) conservatism.

About the author: **Andrey Alexandrovich Teslya**

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History of St. Petersburg State University; Senior Researcher, Supervisor (Director) The Center for Research on Russian Thought of the Institute of Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: mestr81@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

Financing: This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

For citation: Teslya A. A. Conservatism with many faces. Reflections on the Book: Kotov A. E. Russian political Premodern: forgotten “conservatives” of the second half of the XIX century. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. 285 p. *Russian-Byzantine Herald*, 2021, no. 2 (5), pp. 183–187.

Новая книга известного исследователя интеллектуальной истории русского консерватизма XIX в. Александра Котова представляет собой de facto сборник пяти статей, сильно различающихся между собой по жанровой природе.

Первая статья «Над могилой Каткова: спор о „белом нигилизме“»¹ является ценным очерком ближайших откликов на кончину М. Н. Каткова, данных в печати оценок его деятельности и краткой характеристики последующих, приходящихся на десятилетие после его смерти, суждений.

Второй текст посвящен славянофилам 1850–70-х гг. в аспекте практической политической деятельности — как совмещается/модифицируется доктрина, как мыслится ее сочетание с действием и насколько в конечном счете она сохраняется при переходе в действие, а насколько в реальности возникает сильно отличная от доктринальной схема, роднящаяся с другими направлениями, которым славянофильство противостоит на уровне идей.

Следующие две небольшие статьи продолжают серию портретных эскизов, начатую автором в вышедшей в 2016 г. книге «„Царский путь“ Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике». Посвящены они Ивану Корнилову, известному главным образом в качестве попечителя Северо-Западного учебного округа в 1864–1868 гг., а также знаменитому киевлянину Михаилу Юзефовичу².

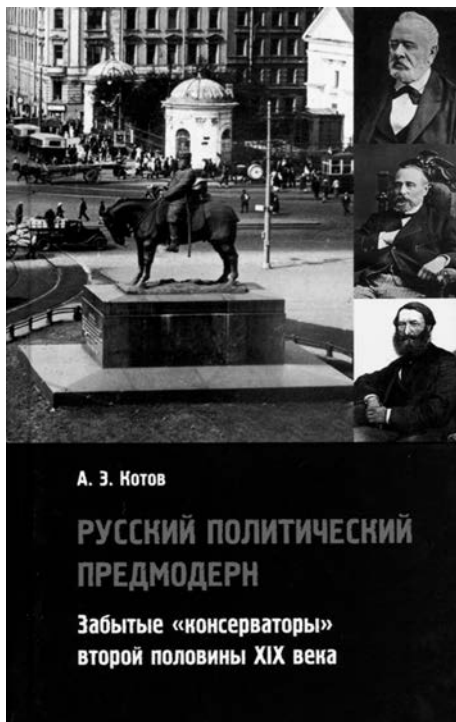
Наибольший концептуальный интерес представляет последняя статья сборника (следует отметить, что она занимает более трети от всей книги — с. 175–278), посвященная осмыслению истории пореформенного сословного консерватизма, прежде всего — круга издателей и авторов газеты «Весть», В. Д. Скарятина и Н. Н. Юматова.

Однако, прежде чем переходить к анализу концептуальных построений автора, необходимо пояснить вводимое им в заглавии понятие «политического предмодерна». Под ним (насколько мы можем судить на основании текста книги, т. к. эксплицитно понятие в работе не раскрывается) автор понимает период от формирования «публичной сферы», «общественного пространства» в Российской империи, которое приходилось на 1840–1860-е гг., и вплоть до наступления собственно «политического модерна» — появления публичной политики, политических партий (уже в современном значении последнего слова) и т. д., что в отечественном случае приходится на первое десятилетие XX в.

Применительно к российским реалиям значимо также и то обстоятельство, что участники общественных дискуссий, сторонники тех или иных политических/социальных решений и устремлений, одновременно ориентированы не только на наличный порядок вещей, но и располагают себя во временной перспективе — по отношению к тем формам политического действия/взаимодействия, которые не являются

¹ См. также: *Котов А. Э.* «Зевса в акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М. Н. Каткова // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 222–243.

² О нем см.: *Его же.* Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 105–121.



Обложка книги А. Э. Котова

или далеко не вполне являются реалиями Российской империи, но выступают реалиями значимых других политических сообществ и в этом плане оказываются частью внутреннего порядка вещей. Достаточно напомнить хотя бы «англоманстве», присутствующем как редактору «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника» Каткову, так и издателям «Вести». Здесь отсылка и к конкретным политическим и общественным формам Великобритании как образцам и моделям, и к образам этих форм, зачастую весьма далеким от реалий, и их осмыслению в значимой как для дискутирующих сторон, так и для их аудитории германской традиции. Так, показательно, что разные стороны дискуссий с сопоставимой частотой обращаются к тому пониманию британского политического устройства, что сформулировано Гнейстом, а он, в свою очередь, значим и как идеолог немецкого политического либерализма середины XIX в.

Тем самым «политический предмодерн», о котором пишет Александр Котов, оказывается пространственно разнесенным, но хронологически одномоментным с «политическим модерном». Это обстоятельство значимо для понимания не только конкретных суждений, но и во многом публичных реакций на высказываемые суждения и занимаемые позиции, ведь, обращаясь к ключевой характеристике «модерна» (теперь уже в широком смысле слова) по Гидденсу, приходится говорить именно о рефлексивности, что отличает современные социальные порядки от им предшествующих, и в этом смысле, разумеется, «политический предмодерн» обладает указанным свойством.

Возвращаясь уже непосредственно к сюжету о «забытых консерваторах», отметим, что автор совершенно справедливо говорит о множественности консерватизмов и, более того, зачастую условности данной политической характеристики (так, во многом сторонников националистического направления автоматически квалифицируют как консерваторов, что, например, весьма проблематично применительно к воззрениям того же Каткова 1860-х гг. и если и находит свое обоснование, то прежде всего в ретроспективном взгляде, исходя из эволюции его представлений к 1880-м гг.).

В рамках русского консерватизма 1860–1870-х гг. базовая оппозиция определяется автором как противостояние сословной и национальной моделей трансформации империи. Сословный консерватизм, органом которого выступала «Весть», во многом близкий к позиции П. А. Валуева, занимавшего пост министра внутренних дел в 1861–1868 гг., предполагал множество национальностей, но, по выражению Скарятин, одну собственность. Дворянство в этом случае осмыслялось прежде всего как землевладельцы, и трансформация политического порядка укладывалась в цензовую логику. Анализируя долгое время остававшиеся на периферии исследовательского внимания воззрения авторов «Вести», А. Э. Котов развеивает многочисленные предрассудки, связанные с пониманием позиции этого круга, демонстрируя, что речь идет не о «реакции» (в смысле «крепостничества»), а о направлении изменений, — в частности, о пределах и формах допустимого государственного вмешательства в поземельные отношения, отстаивание (и во многом конструирование в русских реалиях) современной, буржуазной собственности. В этой перспективе оппоненты из другой части условно-консервативного лагеря обвинялись в более или менее явном «социализме», — так, Ивана Аксакова и его поддержку аграрных реформ в Западных губерниях 1863 г. сопоставляли с Луи Бланом и т. п. Понятно, что в данном случае речь идет о полемическом приеме, но он хорошо высвечивает и разное понимание консерватизма со стороны, например, Скарятин — и Аксакова и Самарина. Для первого консервативное начало заключается в сохранении и защите существующих социальных отношений, для вторых их условный «демократизм» состоит в понимании «народа» как консервативного элемента и, соответственно, преобразовании государственных, социальных отношений для его преобладания.

Если для одного круга, националистического, речь идет о способах и формах выстраивания национального ядра — проблематики национализирующейся империи и того, что станет ключевым критерием инкорпорации в сообщество «русских», будет ли это прежде всего конфессиональный критерий или же критерий

культурно-языковой, — то для сословных консерваторов империя мыслится по логике интеграции в рамках разных групп одного и того же сословия — осознания, обретения общей идентичности как «русского дворянства» дворян Остзейских губерний или Великорусских — и способности к корпоративному действию.

Как показывает Александр Котов, конфронтация двух больших вариантов консерватизма, приходящаяся на 1860-е гг., постепенно идет на спад в 1870-е, что объясняется, по крайней мере отчасти, слабостью, продемонстрированной собственно дворянской, сословной корпоративностью: вслед за немногочисленными попытками политического действия, приходящимися на конец 1850-х — первую половину 1860-х гг. и обусловленными подготовкой и затем проведением крестьянской реформы, дворянство лишается значительной части политических амбиций, а сословно-консервативные проекты 1870-х гг. теперь уже мыслят усиление дворянства как часть собственно государственной политики, где государство берет на себя роль социального инженера и осуществляет действия по выстраиванию новой структуры, на которую оно может опереться. И к 1880-м гг. прежнее противостояние во многом сходит на нет — теперь сословные логики оказываются включены, как можно видеть на примере Каткова и сторонников его направления, в национально-консервативную программу, сословный элемент оказывается частью национального, выстраивая уже не наднациональное имперское пространство, а скрепляя, по мысли идеологов, национальное ядро, выступая «национализированными элитами». В этом отношении показательно, что остающийся в стороне от такого рода эволюции Леонтьев оказывается созвучен к 1880-м гг. призывам к «реакции», но воспринимаем как «парадоксалист» в ракурсе критики процессов национализации.

В целом рассматриваемая работа интересна не только конкретным содержанием, но и побуждением к постановке больших теоретических вопросов — прежде всего о типологии и внутренней логике развития консервативных направлений русской мысли, как в широком интеллектуальном, так и в политическом и социальном контекстах и в сопряжении с иными большими идеологиями XIX столетия.

Источники и литература

1. Котов А. Э. «Зевса в акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М. Н. Каткова // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 222–243.
2. Котов А. Э. Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 105–121.
3. Котов А. Э. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с.

Учредитель журнала:
Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 10 ноября 2017 г.

Русско-Византийский вестник

№ 2 (5), 2021

Научный журнал

ISSN 2588-0276 (Print)

ISSN 2687-0819 (Online)

Главный редактор журнала
Игорь Борисович Гаврилов, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/russian-byzantine-herald>

Электронная почта журнала
E-mail: igo7777@mail.ru

Все изображения в журнале взяты из открытых источников

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 06.12.2021. Дата выхода в свет: 28.12.2021.

Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.

Объем: 14,5 а.л.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 135. Тираж 250 экз.